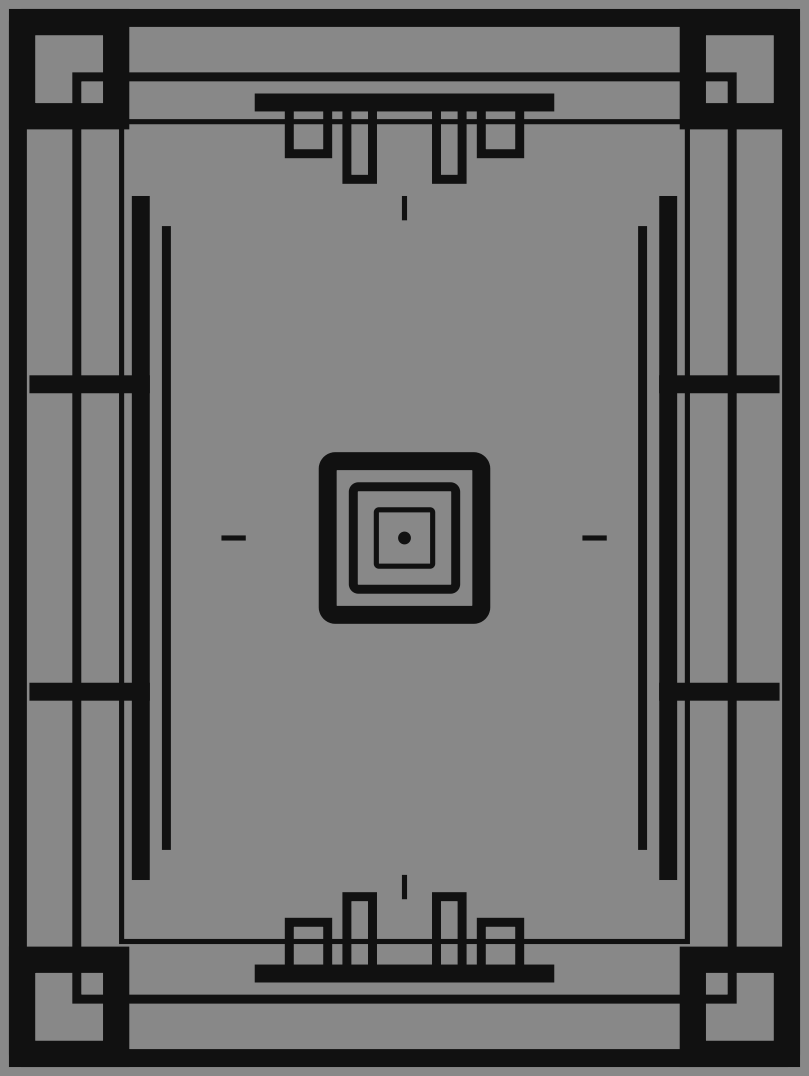

Лейтесь, слёзы...

Филип Киндред Дик

Аннотация
Филип К. Дик. «Лейтесь, слезы...»
Лейтесь, слезы...
  Часть первая
    Глава 1
    Глава 2
    Глава 3
    Глава 4
    Глава 5
    Глава 6
  Часть вторая
    Глава 7
    Глава 8
    Глава 9
    Глава 10
    Глава 11
    Глава 12
    Глава 13
    Глава 14
    Глава 15
    Глава 16
    Глава 17

Глава 18
Глава 20
Часть третья
Глава 21
Глава 22
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Часть четвертая
Эпилог

Аннотация

Philip K. Dick *Flow My Tears, the Policeman Said* 1974

Филип К. Дик «Лейтесь слезы...» // пер. с англ. — М.Кондратьев

Будущее. Ясон Тавернер — крупнейшая звезда телевидения, ведущий популярнейшего шоу, человек, успешный во всем — даже в своих мелких неудачах. Шикарные пентхаусы, великолепные костюмы, блистательные любовницы, невероятная карьера — весь мир принадлежит ему, и он доволен тем, как этот мир устроен.

Но однажды он просыпается и узнает, что больше не существует. Его документы оказываются подделкой. Его не узнают ни фанаты, ни знакомые, ни самые близкие люди — как будто его никогда не было.

И некогда прекрасный мир поворачивается к нему совершенно другой стороной...

«Лейтесь, слезы» — это роман из эпохи расцвета творчества Филипа Дика — расцвета, не замеченного читателями и повлекшего за собой глубочайшую депрессию, с которой

писатель боролся несколько лет. Лишь после смерти Дика, когда общественная мысль вдруг обнаружила, что мир лишился незаурядного мыслителя и философа, читатели начали возвращать Дику то, что задолжали…

Филип К. Дик
«Лейтесь, слезы...»

УДК 82/89 ББК 84(7Сое)6
Д 45

PHILIP K. DICK

Flow My Tears, The Policeman Said

Перевел с английского М. К. Кондратьев

Издательство выражает благодарность литературному агентству P. R. Permissions Rights за содействие в приобретении прав

Защиту интеллектуальной собственности и прав издательской группы «Амфора» осуществляет юридическая компания «Усков и Партнеры»

Дик, Ф.
Д 45 Лейтесь, слезы: роман / Филип Дик; [пер. с англ. М. Кондратьева]. — СПб.: Ред Фиш. ТИД «Амфора», 2005. — 319 с.
ISBN 5-483-00044-7

«Лейтесь, слезы» — это роман из эпохи расцвета творчества Филипа Дика — расцвета, не замеченного читателями и повлекшего за собой глубочайшую депрессию, с которой писатель

боролся несколько лет. Лишь после смерти Дика, когда общественная мысль вдруг обнаружила, что мир лишился незаурядного мыслителя и философа, читатели начали возвращать Дику то, что задолжали…

ISBN 5-483-00044-7

© Philip K. Dick, 1974
© Кондратьев М., перевод, на русский язык, 2005
© Издание на русском языке, оформление. ЗАО ТИД «Амфора», 2005

Лейтесь, слезы…

Часть первая

Flow my tears, fall from your springs!
Exiled forever let me mourn;
Where night's black bird her sad infamy sings,
There let me live forlorn.[1]

Глава 1

В тот вторник, 11 октября 1988 года, «Шоу Ясона Тавернера» окончилось на тридцать секунд раньше. Техник, наблюдавший за шоу из пластикового купола аппаратной, тормознул финальные титры на видеосекции, а затем яростно помахал руками Ясону Тавернеру, который уже собрался было уходить со съемочной площадки.

---

[1] Примечания: 1

Лейтесь, слезы, ручьями с ресниц,
Скорби моей орошая лик;
В горестной песне полуночных птиц
Вечностью станет миг…

(Фрагмент стихотворения «Жалоба» Джона Дауленда; перев. с англ. А. Береста.) — Прим. ред.

Техник сперва похлопал себя по запястью, после чего указал на свой разинутый рот.

Тогда Ясон, повернувшись к ближайшему микрофонному журавлю, ровным голосом произнес:

— Гоните все фанфары и анонсы дальше, ребята. И держите настройку на «Приключения Скотти, необычайного пса».

Техник улыбнулся; Ясон улыбнулся в ответ — а затем и аудио, и видеосистемы отключились. Их часовая эстрадно-музыкальная программа, вторая по рейтингу среди телешоу этого года, подошла к концу. И все получилось как нельзя лучше.

— Где мы потеряли полминуты? — спросил Ясон у специальной гостьи этого вечера, эстрадной звезды Хильды Харт. Промашка его озадачила. Он привык точно рассчитывать свое шоу по времени.

— Брось, лапочка, — сказала Хильда Харт. — Все в порядке. — Затем она приложила прохладную ладонь к его чуть влажному лбу, нежно погладила песочного цвета волосы.

— Тебе самому-то понятно, какой властью ты обладаешь? — спросил у Ясона Эл Блисс, их общий агент, подходя ближе. Как всегда — слишком близко. — Сегодня вечером тридцать миллионов

человек видели, как ты застегиваешь ширинку. Типа рекорд.

— Я каждую неделю ширинку застегиваю, — заметил Ясон. — Это мой фирменный знак. Ты что, раньше не видел?

— Но тридцать миллионов, — сказал Блисс; его круглую, багровую физиономию сплошь усеивали капельки пота. — Ты об этом подумай. А ведь есть еще гонорар за повторы.

— Я раньше подохну, — отчеканил Ясон, — чем получу гонорар за повторы моего шоу. И слава богу.

— Подохнуть ты можешь прямо сегодня, — подхватила Хильда. — Когда там на улице столько твоих фанатов толпится. Только и ждут, чтобы порвать тебя на ма-ахонькие клочки — каждый не больше почтовой марки.

— Некоторые из них — ваши фанаты, мисс Харт, — как-то по-собачьи проскулил Эл Блисс.

— Черт бы их побрал, — выругалась Хильда. — Почему бы им не отвалить? Разве они не нарушают никакого закона? Наверняка это можно подвести под тунеядство или что-нибудь в таком духе.

Ясон взял ее за руку и сильно сжал ладонь, привлекая внимание раздраженной подруги.

Он никогда не понимал, почему Хильда так ненавидит фанатов; для него они составляли питательную среду его общественной жизни. А эта общественная жизнь, его роль всемирно известного артиста, была для Ясона самой жизнью — и точка.

— Не следовало тебе идти в певицы, — сказал он Хильде, — раз ты так к этому относишься. Уходи из шоу-бизнеса. Устройся соцслужащей в исправительно-трудовой лагерь.

— Там тоже люди живут, — мрачно отозвалась Хильда.

Два полицейских охранника плечами проложили себе дорогу к Ясону Тавернеру и Хильде.

— Мы расчистили коридор, как только смогли, — пропыхтел тот, что был пожирнее. — Идемте сейчас, мистер Тавернер. Прежде чем студийная публика просочится к боковым выходам. — Он подал знак трем другим полицейским охранникам, и те тут же выдвинулись к жаркому, людному коридору, противоположный конец которого выходил на ночную улицу. А там во всем блеске роскоши и дороговизны стоял на приколе градолет «роллс-ройс», чей хвостовой ракетный двигатель пока что подрагивал вхолостую. Наподобие, подумал Ясон, механического сердца.

Сердца, что билось исключительно для него, Ясона Тавернера, звезды телеэкрана. Впрочем, если уж развивать мысль, билось оно и в ответ на потребности Хильды.

И Хильда это заслужила: сегодня вечером она замечательно пела. Почти так же хорошо, как… Ясон мысленно улыбнулся. Ладно уж, без обиняков, подумал он. Ведь не затем эти тридцать миллионов включают свои трехмерные цветные телевизоры, чтобы увидеть звездного гостя программы. Добрая тысяча таких звезд рассеяна по всей поверхности Земли. Есть немного и в марсианских колониях.

Нет, подумал он, они включают телевизоры, чтобы увидеть меня. И я всегда на месте. Ясон Тавернер никогда не разочаровывал и не разочарует своих фанатов. Что бы там Хильда ни думала про своих.

— Они тебе не нравятся, — бросил он, пока они, виляя, пихаясь и пригибая головы, пробирались по душному, провонявшему потом коридору, — потому что ты сама себе не нравишься. Втайне ты считаешь, что у них дурной вкус.

— Они тупые, — проворчала Хильда и негромко выругалась, когда ее большая шляпа с низкой тульей слетела с головы и исчезла в брюхе кита

— в толпе напирающих отовсюду фанатов.

— Они нормалы, — шепнул ей в самое ухо Ясон, частично погрузив лицо в копну блестящих рыжих волос.

В знаменитый каскад прически, столь тщательно копируемый во множестве салонов красоты по всей Земле.

— Не произноси это слово, — проскрипела зубами Хильда.

— Они нормалы, — повторил Ясон, — а стало быть, дебилы. Потому что… — он ущипнул зубами мочку ее уха, — потому что именно это и значит быть нормалом. Верно?

Хильда вздохнула:

— О господи, мне бы сейчас лететь в градолете куда-нибудь в пустоту. Вот о чем я тоскую — о бесконечной пустоте. Без человеческих голосов, человеческих запахов, человеческих челюстей, вечно жующих синтетическую жвачку всех цветов радуги.

— А ты их и впрямь ненавидишь, — сказал Ясон.

— Да. — Хильда кратко кивнула. — И ты тоже. — Она на миг приостановилась, поворачиваясь к нему лицом. — Ты знаешь, что твоему проклятому голосу уже крышка; знаешь, что держишься

только на волне прежней славы, которой тебе уже не видать. — Затем она улыбнулась. С неожиданной теплотой. — Разве мы не стареем? — спросила она громче, перекрывая гул и взвизги фанатов. — Вместе? Как муж и жена?

— Сексты не стареют, — возразил Ясон.

— Да-да, — сказала Хильда. — Конечно-конечно. Еще как стареют. — Протянув руку, она тронула его волнистые волосы. — Давно ты их подкрашиваешь, милый? Год? Три года?

— Забирайся-ка лучше в градолет, — быстро сказал Ясон, направляя ее вперед и выводя из здания на тротуар Голливудского бульвара.

— Заберусь, — буркнула Хильда, — если ты мне сейчас как надо верхнее си возьмешь. Вспомни, когда ты последний раз…

Ясон буквально затолкал ее в градолет, втиснулся следом и повернулся помочь Элу Блиссу закрыть дверцу. Считанные мгновения спустя они уже летели прямо в сплошь затянутое тучами ночное небо. В гигантское светящееся небо над Лос-Анджелесом, яркое, будто в полдень. А вот как все выходит для нас с тобой, подумал Ясон. Для нас обоих, в любой момент прошлого, настоящего и будущего. Все всегда будет так же, как теперь. Потому что мы сексты. Мы двое. Неважно, знают

об этом где надо или нет.

А ведь там не знают, подумал он, наслаждаясь слабой иронией этой мысли. Знание, которым они вместе обладали, оставалось неразделенным. Ибо так все и было задумано. Так все и оставалось — даже теперь, после того как выяснилось, что дело не выгорело. Дело обернулось скверно — по крайней мере, с точки зрения разработчиков проекта. Великих ученых мужей, которые, казалось, продумали все как надо — и все ни к черту. Тогда, сорок пять прекрасных весен тому назад, когда мир был юн, а капли дождя еще липли к недавно сгинувшим японским вишням в Вашингтоне, что в округе Колумбия. Когда запах весны витал и над благородным экспериментом. Недолго, впрочем, витал.

— Давай слетаем в Цюрих, — вслух предложил Ясон.

— Я слишком устала, — отозвалась Хильда. — По крайней мере, то местечко меня утомляет.

— Наш дом? — Ясон даже не поверил. Хильда сама его для них выбрала, и многие годы они временами там укрывались — в особенности от фанатов, которых Хильда так ненавидела.

Хильда со вздохом сказала:

— Дом. Швейцарские часы. Хлеб. Булыжные

мостовые. Снег на холмах.

— На горах, — поправил Ясон, все еще испытывая некоторую обиду. — Ну и черт с тобой, — добавил он. — Без тебя поеду.

— Еще кого-то снимешь?

Ясон никак ее не понимал.

— Ты что же, хочешь, чтобы я еще кого-то снял? — поинтересовался он.

— Будь ты проклят с твоим магнетизмом. С твоим шармом чертовым. Ведь ты любую девчонку на планете можешь в ту большую латунную кровать затащить. Только не потому, что ты такой герой, когда там оказываешься.

— Господи, — вымолвил Ясон с отвращением. — Опять двадцать пять. Вечно у тебя эти выкрутасы. Причем за самые сумасбродные ты больше всего и цепляешься.

Повернувшись к нему лицом, Хильда серьезным тоном произнесла:

— Ты сам знаешь, как выглядишь — даже теперь, в твои годы. Ты красив. Тридцать миллионов людей едят тебя глазами по часу в неделю. И вовсе не твое пение их интересует — нет, твоя неисправимая физическая красота.

— То же можно сказать и про тебя, — язвительно заметил Ясон.

Он вдруг остро почувствовал усталость и затосковал по покою и уединению, что лежали там, неподалеку от Цюриха, безмолвно дожидаясь, пока они с Хильдой снова туда вернутся. Порой казалось, их дом хочет, чтобы они в нем остались — и не на одну ночь или даже неделю, а навсегда.

— Я не выгляжу на свой возраст, — сказала Хильда.

Он взглянул на нее мельком, затем присмотрелся внимательнее. Копна рыжих волос, бледная кожа с редкими веснушками, выразительный римский нос. Крупные и глубоко посаженные фиалковые глаза. Хильда была права — она не выглядела на свой возраст. Конечно, в отличие от него она никогда не подключалась к видеофонной сети транссексуального контакта. Да и сам Ясон делал это редко. Так что на крючок он еще не попал, и последствия в виде мозговых нарушений и преждевременного старения его пока что не ожидали.

— Ты чертовски привлекательная особа, — проворчал он.

— А ты? — спросила Хильда.

Этим его было не пронять. Ясон знал — вся его харизма по-прежнему при нем. При нем та сила,

что была вложена в его хромосомы сорок два года назад. Да, волосы заметно поседели, и он их подкрашивал. Тут и там появились несколько морщинок. Тем не менее…

— Пока у меня есть голос, — сказал Ясон, — все у меня будет в порядке. Я буду иметь все, что захочу. Ты ошибаешься на мой счет — это из-за твоей секстовой отчужденности, твоей заветной индивидуальности. Так называемой индивидуальности. Ладно, если не хочешь лететь в тот дом под Цюрихом, куда ты тогда вообще хочешь отправиться? К себе домой? Или ко мне?

— Я хочу выйти за тебя замуж, — отозвалась Хильда. — Чтобы не было твоего дома и моего дома, а был наш общий дом. Я брошу петь, рожу трех ребятишек, и все они будут похожи на тебя.

— Даже девочки?

— Все трое будут мальчики, — сказала Хильда.

Ясон нагнулся и поцеловал ее в нос. Хильда улыбнулась, взяла его за руку и тепло похлопала по ладони.

— Сегодня вечером мы можем отправиться куда хочешь, — сказал он глубоким басом — уравновешенным, уверенным, почти отеческим; обычно ничто не действовало на Хильду так успокаивающе, как этот тон. И все-таки, подумал

он, я от тебя уйду.

Хильда этого боялась. Порой во время ссор, особенно в цюрихском доме, где никто не мог их услышать и вмешаться, Ясон подмечал на ее лице этот страх. Мысль о том, чтобы остаться в одиночестве, давила на Хильду — это понимали и она, и Ясон. Страх этот постоянно присутствовал в их совместной жизни — но только не в жизни публичной. Подлинно профессиональные артисты, в той жизни они всегда и полностью держали себя в руках, всецело руководствуясь разумом. Какое бы раздражение и отчуждение они друг к другу ни испытывали, подобно двум хорошо отлаженным машинам они действовали в мире очарованных ими зрителей, авторов восторженных писем, шумных поклонников. Даже откровенная ненависть не способна была этого изменить.

Впрочем, настоящей ненависти между ними быть не могло. Слишком уж много между ними было общего.+

Слишком многое они друг у друга черпали. Даже такой чисто телесный контакт, как сидение бок о бок в градолете марки «роллс», дарил им счастье. До тех пор, по крайней мере, пока этот контакт не был ничем нарушен.

Потянувшись во внутренний карман своего сработанного по спецпошиву пиджака из настоящего шелка — одного, быть может, из десяти во всем обитаемом мире, — Ясон достал оттуда упаковку подлинных государственных банкнот! Громадная сумма, спрессованная в толстенькую пачечку.

— Не таскал бы ты с собой столько наличных, — сразу придралась Хильда. Придралась тоном, которого Ясон особенно не переваривал, — самоуверенно-материнским.

Тогда Ясон сказал:

— Вот с этой вот штукенцией… — он подкинул пачку на ладони —…мы выкупимся из любой…

— Если только какой-нибудь безксивный студент, этим самым вечером выскользнувший из своей берлоги под кампусом, не рубанет тебе по запястью и не ускользнет обратно — и с твоей рукой, и с твоими деньгами. Ты всегда был пижоном. Крикливым пижоном. Взгляни хоть на этот галстук. Ну же, взгляни! — Теперь Хильда повысила голос и, судя по всему, не на шутку обозлилась.

— Жизнь коротка, — резонно заметил Ясон. — А период благополучия еще короче. — Тем не менее он аккуратно положил пачку банкнот

во внутренний карман пиджака и разгладил складку, придавая одежде прежний безупречный вид. — Честно говоря, хотел тебе что-нибудь на это купить, — сказал он затем. Впрочем, если уж совсем честно, эта мысль пришла ему в голову только теперь; на самом деле он хотел взять эти деньги в Лас-Вегас и сесть с ними за стол блэкджека. Будучи секстом, Ясон мог — и никогда не упускал случая — выигрывать в блэкджек. Ему не составляло труда обставить любого сдающего. Да что там сдающего, с хитринкой подумал Ясон, даже распорядителя.

— Врешь, — отрезала Хильда. — Ничего ты мне покупать не собирался. Ты никогда ничего мне не покупаешь. Ты эгоист и всегда думаешь только о себе. Эти деньги ты собирался потратить на баб; опять хочешь купить себе блондинку с во-от такими сиськами и затащить ее в постель. Причем в нашем цюрихском доме, который, как тебе известно, я уже четыре месяца не видела. А на меня тебе плевать — как будто я беременна.

Ясона поразила последняя фраза. То, что из всех возможных реплик, способных заплыть в болтливый разум Хильды, она выбрала именно эту. Впрочем, в Хильде было многое, чего он не понимал. Даже с ним, как и со многими ее менее

близкими любовниками, она многое держала в секрете.

Однако за все эти годы Ясон и узнал про нее немало. К примеру, то, что в 1982 году Хильда сделала аборт — это также держалось в строгом секрете. Знал он, что одно время она состояла в нелегальном браке с лидером студенческой коммуны, а один год даже жила в кроличьих норах под бывшим Колумбийским университетом вместе с вонючими, патлатыми и бородатыми студентами, которых не выпускали на поверхность бдительные полы и нацы. Полиция и национальная гвардия — те, что взяли в кольцо все кампусы, оберегая общество от того, чтобы в него, подобно множеству черных крыс, бегущих с тонущего корабля, не пробрались безксивные студенты.

Еще он знал, что год назад Хильду арестовали за пристрастие к наркотикам. И только ее богатое и могущественное семейство сумело тогда ее выкупить; когда подходило время конфликтов с полицией, ни деньги Хильды, ни ее очарование, ни слава уже не работали.

Все, обрушившееся тогда на Хильду, несколько ее напугало; впрочем, теперь Ясон точно знал, что она в полном порядке. Подобно всем секстам, у

нее была колоссальная способность к восстановлению. Как и у Ясона, как и у всех них. Помимо многого, многого другого. Даже того, про что Ясон, в свои сорок два года, всего не знал. И с ним тоже много чего приключилось. Правда, в основном приключения эти касались главным образом мертвецов — останков тех артистов, которых он растоптал на своем долгом пути к вершине.

— Пижонские, говоришь, галстуки… — начал было он, но тут телефон в градолете зазвонил. Ясон взял трубку и поздоровался. Наверняка это был Эл Блисс с рейтингами сегодняшнего шоу.

Но это оказался вовсе не Эл Блисс. Ясон расслышал скрипучий голос девушки, почти надрывавший его слух.

— Ясон? — громко проскрипела девушка.

— Ага, — подтвердил он. Прикрывая микрофон, он обратился к Хильде: — Это Мерилин Мейсон. Интересно, какого черта я дал ей номер градолета.

— Что еще, черт побери, за Мерилин Мейсон? — поинтересовалась Хильда.

— Потом расскажу. — Он отнял ладонь от микрофона. — Да-да, дорогая; это самый натуральный Ясон, душой и телом, аккурат после реинкарнации. А что стряслось? У тебя жуткий голос. Тебя

снова выселяют? — Подмигнув Хильде, он криво усмехнулся.

— Пошли ее подальше, — порекомендовала Хильда.

Снова прикрывая ладонью микрофон, Ясон сказал ей:

— Именно это я и пытаюсь сделать; ты что, не видишь? — В телефон он сказал: — Ну, давай, Мерилин. Давай всю подноготную; я как раз созрел.

Уже два года Мерилин Мейсон была, так сказать, его протеже. Тем или иным способом она хотела стать певицей — стать знаменитой, богатой, любимой поклонниками. Совсем как он. Как-то раз она забрела в студию во время репетиции — тут-то Ясон ее и приметил. Напряженное озабоченное личико, коротковатые ноги, совсем короткая юбка — все это он, при его-то практике, охватил одним взглядом. А неделю спустя организовал для нее прослушивание на «Коламбия Рекорде», познакомил с тамошними спецами и шефом по репертуару.

За ту неделю много чего произошло, но к пению это отношения не имело.

Мерилин провизжала ему в ухо:

— Нам надо увидеться. А то я покончу с собой, и вся вина падет на тебя. На всю оставшуюся

жизнь. И еще скажи этой бабе Хильде Харт, что мы все это время с тобой спали.

Ясон мысленно вздохнул. Черт бы их всех побрал. Он и так уже устал, до упора износился на своем часовом шоу — сплошные улыбки, улыбки и улыбки.

— Этим вечером я лечу в Швейцарию, — твердо сказал он, словно обращаясь к истеричному ребенку. Обычно, когда Мерилин ударялась в это свое полубезумное состояние с бесконечными обвинениями, это срабатывало. Но только, естественно, не теперь.

— На твоем роллсовском градолете в миллион долларов ты сюда за пять минут доберешься, — прозудела ему в ухо Мерилин. — А на весь разговор мне надо пять секунд. Надо сказать тебе кое-что важное.

Наверное, она беременна, сказал себе Ясон. В один прекрасный день она намеренно — или ненамеренно — забыла принять нужную таблетку.

— Интересно, почему бы тебе сейчас за пять секунд не сказать мне то, чего я еще не знаю? — огрызнулся он. — Давай, скажи прямо сейчас.

— Мне нужно, чтобы ты был здесь, — со своим обычным безрассудством заявила Мерилин. —

Ты должен прилететь. Я уже шесть месяцев тебя не видела и за это время успела много о чем про нас с тобой передумать. В частности, насчет того последнего прослушивания.

— Ладно, — с горечью и сожалением согласился Ясон. Да, подумал он, именно это ты получаешь, если пытаешься сделать какой-нибудь бездарности карьеру. Бросив трубку, он повернулся к Хильде и сказал: — Рад, что ты никогда с ней не сталкивалась. Она просто…

— Прекрати, — перебила Хильда. — Я никогда с ней не сталкивалась по одной простой причине. Ты слишком хорошо об этом заботился.

— Пусть так, — сказал Ясон, выполняя нужный поворот градолета. — Я устроил ей даже не одно, а два прослушивания, и она блистательно провалила оба. Но чтобы сохранить остатки самоуважения, ей пришлось обвинять в собственном провале меня. Ты же видела ее фотографию.

— Ну, сиськи у нее что надо, — заметила Хильда.

— Да, еще бы. — Ясон рассмеялся, и Хильда тоже. — Ты же знаешь мою слабость. — Но свою часть сделки я выполнил — устроил ей прослушивание. Даже два прослушивания. Причем последнее было месяца два назад, но будь я про-

клят, если она до сих пор не пыхтит паром и не вспоминает о нем. Интересно, что она хочет мне сказать.

Ясон набрал контрольный код для установления автоматического курса к многоквартирному дому Мерилин с небольшим, но удобным посадочным полем на крыше.

— Наверное, она тебя любит, — сказала Хильда, пока Ясон парковал градолет, выпуская посадочный трап на крышу.

— Как и сорок миллионов других, — добродушно подметил Ясон.

Поудобней устроившись в мягком сиденье градолета, Хильда сказала:

— Не задерживайся надолго, или я без тебя снимусь.

— Чтобы я тут с Мерилин застрял? — спросил Ясон. Они оба рассмеялись. — Скоро буду. — Он вышел к лифту и нажал кнопку.

Едва войдя в квартиру Мерилин, он увидел, что она лишилась рассудка. Все ее лицо как-то сжалось и то и дело судорожно подергивалось; тело усохло так, будто она пыталась сама себя переварить. И глаза. Особенно глаза. Мало что в этой женщине и во всем окружающем так заставило Ясона почувствовать неловкость как ее

глаза. Совершенно круглые, с расширенными зрачками, они пристально наблюдали за ним, пока Мерилин молча стояла со сложенными на груди руками. Буквально все в ней было какое-то железное и негнущееся.

— Давай, говори, — предложил Ясон, пытаясь перехватить инициативу. — Обычно — а вообще-то, всегда — он мог управлять ситуацией, когда имел дело с женщиной. Это, можно сказать, составляло его специальность. Но тут… он чувствовал неловкость. И Мерилин по-прежнему молчала. Лицо ее, под слоем косметики, сделалось совершенно бескровным, как у ходячего трупа. — Хочешь еще прослушивание? — спросил Ясон. — Ты за этим меня позвала?

Мерилин молча покачала головой.

— Хорошо, так скажи, в чем дело, — сказал он нарочито устало, но напряженно. — Ясон изо всех сил пытался придать своему голосу уверенность; он знал, что достаточно опытен и скрытен, чтобы не дать Мерилин почувствовать его неловкость. В противоборстве с женщиной все процентов на девяносто основывается на блефе — причем с обеих сторон. Все зависит от того, как ты это делаешь, а не что делаешь.

— Я тут кое-что для тебя припасла. — Мерилин

прошла на кухню. Ясон последовал за ней.

— Ты все еще винишь меня в провале обоих твоих… — начал было он.

— Вот тебе, — сказала Мерилин. Вынув из столика под раковиной пластиковый мешочек, она еще какое-то мгновение постояла, держа его в руке. Лицо ее по-прежнему оставалось бескровным и застывшим, а глаза выпученными и немигающими. Наконец она резко развернула пакет и бросила его Ясону.

Все произошло слишком быстро. Он машинально попятился — но слишком медленно, слишком поздно. Желеобразная вертогубка с Каллисто стремительно присосалась к нему всеми своими пятьюдесятью питательными трубками — якорем прилепилась к его груди. И Ясон уже чувствовал, как питательные трубки неотвратимо просасываются в его грудь.

Ясон мигом подскочил к возвышающимся у него над головой кухонным шкафам, вытащил оттуда наполовину опорожненную бутылку виски, стремительно отвинтил крышку и вылил виски на желеподобную тварь. В голове его воцарилась ясность, даже слишком яркая ясность; Ясон не паниковал, а стоял и лил виски на инопланетную гадину.

Какое-то время ничего не происходило. Ясону по-прежнему удавалось держать себя в руках и не ударяться в панику. А затем тварь пошла пузырями, сжалась в комок и отвалилась от его груди — упала на ковер и подохла.

Чувствуя страшную слабость, Ясон сел за кухонный стол. Напрягая последние силы, он боролся с обмороком; некоторые из питательных трубок все еще были живы и все еще оставались у него в теле.

— Классная работа, — сумел выдавить из себя Ясон. — Да, сука вонючая, ты чуть было меня не достала.

— Вовсе не «чуть было», — ровно и без эмоций проговорила Мерилин Мейсон. — Часть питательных трубок так и остались в тебе, и ты это знаешь. У тебя это на лице написано. А бутылкой виски их оттуда не выманить. Их вообще ничем оттуда не выманить.

В этот миг Ясон лишился сознания. Смутно он видел, как серо-зеленый пол неторопливо движется ему навстречу, а затем осталась только пустота. Абсолютная пустота, где не было даже его самого.

Боль. Ясон открыл глаза и машинально дотронулся до груди. Его пошитый по спецзаказу

шелковый костюм исчез; одетый в хлопчатобумажный больничный халат, он плашмя лежал на каталке.

— Боже, — хрипло вымолвил Ясон, пока двое санитаров стремительно катили его по больничному коридору.

Хильда Харт, встревоженная и потрясенная, поспевала за каталкой, склоняясь над Ясоном. Впрочем, она, как и он, держала себя в руках.

— Я сразу почувствовала, что что-то неладно, — быстро проговорила она, пока санитары закатывали Ясона в палату. — И не стала дожидаться тебя в градолете; почти сразу же спустилась за тобой.

— Наверное, ты решила, что мы с ходу уляжемся в постель, — слабо съязвил Ясон.

— Доктор говорит, — сказала Хильда, — еще пятнадцать секунд — и тебе бы не миновать соматической интервенции, как он это называет. Вторжения той твари в тебя.

— Ту тварь я прикончил, — отозвался Ясон. — Но мне не удалось справиться со всеми питательными трубками. Было слишком поздно.

— Знаю, — сказала Хильда. — Доктор мне говорил. Они планируют операцию как можно скорее; возможно, что-то и удастся сделать, если

трубки не проникли слишком глубоко.

— Я хорошо держался в этой передряге, — проскрипел зубами Ясон; закрыв глаза, он терпел боль. — Но недостаточно хорошо. Мне чуть-чуть не хватило. — Открыв глаза, он увидел, что Хильда плачет. — Неужели все так скверно? — спросил он; потом потянулся и взял ее за руку. Когда Хильда сжала его ладонь, он почувствовал ее любовь. Потом он уже ничего не чувствовал. Кроме боли. Все остальное исчезло — и Хильда, и больница, и санитары, и свет. И даже звуки. Наступил какой-то момент вечности, и эта вечность поглотила его с головой.

Глава 2

Свет снова просачивался в мир, покрывая закрытые глаза Ясона пленкой светящейся красноты. Он открыл глаза и приподнял голову, чтобы оглядеться. Поискать Хильду или доктора.

В комнате он был один. Больше — ни души. Туалетный столик с треснувшим зеркалом, убогие старые лампы, торчащие из обильно покрытой сальной грязью стен. А еще — где-то поблизости ревел телевизор.

Нет, подумал Ясон, это не больница.

И Хильды не было рядом; он резко переживал ее отсутствие — а из-за этого и отсутствие всего остального. Господи, подумал он, что же такое стряслось? Боль в груди исчезла, как и многое другое.

Ясон с трудом отпихнул от себя грязное шерстяное одеяло, сел, машинально потер лоб и, как мог, собрался с силами.

Это номер отеля, решил он. Паршивой, кишащей клопами ночлежки для алкашей. Ни занавесок, ни ванной. В таких отелях он, бывало, жил много-много лет назад, в самом начале своей карьеры. Еще когда он был никому не известен и сидел без гроша в кармане. В те самые черные дни, которые он, как мог надежнее, стирал из памяти.

Так, деньги. Ощупав свою одежду, Ясон понял, что на нем уже не больничный халат, а снова сшитый по спецзаказу шелковый костюм — правда, донельзя мятый. А во внутреннем кармане пиджака оказалась пачка немалого достоинства банкнот — те самые деньги, которые он намеревался забрать с собой в Вегас.

По крайней мере, у него хоть это осталось.

Ясон быстро огляделся в поисках телефона. Нет, здесь его, конечно же, нет. Но телефон непре-

менно должен быть в вестибюле. Так, кому бы позвонить? Хильде? Элу Блиссу, его агенту? Мори Манну, продюсеру его телешоу? Адвокату Биллу Вольферу? Или, может быть, всем им по очереди?

Не слишком уверенно, но Ясон все же сумел подняться; стоя и качаясь, он проклинал, сам не зная что… Теперь им двигал животный инстинкт; Ясон готовил себя, свое сильное тело секста, к нешуточной драке. Но противни-на впереди не проглядывало, и это его пугало. И, впервые за все время, какое он мог припомнить, Ясон понял, что близок к панике.

Сколько уже времени прошло? — спросил он себя. Понять этого он не мог; не мог ни так, ни сяк это почувствовать. Похоже, все-таки день. Судя по тому, что в небе за грязным оконным стеклом то и дело проносится шустрец. Ясон взглянул на часы. Они показывали десять тридцать. Ну и что? Могла пройти тысяча лет — откуда ему знать? Нет, часы ему помочь ничем не могли.

Впрочем, должен был помочь телефон. Выбравшись в залепленный такой же сальной грязью коридор, Ясон нашел лестницу и стал, придерживаясь за перила, спускаться ступенька за ступенькой. Наконец он оказался в угнетающе

пустом вестибюле со старыми и жалкими, слишком мягкими стульями.

К счастью, там у него появился шанс. Ясон опустил золотую долларовую монетку в щель и набрал номер Эла Блисса.

— «Агентство талантов Блисса» слушает, — немедленно послышался голос Эла.

— Слушай, Эл, — сказал Ясон. — Я не знаю, где я. Ради Христа, приезжай и помоги мне. Забери меня отсюда и отвези куда-нибудь. Понимаешь, Эл? Сделаешь?

Гробовое молчание в трубке. А затем далеким, отчужденным голосом Эл Блисс спросил:

— Простите, с кем я говорю?

Ясон буквально прорычал ответ.

— Простите, мистер Ясон Тавернер, но я вас не знаю, — снова сказал Эл Блисс самым своим нейтральным, безразличным тоном. — Вы уверены, что не ошиблись номером? С кем вы желаете говорить?

— Да с тобой! С тобой. С Элом Блиссом, моим агентом. Что там стряслось в больнице? Как меня сюда занесло? Ты, часом, не в курсе? — Паника и гнев улеглись, когда Ясон силой взял себя в руки; он вовсю старался, чтобы его речь звучала разумно. — Можешь разыскав мне Хилвду?

— Мисс Харт? — спросил Эл и хихикнул. И не ответил.

— Слушай, ты, шваль, — свирепо проговорил Ясон. — Ты больше не мой агент. Все, абзац. И мне плевать, что там у тебя за проблемы. Ты уволен.

Эл Блисс снова хихикнул ему в самое ухо, а затем телефон щелкнул и отключился. Эл Блисс повесил трубку.

Убью сукиного сына, пообещал себе Ясон. Порву жирного подонка на мелкие кусочки — от сальной лысины до вонючих носков.

Интересно, какой номер он пытался со мной выкинуть? Не понимаю. Что он такое вдруг против меня заимел? Что я, черт возьми, такого ему сделал? Ведь он битых девятнадцать лет был моим приятелем и агентом. И раньше ничего подобного не приключалось.

Попробую-ка я вызвонить Билла Вольфера, решил Ясон. Он всегда у себя в конторе или поблизости от телефона; можно будет взять его за жабры и выяснить, что такое творится. Ясон бросил второй золотой доллар в телефонную щель и опять по памяти набрал номер.

— Адвокатская контора «Вольфер и Блейн», — пропищал ему в ухо голос секретарши.

Мне надо поговорить с Биллом, — сказал

Ясон. — Это Ясон Тавернер. Вы меня знаете.

Секретарша с запинкой сказала:

— Мистер Вольфер сегодня в суде. Не затруднит ли вас поговорить взамен с мистером Блейном? Или мне следует попросить мистера Вольфера позвонить вам позднее, к вечеру, когда он вернется в контору?

— Вы что, не знаете, кто я такой? — поинтересовался Ясон. — Не знаете, кто такой Ясон Тавернер? Телевизор никогда не смотрите? — В этот миг голос почти ему изменил; Ясон словно со стороны услышал, как он хрипнет и поднимается в тоне. С великим усилием он снова взял себя в руки, но пальцы все же дрожать не перестали; да и все его тело тоже тряслось.

— Прошу прощения, мистер Тавернер, — сказала секретарша. — Но я действительно не могу позвать мистера Вольфера, а также…

— Так вы смотрите телевизор? — спросил Ясон.

— Да.

— И никогда про меня не слышали? Про «Шоу Ясона Тавернера», в девять вечера по вторникам?

— Прошу прощения, мистер Тавернер. Вам следует поговорить непосредственно с мистером Вольфером. Дайте мне номер телефона, по кото-

рому вы звоните. Я обязательно скажу, чтобы он вам перезвонил.

Ясон повесил трубку. Я сошел с ума, подумал он. Или она сошла с ума. Она и Эл Блисс. Этот сукин сын Эл Блисс. О господи. Ясон неуверенно отошел от телефона и уселся на истертую обшивку одного из слишком мягких кресел. Хорошо так было сидеть; закрыв глаза, он дышал медленно и глубоко. И размышлял.

У меня пять тысяч в ценных государственных купюрах, сказал он себе. Так что не такой уж я беспомощный. И та тварь совсем ушла из моей груди, вместе с питательными трубками. Наверное, хирурги как-то справились с нею в больнице. Итак, я по крайней мере жив; можно хоть этому порадоваться. Но не случился ли провал во времени? — спросил он себя. Где тут, интересно, газета?

На соседнем диване Ясон нашел «Эл-Эй тайме» и посмотрел дату. 12 октября 1988 года. Значит, никакого временного провала. Следующий день после его шоу и того дня, когда Мерилин спровадила его, умирающего, в больницу.

Тут Ясона осенило. Он взялся просматривать все разделы газеты, пока не нашел развлекательный раздел. В последнее время он ежевечерне

появлялся в Персидском зале голливудского «Хилтона» — по сути, все последние три недели, хотя по вторникам не всегда, из-за своего шоу.

Реклама о его появлении на вечеринке, которую хилтонская администрация давала последние три недели, почему-то на странице отсутствовала. Ясон обалдело подумал, а не перенесли ли ее на другую страницу. Тогда Он тщательно прочесал весь тот раздел газеты. Сплошные рекламы про разных артистов, но о нем — ни слова. А ведь его физиономия уже лет десять красовалась на рекламных страничках той или иной газеты. Без исключения.

Попытаюсь-ка еще разок, решил он. Позвоню Мори Манну.

Выудив из кармана бумажник Ясон стал искать там листок на котором был записан номер Мори. Бумажник оказался подозрительно тонок.

Все его удостоверения личности пропали. Удостоверения, которые давали ему надежду остаться в живых. Которые проводили его через кордоны полов и натов целым и невредимым — не расстрелянным и не брошенным в исправительно-трудовой лагерь.

Без моих УДов мне и двух часов не прожить сказал себе Ясон. Я даже не осмелюсь выйти из

вестибюля этого занюханного отеля и пройти по общественному тротуару. Там решат, что я безксивный студент или педагог, сбежавший из какой-нибудь берлоги под кампусом. И остаток жизни я проведу, занимаясь рабским ручным трудом. Я теперь из тех, кого зовут «нелюдьми».

Так что первая моя забота, подумал он, это остаться в живых. К черту Ясона Тавернера как всемирно известного артиста; об этом я, если смогу, позабочусь как-нибудь после.

Ясон уже чувствовал, как у него в голове начинают собираться в фокус мощные составляющие его секст-сущности. Я не такой, как все, подумал он. Я выберусь из этой передряги, чем бы она ни вызвана. Выберусь любым способом.

К примеру, сообразил он, со всеми этими купюрами, что у меня остались, я могу добраться до района Уотте и купить себе фальшивые УДы. Целый их бумажник. Как я слышал, там должна быть добрая сотня умельцев, фабрикующих такие штуковины. Вот только никогда я не думал, что хоть раз в жизни придется их услугами воспользоваться. Нет-нет, кому угодно — только не Ясону Тавернеру. Не всемирно известному артисту с аудиторией в тридцать миллионов.

Интересно, подумал он, есть среди этих трид-

цати миллионов хоть одна шваль, которая меня помнит? Если «помнит» — подходящее слово. Я сейчас говорю так, будто я глубокий старик, бывшая знаменитость, кормящаяся от старой славы. А ведь это вовсе не так.

Ясон вернулся к телефону и нашел там номер контрольного центра по регистрации рождений в Айове. Угробив еще несколько золотых монет и кучу времени, он наконец смог туда прозвониться.

— Меня зовут Ясон Тавернер, — сказал он чиновнику. — Я родился в Чикаго в больнице «Мемориал» 16 декабря 1946 года. Не будете ли вы так любезны удостоверить и выдать мне копию моего свидетельства о рождении? Я сейчас устраиваюсь на работу, и мне это крайне необходимо.

— Да, сэр. — Чиновник отложил трубку. Ясон стал ждать.

Наконец чиновник снова взял трубку.

— Мистер Ясон Тавернер, родились в округе Кук 16 декабря 1946 года?

— Да, — подтвердил Ясон.

— У нас не зарегистрировано такой персоны, родившейся в данное время и в этом месте. Вы уверены, сэр, что не напутали факты?

— Вы хотите сказать, что я не знаю собственно-

го имени и где и когда я родился? — Голос Ясона снова вышел из-под контроля, но на сей раз он не стал с ним бороться; паника целиком охватила его. — Ладно, спасибо, — рявкнул он и повесил трубку, дико трясясь. Трясясь и телом, и душой.

Я не существую, сказал он себе. Нет никакого Ясона Тавернера. Никогда не было и никогда не будет. Черт с моей карьерой; теперь я просто хочу жить. Если что-то или кто-то желает покончить с моей карьерой, на здоровье. Пожалуйста, кушайте ее с маслом. Но позволят ли мне теперь существовать? Интересно, а я вообще когда-то рождался?

Тут что-то зашевелилось у него в груди. С ужасом Ясон подумал: «А точно ли из меня вынули все питательные трубки? Быть может, некоторые из них по-прежнему растут и кормятся от меня?» Вот сука вонючая! Бесталанная тварь! Чтоб она кончила уличной шлюхой на вокзале по гривеннику за раз!

И это после всего, что я для нее сделал. После того, как я добился для этой твари двух прослушиваний. Напряг кучу народу. Но, черт возьми, я ведь и впрямь от души ее трахал. Где и сколько хотел. Пожалуй, теперь мы квиты.

Вернувшись в свой номер отеля, Ясон долго и

вдумчиво разглядывал себя в покрытом мушиными точками зеркале на туалетном столике. Внешность ничуть не изменилась — не мешало бы, пожалуй что, побриться. Старше не стал. Морщин не прибавилось. Плечи и бицепсы что надо. Лишенная даже признаков жира талия, на которую никогда не грех было натянуть современную формозаполняющую мужскую одежду.

Да, Ясон, это важно для твоего имиджа, сказал он себе. Чтобы ты мог носить такие костюмчики с затяжками у талии. У меня их, наверное, штук пятьдесят, подумал он. Вернее — было штук пятьдесят. Где они теперь? — задумался он. Птичка певчая спорхнула, на каком лугу щебечет. Или как там, мать ее, эту птичку? Что-то стародавнее, еще со школьных времен. До сего момента забытое. Странно, подумал Ясон, какая только ерунда не выплывает из твоей памяти, стоит тебе лишь оказаться в незнакомой и зловещей ситуации. Порой — такая чушь, что только диву даешься.

Будь мечты конями, запорхал бы и нищий. Всякая такая белиберда. И ее вполне достаточно, чтобы враз свихнуться.

Тут Ясон задумался, сколько КПП полов и нацов находятся между этим вшивым отелем и ближайшей подпольной лабораторией по подделке УДов

в Уоттсе. Десять? Тринадцать? Два? Для меня, решил он, хватит и одного. Одна произвольная проверка, произведенная мобильным пунктом с командой из трех человек. С их чертовой радиоаппаратурой, всегда дающей связь с центральной базой данных пол-натов в Канзас-Сити, хранятся все досье.

Ясон закатал рукав и осмотрел свое предплечье. Да, вот он — его личный вытатуированный УД-номер. Соматическое лицензионное клеймо, которое ему предстояло носить на себе всю жизнь, да еще и забрать с собой в свою столь желанную могилу.

Итак, полы и наты на мобильном пункте запросят его УД-номер в Канзас-Сити, и тогда… что же тогда? Там ли еще его досье, или оно тоже исчезло, подобно свидетельству о рождении? А если досье там нет, то что для пол-натовских чиновников это будет означать?

К примеру, чиновничья ошибка? Скажем, кто-то засунул упаковку с микрофильмом, в котором содержится досье, не в тот файл? Это обязательно выяснится. Но не раньше, чем я проведу десять лет жизни в каменоломне на Луне, доблестно орудуя кайлом. Если же досье там нет, размышлял далее Ясон, они предположат, что я беглый

студент, ибо только на беглых студентов нет пол-натовского досье, хотя самые важные из них, вожди, тоже туда записаны.

Я на дне жизни, понял Ясон. И даже не могу проделать путь наверх просто к физическому существованию. Это я, я, человек, только вчера располагавший аудиторией в тридцать миллионов. В один прекрасный день, мытьем или катаньем, я непременно туда вернусь. Но не сейчас. Сейчас надо заняться совсем другим. Надо позаботиться о самом скелете моего существования: у меня даже его нет. Но я обязательно его добуду; секст — это не простой смертный. Ни один простой смертный не смог бы ни духовно, ни физически пережить то, что случилось со мной. Перебороть страх и замешательство, как это сделал я.

Секст, вне зависимости от внешних обстоятельств, всегда все преодолеет. Недаром именно так путем генетических опытов нас тщательно улучшали.

Ясон снова вышел из номера отеля, спустился вниз и подошел к конторке. Сидевший там мужчина средних лет с тонкими усиками читал очередной номер журнала «Бокс». Взгляда он даже не поднял, но сказал:

— Слушаю, сэр.

Ясон вытащил из кармана свою внушительную пачку банкнот, положил одну купюру на прилавок перед клерком. Клерк кинул на нее взгляд, потом еще раз посмотрел, повнимательней, а потом еще раз, уже с горящими глазами. Наконец он с осторожным вопросом заглянул в лицо Ясону,

— Мои удостоверения личности похитили, — сообщил ему Ясон. — Эта пятисотдолларовая банкнота будет ваша, если вы сумеете связать меня с тем, кто сумеет мои УДы заменить. Если вы намерены взяться за это дело, беритесь прямо сейчас; ждать я не намерен. — Ждать, чтобы тебя забрал какой-то пол или нат, подумал он. Причем забрал здесь, в этом вшивом, захудалом отеле.

— Или сцапал на тротуаре прямо у выхода, — добавил клерк. — Я немножко телепат. Да, верно, этот отель не бог весть что, но вшей у нас нет. Как-то раз мы поймали марсианских песчаных блох, но вшей — никогда. — Он взял пятисотдолларовую банкноту. — Я свяжу вас кое с кем, кто сумеет вам помочь, — сказал он. Затем, внимательно взглянув в лицо Ясону, помедлил и сказал: — По-моему, вы знамениты на весь мир. Что ж, у нас тут всякие бывают.

— Идем, — резко сказал Ясон. — И немедленно.

— Да-да, сейчас, — отозвался клерк, протягивая руку за своим блестящим пластиковым плащом.

Глава 3

Медленно и шумно ведя свой допотопный шустрец вдоль по улице, клерк непринужденно обратился к сидевшему рядом с ним Ясону:

— Я ловлю у вас в голове множество всяких странностей.

— Подите к черту из моей головы, — поспешно и неприязненно отозвался Ясон. Никогда не любил он любопытных, рыщущих у тебя в голове телепатов, и этот случай не стал исключением. — Уберитесь из моей головы, — повторил он, — и поскорей доставьте меня к человеку, который мне поможет. Между прочим, не нарвитесь на кордоны пол-натов. Если, конечно, намерены жить дальше.

— Я намерен жить дальше, — смиренно ответил клерк. — И вам ни к чему это говорить. Я знаю, что случится с вами, если нас задержат. Поверьте, я уже делал это много, много раз. Для студентов. Впрочем, вы не студент. Вы знамениты и богаты. И в то же время — нет. В то же время вы никто. С официальной точки зрения вы вообще

не существуете. — Он испустил негромкий, писклявый смешок а затем сосредоточил взгляд на потоке движения впереди. Он ведет машину, как мнительная старуха, подметил Ясон. Обе руки клерка крепко вцепились в рулевое колесо.

Теперь они уже въехали в самые трущобы Уоттса. Крошечные темные магазинчики по обе стороны кишащей всяким отребьем улицы, переполненные мусорные бачки, тротуар, загаженный осколками битых бутылок, давно выцветшие вывески с кока-колой крупно и названием лавчонки помельче. На перекрестке престарелый негр, спотыкаясь, с трудом пересекал улицу, буквально нащупывая себе путь, словно слепой от рождения. Увидев этого негра, Ясон испытал странное чувство. И немудрено — теперь, после билля благородной стерилизации Тидмана, принятого Конгрессом еще в те жуткие дни Мятежа, в живых осталось так много негров. Клерк до предела притормозил свой дребезжащий шустрец и даже остановился — только бы не зацепить этого престарелого негра в мятом, расползающемся по всем швам буром костюме. Очевидно, он почувствовал то же, что и Ясон.

— Вы понимаете, — спросил клерк у Ясона, — что, задави я его своей машиной, мне грозила бы

смертная казнь?

— И поделом, — отозвался Ясон.

— Они теперь как последний клин с гиканьем улетающих журавлей, — поэтично выразился клерк, запуская свой шустрец вперед, когда престарелый негр достиг другой стороны тротуара. — Защищены тысячью разных законов. Над ними нельзя насмехаться; нельзя ввязываться с любым из них в кулачную драку. Уголовное наказание — десять лет тюрьмы. И все-таки мы заставляем их вымирать. Именно этого хотел Тидман и чего, как я прикидываю, хотело большинство Молчаливых, но все-таки… — он махнул рукой, впервые отрывая ее от руля, — …я скучаю по их детишкам. Помню, когда мне было лет десять, я играл с одним негритянским мальчуганом… между прочим, недалеко отсюда. А этот негр, ясное дело, стерилизован.

— Но тогда у него уже был один ребенок, — заметил Ясон. — Его жена обязана была сдать свой купон на рождение, когда их первый и единственный ребенок появился… и все-таки этот ребенок у них был. Кроме того, миллионы всяких законов защищают их безопасность.

— Два взрослых, один ребенок, — сказал клерк. — Так черное население ополовинивается

в каждом поколении. Весьма изобретательно. Вам следует воздать хвалу Тидману — он решил расовую проблему. Все в лучшем виде.

— Что-то надо было делать, — сказал Ясон. Он сидел неподвижно в кресле шустреца, внимательно оглядывая улицу впереди, выискивая хоть какой-то намек на КПП или кордоны пол-натов. Пока ничего такого не наблюдалось, но сколько им еще предстояло ехать?

— Мы почти на месте, — спокойно сказал клерк. Он повернул голову, чтобы бросить краткий взгляд на Ясона. — Мне не по вкусу ваши расистские взгляды, — сказал он затем. — Даже если вы платите мне пятьсот долларов.

— По мне, черных и так достаточно, — сказал Ясон.

— А когда умрет последний?

Ясон резонно заметил:

— Вы можете читать мои мысли; мне совсем не обязательно обо всем вам рассказывать.

— О господи, — промолвил клерк и переключил внимание на уличное движение впереди.

Они резко свернули вправо, в узкий проулок, по обеим сторонам которого располагались запертые деревянные двери. Никаких вывесок. Только душная тишина. И груды древнего мусора.

— Что там, за этими дверьми? — поинтересовался Ясон.

— Люди. Такие же, как вы. Которые не могут выйти в открытую. Правда, в одном они от вас отличаются. У них нет пятисот долларов… и еще многих долларов и многого, если я правильно вас читаю.

— Многие доллары мне очень понадобятся, — заметил Ясон, — чтобы добыть себе УДы. Как знать, может, на это уйдет все, что у меня есть.

— Лишнего она с вас не возьмет, — сказал клерк, паркуя шустрец одним колесом на тротуаре переулка. Выглянув наружу, Ясон заприметил полуразгромленный ресторан — свисающие доски, разбитые стекла. Внутри — полная темень. Паршивое местечко, подумал он, но оно, скорее всего, ему и необходимо. Придется с этим смириться; при его нуждах придется быть разборчивым.

А кроме того — они избежали все КПП и кордоны; клерк и впрямь выбрал нужный маршрут. Так что, если разобраться, жаловаться Ясону не приходилось.

Вместе с клерком они подошли к открытой, болтающейся на петлях, совсем разбитой двери ресторана. Оба молчали, вовсю стараясь увер-

нуться от торчавших во все стороны ржавых гвоздей, а также кусков фанеры, прибитой, похоже, на место выбитых стекол.

— Держитесь за мою руку, — предложил клерк, протягивая ее Ясону в той мутной полутьме, что их окружала. — Я знаю дорогу, а здесь темно. Электричество в этом квартале выключили года три назад. Власти хотели заставить людей покинуть эти здания, чтобы потом их сжечь. Здания, конечно, а не людей, — уточнил он, а потом добавил: — Но большинство людей так здесь и остались.

Влажная и холодная ладонь гостиничного клерка провела Ясона мимо всевозможных столов и стульев, а также всякой всячины, густо оплетенной паутиной и засыпанной какой-то зернистой грязью. В конце концов они наткнулись на черную, неподвижную стену. Тут клерк остановился, отнял руку и стал в непроглядном мраке с чем-то таким ковыряться.

— Не могу открыть, — сказал он. — Эта штука должна открываться только с той, с ее стороны. Сейчас я просто подаю знаки, что мы пришли.

Затем часть стены со скрипом скользнула в сторону. Ясон, вглядываясь во все глаза, не разглядел ничего, кроме еще более густого мрака. И жуткой

запущенности.

— Ступайте внутрь, — сказал клерк и подтолкнул его вперед.

Стена, после некоторой паузы, скользнув обратно, наглухо закрылась за ним.

Вспыхнул свет. Мгновенно ослепленный, Ясон прикрыл глаза рукой, а потом, приспособившись хорошенько оглядел помещение.

Мастерская оказалась невелика. Но там, по крайней мере на его малоискушенный взгляд, располагалось сложное и высокотехнологичное оборудование. У дальней стены стоял верстак. Вдоль всех стен были аккуратно разложены по местам сотни всяких инструментов. Под верстаком стояли коробки, очевидно заполненные всевозможными бумагами. Еще там находился небольшой печатный станок, работавший от генератора.

И еще там была девушка. Она сидела на высоком табурете, вручную набирая текст. Ясон отчетливо различил светлые волосы — красивые, но не слишком густые, лежавшие у нее на спине поверх хлопчатобумажной рабочей рубашки. Девушка носила джинсы, но при этом никакой обуви. На вил как прикинул Ясон, ей было лет пятнадцатъ-шестнадцатъ. Грудей — почти ни-

каких, но зато замечательные длинные ноги. Да, именно такие ноги ему и нравились. Никакого макияжа, что придавало ее лицу бледный, слегка пастельный оттенок.

— Привет, — сказала девушка.

Клерк сказал:

— Ну, я пошел. Постараюсь эти пятьсот долларов в одном месте не тратить. — Нажав кнопку, он снова сдвинул часть стены в сторону; стоило ему это сделать, как весь свет в мастерской отключился, снова оставляя их всех в полной темноте.

Даже не поворачиваясь на своем табурете, девушка сказала:

— Меня зовут Кати.

— А меня Ясон, — сказал Ясон. Стена снова наглухо закрылась, и свет опять зажегся. А ведь она милашка, подумал Ясон. Только вот было в ней что-то пассивное, отдающее апатией. Словно весь мир для нее дерьма не стоит. Апатия? Нет, решил Ясон. Она стыдлива — вот в чем вся суть.

— И вы дали ему пятьсот долларов, чтобы он вас сюда доставил? — с удивлением спросила Кати. Она изучала Ясона критическим оком, словно пытаясь составить на его счет какое-то ценное суждение, основанное на внешности.

— Вообще-то костюм у меня обычно не такой

мятый, — заметил Ясон.

— Чудный костюмчик. Неужели шелк?

— Да. — Ясон кивнул.

— Вы что же, студент? — поинтересовалась Кати, по-прежнему с пристрастием его разглядывая. — Хотя нет, вы не студент. У вас на лице нет той бледности, которую обычно зарабатывают, живя в подземелье. Что ж, тогда остается только один вариант.

— Что я преступник, — сказал Ясон. — И пытаюсь переделать свои УДы, пока полы и наты до меня не доберутся.

— Так вы преступник? — спросила Кати без малейших следов смущения. Как будто спрашивала, какая сегодня погода.

— Нет. — Ясон не стал уточнять — пока что. Позже, может статься, он бы и уточнил.

Тогда Кати сказала:

— А вам не кажется, что большинство полов — роботы, а не настоящие люди? Ведь на них вечно эти противогазы, так что и понять ничего нельзя.

— Мне предпочтительнее просто их не любить, — ответил Ясон. — И не задумываться о дальнейших подробностях.

— А какой именно УД вам нужен? Лицензия

шофера? Фигатура полицейского досье? Рабочий пропуск?

— Мне нужны все УДы, — ответил Ясон. — Включая членское удостоверение союза композиторов.

— А, так вы музыкант. — Кати взглянула на него уже с большим интересом.

— Я певец, — сказал Ясон. — И веду часовое шоу-варьете на телевидении в девять вечера по вторникам. Возможно, вы его видели. «Шоу Ясона Тавернера» называется.

— Своего телевизора у меня нет, — сказала девушка. — Скорее всего, я вас не знаю. А что, этим интересно заниматься?

— Как когда. Встречаешься с кучей всякого народу из шоу-бизнеса, если, конечно, охота. По-моему, они такие же люди, как все другие. У всех свои страхи. Все не идеальны. А многие воротилы шоубиза очень забавны перед камерой. И не только перед камерой.

— Знаете, мой муж вечно твердил мне, что у меня нет чувства юмора, — сказала девушка. — Он считал, что все на свете забавно. Он считал забавным даже то, что его завербовали в наты.

— А когда он оттуда выбрался, ему смешно не было? — спросил Ясон.

— А он оттуда не выбрался. Его застрелили во время неожиданной атаки студентов. Но их винить нечего; его убил свой же приятель нат.

Ясон спросил:

— А сколько мне придется заплатить за полный набор УДов? Скажите лучше сейчас, пока мы не приступили к делу.

— Я беру с людей столько, сколько они могут себе позволить, — сказала Кати, выкладывая новую линию набора. — С вас я намерена взять побольше. Судя по вашему богатству, по вашей одежде и по тому, как вы дали Эдди пятьсот долларов, чтобы сюда добраться. Верно? — Она бросила на него быстрый взгляд, — Или я ошибаюсь? Скажите!

— У меня есть пять тысяч долларов, — сказал Ясон. — Или уже чуть меньше. Я самый знаменитый в мире актер. Я по месяцу каждый день работаю на Сэндсе, да еще веду собственное шоу. По сути, я появляюсь во множестве первоклассных клубов, когда могу их втиснуть в свое расписание.

— Вот черт, — сказала Кати. — Как жаль, что я про вас не слышала. Тогда на меня это наверняка произвело бы впечатление.

Ясон рассмеялся.

— Я сказала какую-то глупость? — спросила

Кати.

— Нет, — ответил Ясон. — Скажите, Кати, сколько вам лет?

— Девятнадцать. Но мой день рождения в декабре, так что мне почти двадцать. А сколько бы вы мне дали на вид?

— Около шестнадцати, — ответил Ясон.

Девушка ребячливо надула губы.

— Так все говорят, — сказала она низким тоном. — Это потому что у меня совсем нет грудей. Будь у меня груди, мне бы давали двадцать один. А вам сколько лет? — Она перестала возиться со своим набором и внимательно разглядывала Ясона. — По-моему, около пятидесяти.

Гнев охватил его. И негодование.

— Похоже, вашим чувствам причинен урон, — сказала Кати.

— Мне сорок два, — кратко ответил Ясон.

— А, какая разница? То есть что так, что эдак…

— Давайте лучше к делу, — перебил Ясон. — Дайте мне ручку и бумагу, и я запишу, что мне нужно и что про меня в каждом УДе должно говориться. Я хочу, чтобы все было проделано в точности. Вам стоит очень постараться.

— А я вас взбесила, — сказала Кати. — Когда сказала, что вы выглядите на пятьдесят. Пожа-

луй, если присмотреться пристальней, вы на столько не выглядите. Вы выглядите лет на тридцать. — Она вручила ему ручку и бумагу, скромно улыбаясь. И с явно извиняющимся видом.

Ясон сказал:

— Забудьте. — И похлопал девушку по спине.

— Я бы предпочла, чтобы меня не трогали, — сказала Кати и отстранилась.

Она словно олененок в лесу, подумал Ясон. Странно, она боится, когда ее слегка касаются, но в то же время не боится подделывать документы — совершать преступление, за которое запросто светит двадцать лет тюрьмы. Быть может, никто просто не объяснил ей, что это противозаконно. Быть может, она этого не знает.

Тут что-то яркое и цветастое на дальней стене привлекло внимание Ясона; он подошел поближе, чтобы посмотреть. Средневековый цветной манускрипт, понял он. Или, скорее, страница оттуда. Он читал про такие, но до сих пор внимания не обращал.

— Что, ценная вещь? — спросил он.

— Будь эта вещь настоящей, она бы сотню долларов стоила, — объяснила Кати. — Но она не подлинная; я сама сделала ее много лет назад, когда училась в старших классах средней школы

Североамериканской академии. Я копировала оригинал раз десять, пока не получилось, как надо. Мне нравится хорошая каллиграфия; я ею еще в детстве занималась. Наверное, это потому, что мой отец разрабатывал книжные обложки; то есть, знаете, суперобложки.

Ясон спросил:

— А в музее ее примут за настоящую?

Некоторое время Кати пристально его разглядывала. Затем кивнула в подтверждение.

— Разве там не поймут по бумаге?

— Это пергамент, причем именно того периода. Тут все выходит так же, как когда подделываешь старую марку — берешь бесценную старую марку, отстраняешь отпечаток, а затем… — Девушка помолчала. — Кажется, вас беспокоило, чтобы я поскорее занялась вашими УДами, — сказала она затем.

— Да, — подтвердил Ясон. Он дал ей листок бумаги, на котором записал всю нужную информацию. В основном там требовались пол-натовские послекомендантские удостоверения, с отпечатками пальцев, фотографиями и голографическими подписями — все с краткими сроками истечения. Через три месяца ему предстояло получить новый поддельный набор.

— Две тысячи долларов, — сказала Кати, изучив список.

Ясон хотел сказать: «А может, мне еще за это в постель отправиться?» Но вслух сказал совсем другое:

— Сколько потребуется времени? Часы? Дни? Если дни, то где я…

— Часы, — перебила Кати.

Ясон испытал мощную волну облегчения.

— Садитесь, пожалуйста, и составьте мне компанию, — предложила Кати, указывая на трехногую табуретку, сдвинутую чуть в сторону. — Можете рассказать мне про вашу удачную карьеру в качестве ТВ-персонажа. Наверняка это был завораживающий путь — все эти трупы, через которые вы должны были перешагнуть, чтобы добраться до самой вершины.

— Да, — кратко сказал Ясон. — Но только без всяких трупов. Это миф. Тут все зависит только от таланта, а не от того, что вы скажете или сделаете другим людям, которые выше или ниже вас по положению. Это работа; вы не прохлаждаетесь и не отбиваете чечетку, чтобы затем подписать контракт с Эн-Би-Си или Си-Би-Эс. Там работают крутые люди, подлинные бизнесмены. Особенно публика из А и Р. Из Артистов и Режиссеров. Они

решают, кого и куда подписывать, а кого — нет. Я теперь говорю не о всяких там бумагах. Вот откуда следует начать, чтобы выйти на национальный уровень; конечно, вы можете работать на клубном уровне, где ни попадя, пока вы не…

— Вот ваши права водителя шустреца, — перебила его Кати. Она аккуратно предала Ясону маленькую черную карточку. — Теперь я примусь за ваш военный билет. С ним будет немного сложнее из-за фото в фас и в профиль, но для этого у меня есть вон та аппаратура. — Она указала Ясону на белый экран, перед которым стояла тренога с камерой, а сбоку возвышалась вспышка.

— Я смотрю, у вас есть все оборудование, — заметил Ясон, пристально глядя на белый экран. За свою долгую карьеру артиста он всегда точно знал, где ему стоять и какое лицо изобразить.

Но на сей раз он, очевидно, сделал что-то не так. Кати сурово его изучала.

— Вы слишком освещены, — сказала она отчасти Ясону, отчасти себе. — И сами светитесь, но как-то странно, по-фальшивому.

— Нормальная публичная съемка, — сказал Ясон. — Глянцевые фотки восемь на десять.

— Здесь такие не требуются. Поймите, они должны на всю оставшуюся жизнь уберечь вас

от исправительно-трудового лагеря. И нечего улыбаться.

Ясон улыбаться не стал.

— Вот и хорошо, — сказала Кати. Вытащив фотографии из камеры, она аккуратно перенесла их к своему верстаку, помахивая, чтобы высушить. — Эти проклятые служебные оживленки, которые требуются для военно-служебных бумаг… короче, эта камера обошлась мне в тысячу долларов, а больше ни для чего другого она мне и не нужна… Впрочем, я должна была ее иметь. — Кати пристально на него посмотрела. — Это дорого вам обойдется.

— Да, — каменным голосом отозвался Ясон. Он уже это понял.

Некоторое время Кати с чем-то таким возилась, а затем, резко повернувшись к Ясону, спросила:

— Кто же вы на самом деле? Вы явно привыкли позировать. Я же видела, с какой милой улыбкой вы застыли там, где надо, и с этими светящимися глазами.

— Я уже сказал. Я Ясон Тавернер. Хозяин ТВ-шоу для знаменитых гостей, каждый вечер по вторникам.

— Нет, — возразила Кати и покачала головой. — Впрочем, это не мое дело. Я не должна была

спрашивать. — Но при этом она продолжала с каким-то возбуждением его разглядывать. — Вы все делаете не так. Вы и впрямь знаменитость. Это было сделано машинально — то, как вы позировали для фотографии. Но в то же время вы не знаменитость. Нет никакого Ясона Тавернера — который что-то из себя значит и что-то представляет. Так кто же вы тогда? Человек, которого без конца фотографировали и которого никто никогда не видел и не слышал?

Ясон сказал:

— Я занимаюсь этим точно так же, как занималась бы этим любая другая знаменитость, про которую никто никогда не слышал.

Некоторое время Кати молча глазела на него, а затем рассмеялась.

— Понятно. Да, это круто. Вот так номер! Это фразу мне следовало бы запомнить. — Она снова обратилась к документам, которые подделывала. — Занимаясь этим делом, — продолжила она, поглощенная своим занятием, — мне обычно не хочется знать людей, для которых я подделываю УДы. Но вот интересно… — тут она подняла взгляд… — мне вроде как хочется узнать вас. Вы странный. Я видела сотни всяких типов — наверное, сотни — но ни одного такого. Знаете, что я

про вас думаю?

— Вы думаете, что я сумасшедший.

— Да, — кивнула Кати. — Клинически, официально, как угодно. Вы психотик; у вас раздвоение личности.

Мистер Все и мистер Никто. Как же вы до сих пор умудрились выжить?

Ясон не ответил. Ему нечего было объяснять.

— Ладно, — сказала Кати. Один за другим, опытно и умело, она подделала все требующиеся документы.

Эдди, клерк из отеля, таился чуть поодаль, куря фальшивую гаванскую сигару. Ему явно нечего было говорить или делать, но по какой-то непонятной причине он болтался вокруг да около. «Лучше бы он отвалил, — подумал Ясон. — Мне хотелось бы еще поговорить с Кати…»

— Идемте со мной, — вдруг сказала Кати. Соскользнув со своего рабочего табурета, она поманила Ясона к деревянной двери справа от верстака. — Мне нужно, чтобы вы пять раз расписались, причем каждая подпись должна отличаться от остальных — так, чтобы их нельзя было наложить друг на друга. Именно так большинству документариев… — она улыбнулась, открывая дверь, — (так мы сам себя называем) —

именно так нам обычно наступают кранты. Полы просто берут одну подпись и переносят ее на другие документы. Понятно?

— Понятно, — сказал Ясон, входя вслед за Кати в душную комнатенку, сильно смахивающую на туалет.

Кати плотно закрыла дверь, помолчала немного, затем сказала:

— Эдди — полицейский стукач.

Вытаращившись на нее, Ясон тупо спросил:

— Почему?

— Что «почему»? Почему он стукач? Ради денег, понятное дело. Потому же, почему и я.

Ясон прорычал:

— Будьте вы прокляты. — Затем схватил Кати за правое запястье, притянул к себе; лицо ее от боли перекосилось. — И что, он уже…

— Эдди еще ничего не сделал, — прохрипела Кати, пытаясь высвободить руку. — Послушайте, мне больно. Успокойтесь, наконец, и я все, что надо, вам покажу. Идет?

Неохотно, с колотящимся от страха сердцем, Ясон ее отпустил. Тогда Кати включила яркую лампочку и положила три только подделанных документа в кружок ее света.

— Видите пурпурное пятнышко на полях каж-

дого? — спросила она, указывая на едва заметный световой кружок. — Это микропередатчик. Так что, куда бы вы ни направились, каждые пять секунд вы будете испускать сигнал. Полиция тщательно следит за заговорами; им нужны люди, с которыми вы связаны.

— Я ни с кем не связан, — огрызнулся Ясон.

— Но там этого не знают. — Хмурясь по-девчоночьи, Кати помассировала свое запястье. — Н-да. Про вас, ТВ-знаменитость, никто ничего не слышал, но реакция у вас мгновенная, — пробормотала она.

— Зачем вы мне это сказали? — спросил Ясон. — После всей этой подделки, после всего…

— Я хотела, чтобы вы скрылись, — просто ответила Кати.

— Зачем? — Он по-прежнему ничего не понимал.

— Затем, черт возьми, что в вас есть какой-то магнетизм. Я поняла это сразу, как только вы вошли в мастерскую. Вы… — она стала подыскивать слово, — такой сексуальный. Даже в вашем возрасте.

— Так дело в моей внешности, — догадался он.

— Да. — Кати кивнула. — Я это и раньше примечала у разных знаменитостей, но никогда так

близко. Мне понятно, отчего вы вообразили себя телегероем; похоже, вы такой и есть.

— Как мне скрыться? — спросил он. — Вы мне просто так скажете? Или это будет еще что-то стоить?

— Черт, как вы циничны.

Ясон рассмеялся и снова ухватил ее за запястье.

— Пожалуй, я вас не виню. — С застывшим лицом помотала головой Кати. — Ну, прежде всего, вы можете откупиться от Эдди. Думаю, пяти сотен будет вполне достаточно. От меня вам откупаться не придется, если только вы — и я об этом серьезно, если вы еще ненадолго со мной останетесь. В вас есть… аромат, как у хороших духов. Я реагирую на вас, а такого с мужчинами у меня никогда не бывает.

— А с женщинами бывает? — едко поинтересовался Ясон.

Кати пропустила шпильку мимо ушей.

— Так останетесь? — спросила она.

— Черт, — выругался он. — Да я просто уйду. — Протянув руку, он открыл дверь позади Кати и, проскользнув мимо нее, снова оказался в мастерской. Кати стремительно последовала за ним.

В смутных тенях заброшенного ресторана она

догнала его и загородила дорогу. Затем, тяжело дыша, сказала:

— На вас уже размещен передатчик.

— Сомневаюсь, — ответил он.

— Это правда. Эдди уже его к вам прикрепил.

— Чушь собачья, — бросил Ясон и двинулся прочь от Кати к свету ресторана, пробивавшемуся из-за сломанной, едва висевшей на петлях двери.

Преследуя его подобно какому-то легкому на ногу олененку, Кати прохрипела:

— Но вы только предположите, что это правда. Ведь это возможно. — В полуоткрытом дверном проходе она опять загородила ему путь и подняла руки, словно готовясь отразить удар. Затем торопливо сказала: — Останьтесь со мной только на одну ночь. Переспите со мной. Ладно? Этого будет достаточно. Обещаю. Ну пожалуйста, всего на одну ночь.

Ясон подумал: «Кое-какие из моих способностей, мои несомненные и хорошо известные таланты явились со мной в это странное место, где я теперь живу. В место, где я не существую — если, конечно, не полагаться на подделанные стукачами УДы. Жуть какая-то». Стоило ему об этом подумать, как он вздрогнул. «Н-да, УДы со

встроенными в них микропередатчиками, чтобы предать полам меня и всех, кто со мной окажется. Не слишком я пока что преуспел. Если не считать того, что, как утверждает Кати, у меня по-прежнему осталось обаяние. Но это все, что стоит между мной и исправительно-трудовым лагерем».

— Ладно, — согласился он затем. Такой выбор выглядел достаточно мудрым — пока что.

— Иди заплати Эдди, — сказала Кати. — Покончи с этим, и пусть он проваливает.

— Интересно, чего ради он тут по-прежнему болтается? — поинтересовался Ясон. — Еще деньги чует?

— Думаю, да, — кивнула Кати.

— А ведь ты все время такое проделываешь, — сказал Ясон, доставая деньги. — СОП — стандартная операционная процедура. И он уже в это врубается.

— Эдди — псионик, — весело пояснила Кати.

Глава 4

В двух городских кварталах оттуда, на верху облупившегося, но когда-то давным-давно белого здания, у Кати оказалась одна комната с крошечной кухонькой, где можно было готовить только

на одного.

Ясон огляделся. Девичья комната, где скорее похожая на детскую кроватку постель была накрыта ручной работы покрывалом, где ряд за рядом шли крошечные зеленые шарики прядильных волокон. Вроде солдатского кладбища, неприязненно подумал Ясон, двигаясь по комнатке и чувствуя себя смущенным ее малыми размерами.

На столе лежал один из томов книги Пруста «В поисках утраченного времени».

— И много ты из нее прочитала? — спросил он у Кати.

— Добралась до «Под сенью девушек в цвету». — Кати закрыла дверь на два оборота и принялась возиться с каким-то хитрым электронным устройством. Ясону оно было незнакомо.

— Не густо, — заметил Ясон.

Снимая свой пластиковый плащ, Кати спросила:

— А ты докуда добрался? — Повесив плащи в шкафчик, она аккуратно заперла и шкафчик.

— Вообще не читал, — признался Ясон. — Но у меня в программе мы делали драматическое представление одной сцены… не помню какой. Мы получили много хороших отзывов, но больше

уже не пытались. Таковы правила. Следует быть осторожным и не выдавать сразу слишком много. Если такое делать, можно угробить все каналы — аж до конца года. — Он судорожно шастал по комнате — тут разглядывал книгу, там кассету, там микромаг. У Кати даже оказалась говорящая кукла. Кати совсем как ребенок, подумал он, никакая она не взрослая.

Любопытства ради Ясон включил говорящую куклу.

— Привет! — заявила та. — Я Весельчак-Чарли, и определенно настроен на вашу длину волны.

— Ни один Весельчак-Чарли не настроен на мою длину волны, — возразил Ясон. Он хотел было выключить куклу, но та запротестовала. — Извини, — сказал Ясон, — но я тебя, жучок подлый, сейчас вырублю.

— Но ведь я люблю вас! — оловянным тоном пожаловался Весельчак-Чарли.

Ясон помедлил, держа руку на кнопке.

— Докажи, — предложил он. В его шоу не раз шла реклама такого вот дерьма. Ясон в равной мере ненавидел и дерьмо, и рекламу. — Дай-ка ты мне малость деньжат, — сказал он кукле.

— Я знаю, как вам вернуть себе имя, славу и удачу, — сообщил ему Весельчак-Чарли. — Разве

этого недостаточно для жалкой открывашки?

— Конечно, достаточно, — согласился Ясон.

Весельчак-Чарли промычал:

— Повидайтесь с вашей подружкой.

— Кого ты имеешь в виду? — насторожился Ясон.

— Хильду Харт, — пискнул Весельчак-Чарли.

— Затруднительно, — сказал Ясон, едва не прикусывая язык. Потом спросил: — Еще советы будут?

— Я слышала про Хильду Харт, — сказала Кати, принося бутылку апельсинового сока из встроенного в стенку холодильничка. Бутылка была уже на три четверти пуста; Кати потрясла ее и вылила пенистый экстракт апельсинового сока в два желейных стаканчика. — Она красивая. У нее такие длинные рыжие волосы. А что, она правда твоя подружка? Чарли прав?

— Все знают, — отозвался Ясон, — что Весельчак-Чарли всегда прав.

— Да, догадываюсь, что это правда. — Кати вылила в апельсиновый сок скверный джин («Лучший спецрозлив Маунбаттена»). — Настоящие «отвертки», — похвасталась она.

— Нет-нет, спасибо, — отказался Ясон. — Час еще ранний. — Даже для лучшего виски «Б-энд-Л»,

разлитого в Шотландии. Вот чертова комнатенка… Интересно, имеет Кати еще что-нибудь от своего стукачества и подделки документов или это все, что у нее есть? Действительно ли она информатор полиции, как она утверждает? — задумался он. Странно. Может быть и то, и другое. А может — ни то, ни другое.

— А вы меня спросите! — продудел Весельчак-Чарли. — Вижу, мистер, у вас что-то там на уме. Да-да, У вас, обаятельный прохвост, у вас!

Ясон пропустил оскорбление мимо ушей.

— Эта девушка, — начал было он, но Кати мгновенно выхватила у него Весельчака-Чарли и вскочила, сжимая куклу; ноздри ее раздувались, а глаза горели негодованием.

— Какого черта ты собираешься расспрашивать моего Весельчака-Чарли про меня? — спросила она, гневно приподнимая бровь. Будто дикая птаха, подумал Ясон, делающая все, чтобы защитить свое гнездо. И рассмеялся. — Что смешного? — вопросила Кати.

— От этих говорящих кукол, — заметил Ясон, — больше проблем, чем пользы. Лично я бы их уничтожил. — Отойдя от девушки, он подошел к почте, разбросанной на телевизионном столике. Там он стал бесцельно разбирать бандероли,

подмечая, что ни один из конвертов со счетами не вскрыт.

— Это мое, — словно обороняясь, сказала Кати.

— Для девушки, проживающей в однокомнатной квартирке, — заметил Ясон, — у тебя слишком много счетов. Ты покупаешь одежду — и что еще — у Мейера? Занятно.

— Я… у меня необычный размер.

— И обувь от Сикса и Кромби.

— При моей работе… — начала было девушка, но Ясон прервал ее нетерпеливым взмахом ладони.

— Прекрати врать, — проскрипел он зубами.

— Посмотри в мой платяной шкаф. Много ты там не увидишь. Ничего сверх обычного, но то, что у меня есть, действительно добротно. Лучше я буду иметь немного, но добротное… — Тут Кати запнулась. — Вообще-то если честно, — вдруг еле слышно сказала она, — это куча хлама.

— У тебя есть другая квартира, — догадался Ясон.

Это подействовало; глаза Кати вспыхнули так, словно она заглянула в себя за ответом. Для Ясона это говорило о многом.

— Давай поедем туда, — предложил он. На эту вшивую комнатенку он уже насмотрелся.

— Я не могу тебя туда пригласить, — сказала Кати. — Дело в том, что ту квартиру я делю с двумя другими девушками. По тому, как мы с ними ее поделили, сейчас не мое время…

— Похоже, ты не попыталась произвести на меня впечатление. — Это позабавило Ясона. Но и озлобило. Он понял, что его неким образом понизили в ранге.

— Я бы отвезла тебя туда, если б сегодня был мой день, — сказала Кати. — Вот почему мне приходится содержать эту комнатенку. Надо же мне куда-то отправляться, когда не мой день. А мой день, следующий, будет в пятницу. Начиная с полуночи. — Тон девушки сделался честным и предельно серьезным. Словно она хотела его в чем-то убедить. Возможно, размышлял он, это и правда. Только не очень убедительная. Но все это его уже утомляло. Эта девушка и вся ее жизнь. Ясон чувствовал, будто что-то поймало его в ловушку и тянет вниз — в те глубины, которых он раньше никогда не знал, даже в самые скверные свои времена. И это страшно ему не нравилось.

Ясону вдруг страстно захотелось отсюда выбраться. Зверем в безвыходном положении оказался он сам.

— Не смотри на меня так, — сказала Кати, потя-

гивая свою «отвертку».

Самому себе, но вслух, Ясон сказал:

— Ты сам распахнул дверь жизни своей большой и твердой головой. И теперь ее уже не закрыть.

— Это еще откуда? — поинтересовалась Кати.

— Из моей жизни.

— Похоже на поэзию.

— Если б ты смотрела мое шоу, — сказал он, — то знала бы, что подобные блестящие афоризмы для меня не редкость.

Спокойно на него посматривая, Кати сказала:

— Хотелось бы заглянуть в телепрограмму и посмотреть, если ли ты там в списке. — Она отставила свою «отвертку» и стала рыться среди брошенных газет, сваленных у основания плетеного столика.

— Я даже не рождался, — сказал Ясон. — Я сам проверил.

— И твоего шоу нет в программе, — сказала Кати, снова складывая газету.

— Верно, — подтвердил Ясон. — Так что теперь ты все про меня знаешь. — Он похлопал по кармашку с фальшивыми УДами. — Включая вот это. Включая их микропередатчики, если это, конечно, правда.

— Верни их мне, — предложила Кати, — и я уберу микропередатчики. Считанные секунды — и дело в шляпе. — Она протянула руку.

Ясон вернул ей УДы.

— Тебя что, не волнует, уберу я их или нет? — поинтересовалась девушка.

Он искренне ответил:

— Честно говоря, нет. Я уже потерял способность судить, что хорошо, а что плохо. Если хочешь снять пометки, сделай это. Если тебе это доставит удовольствие.

Вскоре она вернула ему УДы, улыбаясь своей шестнадцатилетней туманной улыбкой.

Наблюдая за неподдельным сиянием ее молодости, Ясон сказал:

— «Чувствую себя старым, как вон тот вяз».

— Это из «Поминок по Финнегану», — радостно сказала Кати. — Когда старые прачки в сумерках сливаются с деревьями и валунами.

— Ты читала «Поминки по Финнегану»? — удивился Ясон.

— Я смотрела фильм. Четыре раза. Мне нравится Хэзелтайн; по-моему, он лучший режиссер из ныне живущих.

— Он был у меня на шоу, — сказал Ясон. — Хочешь знать, что он на самом деле из себя

представляет?

— Нет, — ответила Кати.

— Возможно, тебе следовало бы знать.

— Нет, — повторила она, мотая головой и даже повышая голос. — И не пытайся мне рассказывать, ладно? Я верю в то, во что хочу верить, а ты — во что веришь. Порядок?

— Конечно, — согласился он. И почувствовал к ней симпатию.

Правда, подумал он, часто переоценивается как добродетель. На самом деле сострадательная ложь лучше и милосерднее. Особенно между мужчинами и женщинами; собственно говоря, с женщинами — почти всегда.

Перед ним же, строго говоря, была теперь не женщина, а девушка. А следовательно, решил Ясон, ложь во спасение была даже более чем необходимость.

— Он ученый и артист, — сказал он.

— Правда? — Она с надеждой за ним наблюдала.

— Да.

Тут она вздохнула с облегчением.

— Значит, ты веришь, — сказал он, развивая тему, — что я встречался с самим Майклом Хэзелтайном, величайшим режиссером из ныне

живущих, как ты сама сказала. Значит, ты веришь, что я секст… — Тут он осекся; он не это намеревался сказать.

— «Секст», — эхом отозвалась Кати. Лоб ее наморщился, словно она силилась вспомнить. — Я читала про это в «Тайме». Но разве они уже не все мертвы? Разве правительство не всех их выловило и расстреляло — после того самого вождя? Как же его звали? Тигарден; да-да, именно так его звали. Уильям Тигарден. Он попытался — как там говорили — устроить переворот против государственных натов? Он хотел расформировать их как нелегальную парадовоенную…

— Паравоенную, — поправил Ясон.

— Тебе, конечно, плевать на то, что я говорю.

Ясон честно признался:

— Если честно, то наплевать. — Он подождал. Девушка молчала.

— Черт! — выругался он. — Да закончи же, о чем говорила.

— Я думаю, — сказала наконец Кати, — что перевороту не дали свершиться септы.

Септы — подумал Ясон. Никогда в жизни про септов он не слышал. Ничто не могло бы поразить его сильнее. Хорошо еще, подумал он, что я не проговорился. Теперь он и впрямь выяснил нечто

реальное. Во всем этом лабиринте неразберихи и полуреальности.

Тут небольшая секция стены со скрипом приоткрылась, и в в комнату вошел кот — черно-белый и очень молодой. Кати взяла кота на руки, и лицо ее просияло.

— Философия Динмана, — заметил Ясон. — Обязательный кот. — Он был неплохо знаком с этой точкой зрения; по сути, он даже сам представлял Динмана ТВ-аудитории на одном из своих специальных осенних выпусков.

— Нет, я просто его люблю, — возразила Кати. Гааза ее сияли, пока она несла кота Ясону для внимательного осмотра.

— Но ведь ты действительно веришь, — сказал Ясон, похлопывая кота по маленькой голове, — что владение животным увеличивает у человека эмпатическую…

— К черту эмпатическую способность, — сказала Кати, прижимая кота к груди так, как пятилетняя девочка прижимает к груди своего первого питомца — общую морскую свинку в детском саду. — Его зовут Доменико, — сказала она.

— В честь Доменико Скарлатти? — поинтересовался Ясон.

— Нет, в честь уличного рынка Доменико. Кста-

ти, мы проезжали его, пока сюда ехали. Когда я живу в Малой квартире — в этой комнате, — я езжу туда за покупками. А что, Доменико Скарлатти музыкант? По-моему, я про него слышала.

Ясон сказал:

— Нет, он учитель английского в средней школе имени Авраама Линкольна.

— Ага. — Кати рассеянно кивнула, качая кота на руках.

— Я тебя дурачу, — сказал Ясон, — и это подло. Извини.

Кати с серьезным видом на него глядела, прижимая к груди своего маленького кота.

— Но ведь я все равно не понимаю разницы, — пробормотала она.

— Как раз поэтому это и подло, — пояснил Ясон.

— Почему? — спросила она. — Если я даже таких простых вещей не понимаю. То есть это значит, я просто тупая. Разве не так?

— Ты не тупая, — возразил Ясон. — Ты просто наивная и неопытная. — Он примерно прикинул их разницу в возрасте. — Я живу раза в два с лишним больше тебя, — заметил он. — И последние десять лет благодаря своему положению вовсю терся локтями с самыми знаменитыми людьми

на Земле. И еще…

— И еще, — перебила Кати, — ты секст.

Да, эту его промашку она не забыла. Конечно же нет. Можно рассказать ей про миллион всякой всячины, и вся эта всячина была бы забыта десять минут спустя — но только не эта единственная промашка. Что ж, так устроен мир. Ясон уже успел и к этому привыкнуть — именно эта привычка и определяла их разницу в возрасте.

— Что для тебя значит Доменико? — спросил Ясон, меняя тему разговора. Тут же он понял, что смена разговора вышла топорной, но все же пошел дальше. — Что ты получаешь от него такого, чего не получаешь от людей?

Нахмурившись, Кати явно задумалась.

— Он всегда чем-то занят. Каким-то своим проектом. Например, гоняется за насекомыми. Он очень здорово ловит мух — успевает хватать их так, чтобы они не улетали. — Кати очаровательно улыбнулась. — И мне не приходится спрашивать себя: должна я сдать его мистеру Макнульти или нет? Мистер Макнульти — мой связник у полов. Я снабжаю его нужными приемниками для микропередатчиков — тех пятнышек, которые я тебе показывала.

— А он тебе платит.

Она кивнула.

— И все-таки ты ведешь такую жизнь.

— Я… — она с явным затруднением попыталась ответить, — у меня не так много клиентов.

— Чушь. Я видел тебя за работой. Ты классно работаешь. И опыта тебе не занимать.

— Просто талант.

— Но талант тренированный.

— Ладно. Я тебе скажу. Это связано с квартирой на окраине. С моей Большой квартирой. — Кати аж заскрипела зубами, недовольная этим расспросом.

— Нет. — Ясон этому не поверил.

После некоторой паузы Кати сказала:

— Мой муж жив. Он находится в исправительно-трудовом лагере на Аляске. Я пытаюсь вызволить его оттуда, поставляя информацию мистеру Макнульти. Еще год… — лицо ее теперь стало хмурым, а глаза словно обратились вовнутрь, — и он говорит, что Джек сможет выйти. И вернуться сюда.

Так-так, подумал Ясон, ты посылаешь других людей в лагеря, чтобы вызволить своего супруга. Очень похоже на типичную политическую сделку. Вероятно, это правда.

— Это гнусная сделка с полицией, — сказал

он. — Они теряют одного человека и получают… скольких ты, по-твоему, уже для них пометила? Десятки? Сотни?

Подумав, Кати сказала:

— Наверное, человек сто пятьдесят.

— Это подло, — сказал Ясон.

— В самом деле? — Она нервно на него взглянула, прижимая Доменико к своей плоской груди. Затем постепенно стала наливаться злобой — выражалось это и у нее на лице, и в том, как она прижала к себе кота. — Да черт с ними со всеми, — прорычала Кати. — Я люблю Джека, и он меня любит. Он мне все время пишет.

Ясон, тоже с внезапной злобой, сказал:

— Подделка. Какой-нибудь наймит полов постарался.

Слезы ручьем хлынули у Кати из глаз; взгляд ее сразу затуманился.

— Ты правда так думаешь? Порой мне тоже кажется, что они подделаны. Хочешь на них взглянуть? Сможешь отличить их от подделки?

— Возможно, они и не подделаны. Дешевле и проще держать Джека в живых, чтобы он время от времени писал собственные письма. — Ясон надеялся, что ей от этого полегчает; очевидно, так оно и вышло. Слезы почти перестали течь.

— А я об этом не подумала, — сказала она, кивая, но пока еще не улыбаясь; она глядела куда-то вдаль, все еще машинально покачивая маленького черно-белого котика.

— Если твой муж жив, — сказал Ясон, на сей раз с осторожностью, — разве в порядке вещей для тебя отправляться в постель с другими мужчинами? Со мной, к примеру?

— Да, конечно. Джек никогда на это не возражал. Даже до того, как его забрали. И я уверена, что он и теперь не возражает. Честно говоря, он даже мне об этом писал. Ну-ка, посмотрим — по-моему, это было месяцев шесть тому назад. Пожалуй, я смогу найти это письмо; у меня все они есть на микрофильмах. Там, в мастерской.

— Зачем?

Кати сказала:

— Я порой проектирую их на экран для клиентов. Так, чтобы потом они понимали, почему я делаю то, что делаю.

В этот миг Ясон решительно не понимал ни какое чувство он испытывает к Кати, ни какое вообще-то должен испытывать. Постепенно, с годами, она оказалась вовлечена в ситуацию, выхода из которой для нее уже не было. И теперь даже Ясон не видел для нее никакого выхода

— слишком уж долго все продолжалось. Болезнь успела пустить корни. Семенам зла было позволено взойти.

— Для тебя нет возврата, — сказал он ей, хотя и понимал, что Кати сама это знает. — Послушай, — нежно проговорил он затем. И положил ей на плечо руку, но она, как и раньше, сразу же отстранилась. — Скажи им, что ты хочешь, чтобы его немедленно выпустили, что больше не станешь стучать на людей.

— А его отпустят, если я это скажу?

— Ты хотя бы попробуй. — Вреда бы это точно не причинило. Но — Ясону сложно было представить себе мистера Макнульти, и как он присматривает за этой девушкой. Она не могла ему противостоять; мистерам макнульти всего этого мира никто противостоять не может. Если только что-то странным образом не пойдет не так.

— А знаешь, какой ты? — спросила Кати. — Ты очень хороший. Понимаешь?

Ясон пожал плечами. И с другими правдами и неправдами это могло зависеть от точки зрения. Возможно, он как раз таким и был. В данной ситуации, по крайней мере. Однако в других не настолько. Впрочем, Кати об этом не знала.

— Сядь и расслабься, — сказал он. — Ласкай своего кота, пей свою «отвертку» — просто живи. Можешь ты это сделать? Пусть твоя голова хоть ненадолго, но очистится. Попробуй. — Он принес ей стул. Кати послушно села.

— Я все время так делаю, — тупо и опустошенно сказала она.

— Но только позитивно, — сказал Ясон. — А не негативно.

— Как? Что ты имеешь в виду?

— Сделай это с реальной целью, а не с тем, чтобы избежать столкновения с неприятными истинами. Сделай это потому, что любишь своего мужа и хочешь его вернуть. Ты ведь хочешь, чтобы все было как раньше?

— Да, — согласилась Кати. — Но теперь я встретила тебя.

— И что из этого следует? — Ясон осторожно двигался по комнате; отклик девушки его озадачил.

Кати сказала:

— Ты намного притягательнее Джека. Он притягателен, но ты куда притягательнее. Может статься, после встречи с тобой я не смогу снова по-настоящему его полюбить. Или ты думаешь, что человек может в равной мере любить сразу двоих,

но по-разному? В моей группе психотерапии говорят «не может», говорят, что я должна выбрать одного. Говорят, это один из основных жизненных принципов. Понимаешь, такое случалось и раньше; я встречала нескольких мужчин притягательнее Джека… но такого притягательного, как ты, — никогда. Теперь я правда не знаю, что мне делать. Такие вещи очень сложно решать, потому что про них не с кем поговорить; да никто и не понимает. Приходится решать все самой, и порой выбираешь неправильно. Например, я выберу тебя вместо Джека, а потом он вернется, и мне будет на него плевать. Что тогда? Каково ему будет? Это, конечно, важно, но важно и каково будет мне. Если ты или кто-то другой нравится мне больше него, я должна это проявлять, как выражаются в нашей психотерапевтической группе. Знаешь, ведь я восемь месяцев была в психиатрической больнице. В Клинике психогигиены Морнингсайда. Мои родители за нее заплатили. Это стоило целого состояния, потому что мы по какой-то причине не имели права на общественную или федеральную поддержку. Так или иначе, я там многое о себе узнала и обрела множество друзей. С большинством людей, которых я по-настоящему знаю, я познакомилась

в Морнингсайде. Конечно, когда я их там встречала, у меня первым делом возникали иллюзии, что они — знаменитости вроде Микки Куинна или Арлен Хоу. Понимаешь — знаменитости. Вроде тебя.

Ясон сказал:

— Я знаком и с Куинном, и с Хоу. Ты ничего не потеряла.

Внимательно его разглядывая, Кати сказала:

— А ведь, может быть, ты вовсе не знаменитость. Может быть, я просто вернулась в тот галлюцинаторный период. Врачи предупреждали, что такое может случиться. Рано или поздно. Теперь уже, наверное, поздно.

— Выходит, — заметил Ясон, — я могу стать всего-на-всего одной из твоих галлюцинаций. Разберись-ка с этим получше. Я не чувствую себя достаточно реальным.

Кати рассмеялась. Но настроение ее от этого не улучшилось.

— Вот было бы забавно, если б я и впрямь создала тебя, как ты только что сказал! Но ведь, если я полностью выздоровлю, ты просто исчезнешь?

— Нет, я не исчезну. Но перестану быть знаменитостью.

— Ты уже перестал. — Подняв голову, Кати

устремила на него неподвижный взгляд. — Возможно, в этом-то вся и штука. Почему это ты знаменитость, про которую никто не слышал? А вот почему. Я создала тебя, ты продукт моего галлюцинирующего мозга. А теперь я снова становлюсь нормальной.

— Солипсический взгляд на мироздание…

— Прекрати. Ты прекрасно знаешь, что подобные словечки для меня — пустой звук. Что я, по-твоему, за человек? Я не знаменита и не могущественна, как ты; я просто слабая женщина, занимающаяся подлой, ужасной работой. Работой, из-за которой люди попадают в тюрьму и которой я занимаюсь только потому, что люблю Джека больше, чем все остальное человечество. Вот что я тебе скажу. — Голос ее задрожал, но остался твердым. — Единственное, что вывело меня из безумия, было то, что я любила Джека больше, чем Микки Куинна. Понимаешь, я думала, что один парень по имени Дэвид — на самом деле Микки Куинн. Все это дело держалось под большим секретом — ну, что Микки Куинн спятил и его для поправки здоровья пришлось отправить в психиатрическую больницу. Никому не полагалось этого знать, ибо это разрушило бы его имидж. Вот он и притворился, что его зовут

Дэвид. Но я все раскусила. Или, вернее, думала, что раскусила. А доктор Смит сказал, что я должна выбрать между Джеком и Дэвидом — вернее, между Джеком и Микки Куинном, который, как я считала, был Дэвидом. И я выбрала Дэвида. Так я из этого безумия и вышла. Теперь… — Кати заколебалась, а подбородок ее задрожал. — Теперь ты, возможно, понимаешь, почему я должна считать Джека важнее чего-то, кого-то — или вообще всех остальных. Понимаешь?

Ясон понял. И кивнул.

— Даже такой мужчина, как ты, — продолжила Кати, — такой притягательный — даже ты не можешь забрать меня от Джека.

— Да я не очень-то и хочу. — Ясону показалось уместно это подчеркнуть.

— Нет, хочешь. На каком-то глубинном уровне обязательно хочешь. Это сродни соперничеству.

Ясон сказал:

— Для меня ты просто одна маленькая девчушка в одном маленьком здании одного маленького городка. Для меня весь мир принадлежит мне, и все в нем живущие — тоже.

— Это пока ты не сидишь в исправительно-трудовом лагере.

Ему и тут пришлось послушно кивнуть. Кати

обладала несносной привычкой заклепывать пушки риторики.

— Теперь ты кое-что понимаешь, — сказала девушка. — Так ведь? Про нас с Джеком и почему я могу лечь с тобой в постель без всякого ущерба для Джека. Я, к примеру, спала с Дэвидом, когда мы оба были в Морнингсайде, но Джек мпываонимал; он знал, что я просто должна это делать. А ты бы понял?

— Если бы все было из-за твоего психоза…

— Нет-нет. Это было не из-за психоза. Мне было суждено переспать с Микки Куинном. Это должно было произойти; я просто исполняла свою вселенскую роль. Понимаешь?

— Примерно, — тактично отозвался Ясон.

— Кажется, я пьяна. — Кати взглянула на свой бокал с «отверткой». — Ты был прав; для такой штуки еще слишком рано. — Затем она отставила полупустой бокал в сторону. — Джек понимал. Или, по крайней мере, говорил, что понимал. Интересно, стал бы он лгать? Чтобы из-за этого не потерять меня? Потому что если бы я должна была выбрать между ним и Микки Куинном… — Она помолчала. — А все-таки я выбрала Джека. И так будет всегда. Но я все равно должна была переспать с Дэвидом. В смысле — с Микки Куинном.

Мне довелось связать свою жизнь со сложным, особенным, неполноценным существом, сказал себе Ясон Тавернер. Пожалуй, еще покруче, чем Хильда Харт. Такой дряни я не встречал на разу за все свои сорок два года. Но как бы мне отделаться от этой девчонки так, чтобы мистер Макнульти ни о чем не прослышал? Боже, в отчаянии подумал он. Может статься, я от нее и не отделаюсь. Может статься, она поиграется со мной, пока ей не наскучит, а потом вызовет полов. И тогда мне кранты.

— Как думаешь, — спросил Ясон вслух, — проживи я еще сорок два года, удалось бы мне во всем этом разобраться?

— Ты про меня? — резко спросила Кати.

Ясон кивнул.

— Ты думаешь, после того, как мы переспим, я тебя сдам?

До столь крайней мысли он пока еще не дошел. Однако общее направление было верным.

— Я думаю, ты уже научилась в своей невинной и безыскусной манере девятнадцатилетки использовать людей. И это, по-моему, очень скверно. Ибо, раз начав, ты уже не можешь остановиться. Ты просто не ведаешь, что творишь.

— Я никогда тебя не сдам. Я люблю тебя.

— Ты, наверное, часов пять со мной знакома. Нет, даже меньше.

— Но я всегда могу это разобрать. — Ее тон, ее выражение — все было твердым. И глубоко торжественным.

— Ведь у тебя даже нет уверенности, кто я такой.

— А у меня никогда нет уверенности, кто такие все прочие, — парировала Кати.

Это, очевидно, следовало оценить по достоинству. Тогда Ясон еще раз попробовал сменить тему.

— Послушай. В тебе странным образом сочетаются невинная романтичность и… — Тут он осекся; на ум пришло слово «авантюризм», но Ясон быстро его отмел. — И расчетливость вкрадчивого манипулятора.

Ты, подумал он, проститутка в душе. Причем твоя душа сама выставляет себя на продажу — раньше кого-либо другого. Хотя сама ты этого никогда не узнаешь. А если и узнаешь, то скажешь, что тебя к этому принудили. Да, верно, принудили, но кто? Джек? Дэвид? Ты же сама и принудила, подумал Ясон. Потому что тебе нужны двое мужчин сразу — вот ты и их и получаешь.

Бедняга Джек, подумал Ясон. Подонок несчастный. Ковыряешь себе лопатой говно в исправительно-трудовом лагере на Аляске и ждешь, пока эта умелая потаскушка с вывихнутыми мозгами тебя спасет. Валяй, не переводи дух.

Тем вечером, без тени удовольствия, он поужинал с Кати в ресторане итальянского типа всего в одном квартале от ее комнатенки. Похоже, она была смутно знакома с хозяином и официантами; во всяком случае, они с ней поздоровались, а Кати рассеянно откликнулась, словно плохо расслышала их приветствия. Или, подумал Ясон, словно она не вполне сознавала, где находится.

Эх, маленькая ты девчушка, подумал он, где же сейчас другая половина твоей головы?

— Эта ласанья очень вкусная, — заметила Кати, даже не взглянув на меню. Мысленно она казалась где-то далеко-далеко. Причем удалялась все дальше и дальше. Ясон ясно видел черты приближающегося нервного срыва. Но он недостаточно хорошо знал Кати; поэтому не имел ни малейшего представления, какую форму этот срыв может принять. Это ему совсем не нравилось.

— Слушай, Кати, — внезапно обратился он к девушке, стараясь застать ее врасплох. — Когда ты вырубаешься, что тогда происходит?

— А, ничего особенного, — ровным голосом произнесла она. — Я просто бросаюсь на пол и верещу. Еще, бывает, кого-нибудь лягаю. Любого, кто пытается меня удержать. Или еще как-то посягает на мою свободу.

— А сейчас тебе хочется так сделать?

Кати подняла голову.

— Да. — Лицо ее, как теперь заметил Ясон, превратилось в неподвижную маску — и искаженную маску страдания. Но глаза оставались совершенно сухими. На сей раз слез не ожидалось. — Я не принимала лекарства. Вообще-то я должна принимать по двадцать миллиграммов актозина после еды.

— Почему же ты его не принимала? — Душевнобольные никогда сами этого не делали, несколько раз Ясону приходилось сталкиваться с такой аномалией.

— Он отупляет мой разум, — ответила Кати, дотрагиваясь указательным пальцем до кончика своего носа так, словно это был некий ритуал, которому надлежало следовать неукоснительно.

— Но если он…

Кати резко сказала:

— Никто не вправе ебать мне мозги. Никого из мозгоебов я больше к себе не подпущу. Знаешь,

кто такие мозгоебы?

— Ты только что объяснила. — Ясон говорил тихо и медленно, сосредотачивая все свое внимание на сидевшей перед ним девушке — словно стараясь удержать ее на месте, сохранить ее мозг пусть и в относительном, но все-таки равновесии.

Принесли кушанья. Ничего ужаснее Ясон в жизни не видел.

— Разве это не подлинно-восхитительная итальянская кухня? — спросила Кати, ловко наматывая спагетти на вилку.

— Да-да, — рассеянно согласился Ясон.

— Ты думаешь, я вот-вот отрублюсь. И не хочешь в это впутываться.

— Это правда, — подтвердил Ясон.

— Тогда уходи.

— Я… — Он замялся. — Ты мне нравишься. Я хочу убедиться, что у тебя все будет в порядке.

Ложь во спасение. Как раз такая, какую Ясон одобрял. Так все же было лучше, чем сказать: «Потому что, если я отсюда уйду, ты уже через двадцать секунд будешь звонить мистеру Макнульти». То есть выложить все то, что было у него на уме.

— Со мной все будет в порядке. Меня отвезут домой. — Кати вяло обвела рукой зал рестора-

на — клиентов, официантов, кассира. Повара, истекающего по том в пышущей жаром, плохо вентилируемой кухне. Пьяного в баре, тупо крутящего свой бокал с пивом «Олимпия».

Тогда Ясон, после тщательного расчета, уверившись, что поступает правильно, справедливо заметил:

— Ты не берешь на себя ответственность.

— За кого? Я не беру на себя ответственность за твою жизнь, если ты об этом. Это твоя забота. И не перекладывай ее на меня.

— Ответственность, — пояснил Ясон, — за последствия твоих действий по отношению к другим. Морально, этически ты просто плывешь по течению. Всплываешь тут и там, затем снова погружаешься. Как будто ничего не случилось. Уходишь, оставляя всем прочим подбирать зной-ные луны.

Подняв голову, Кати посмотрела Ясону в лицо и сказала:

— Разве я тебе навредила? Я спасла тебя от полов — вот что я для тебя сделала. Что, этого делать не следовало? Да? — Она повысила голос, не сводя с Ясона немигающих глаз и по-прежнему держа в руке вилку со спагетти.

Ясон вздохнул. Все, все без толку.

— Нет, — сказал он, — это следовало сделать. Спасибо. Я очень это ценю. — И только он это сказал, как сразу почувствовал к Кати стойкую ненависть. За то, что она таким образом его к себе привязывает. Этакая вот жалкая посредственность, нормалка девятнадцати лет от роду — и вот так привязывает к себе его, взрослого секста. Все это казалось до абсурдности невероятным; мысленно Ясону где-то даже хотелось смеяться. Впрочем — только «где-то». В целом же ему было не до смеха.

— Ты реагируешь на мое тепло? — спросила Кати. — Да.

— Ведь ты и впрямь чувствуешь, как моя любовь тянется к тебе? Да? Правда? Прислушайся. Быть может, ты даже ее услышишь. — Сама она внимательно прислушивалась. — Моя любовь все растет, и это нежный побег.

Ясон подал знак официанту.

— Что у вас тут толкового имеется? — быстро спросил он у официанта. — Только пиво и вино?

— Еще трава, сэр. Лучшего качества, «Акапулько-голд». И гашиш, первоклассный.

— А из крепкого спиртного — ничего?

— Нет, сэр.

Ясон жестом велел официанту удалиться.

— Ты обращался с ним как со слугой, — заметила Кати.

— Ага, — подтвердил Ясон и вслух простонал. Потом закрыл глаза и помассировал переносицу. Теперь вполне можно было идти до конца; в конце концов, ему уже удалось разжечь в ней гнев. — До чего же вшивый официант, — сказал он, — и до чего же вшивый ресторанишко! Давай свалим отсюда.

— Вот что значит быть знаменитостью, — с горечью произнесла Кати. — Теперь мне понятно. — Она наконец отложила свою вилку.

— Да что ты вообще понимаешь? — выпуская весь пар, прорычал Ясон. Роль миротворца теперь можно было оставить до лучших времен. А еще лучше — вообще к ней не возвращаться. Поднявшись со стула, он взял свое пальто. — Я ухожу, — сказал он Кати. И надел пальто.

— О боже, — простонала Кати, зажмуриваясь; кривящийся рот ее раскрылся. — Боже мой. Нет. Что ты наделал! Знаешь, что ты наделал? Понимаешь все до конца? Улавливаешь хоть что-нибудь? — А затем, так и не раскрыв глаз и не разжав кулаков, Кати завопила. Таких воплей Ясону слышать не доводилось. Словно парализованный, стоял Ясон, пока дикие звуки и вид

ее искаженного, сведенного судорогами лица буквально били и колотили его, еще сильней отупляя. Это психотические вопли, сказал он себе. Продукт расового бессознательного. И исходили они не от личности, а с более глубинного уровня — от коллективной сущности.

Но понимание это никак ему не помогало.

Хозяин и двое официантов поспешили к их столику, так и не выпуская из рук меню. Ясон странным образом все видел и подмечал малейшие детали. Казалось, при этих звуках все вокруг замерло. Застопорилось. Клиенты, подносившие ко ртам вилки, опускавшие ложки, пьющие и жующие, — все это остановилось, и остался только жуткий, чудовищный вопль.

Кроме того, Кати выкрикивала обрывочные слова. Выдавала такие ругательства, словно всю жизнь только и занималась чтением надписей на заборах. Краткие, рубленые фразы, терзавшие в ресторане всех до единого, включая Ясона. Особенно его.

Хозяин, подергивая усами, кивнул двум официантам, и те стащили Кати с ее стула. Подняли за подмышки, а затем, повинуясь еще одному краткому кивку хозяина, выволокли девушку из кабинки, протащили через весь ресторан и

вывели на улицу.

Расплатившись по счету, Ясон поспешил было за ними. Однако у выхода, придержав за руку, его остановил хозяин.

— Триста долларов, — сказал дюжий мужчина.

— За что? — поинтересовался Ясон. — За то, что ее выволокли на улицу?

— За то, что не вызвали полов, — ответил хозяин.

Мрачнее тучи, Ясон заплатил.

Официанты уже усадили Кати на тротуар у края мостовой. Она сидела молча, прижав ладони к глазам, раскачиваясь взад-вперед, а рот ее то и дело раскрывался, но звуков оттуда больше не выходило. Официанты с сомнением на нее смотрели, очевидно прикидывая, будут с ней еще проблемы или нет. Наконец, приняв общее решение, они поспешили обратно в ресторан. Ясон и Кати остались вдвоем на тротуаре под красно-белой неоновой вывеской.

Опустившись рядом с девушкой на колени, Ясон положил ей руку на плечо. На сей раз она не попыталась отстраниться.

— Прости меня, — сказал Ясон. Причем честно. — За то, что я так тебя оттолкнул. — Я решил, что ты блефуешь, сказал он себе, а это оказался

вовсе не блеф. Ладно, ты победила. Я сдаюсь. Отныне все будет так, как ты захочешь. Только скажи. Еще он подумал: «Бога ради, только пусть все будет покороче. Отпусти меня как можно скорее».

Интуиция, впрочем, подсказывала Ясону, что покороче не получится.

Глава 5

Вместе, рука об руку, шагали они по вечернему тротуару мимо вспыхивающих, перемигивающихся, наскакивающих друг на друга лужиц яркого света, порожденных вращающимися и пульсирующими, покачивающимися и пылающими рекламными вывесками. Такой род дружбы Ясону не нравился; нечто подобное он миллион раз видел — как одно и то же повторяется по всему лику Земли. Именно от таких процедур он когда-то, в ранней своей юности, жаждал избавиться — и бежал, рассчитывая использовать свои способности секста для избавления от рутины и посредственности. Теперь же он к этой рутине, похоже, вернулся.

Ясон не то чтобы ненавидел людей; он просто считал их жалкими посредственностями, пой-

манными в ловушку. В этой ловушке, причем безвинно, они и должны были оставаться. Собственно говоря, он даже испытывал муки совести, глядя на их угрюмые лица, на рты с опущенными уголками. Искривленные рты — само воплощение несчастья.

— Да, — наконец нарушила молчание Кати, — пожалуй, я правда в тебя влюбилась. Но ты тут ни при чем; все из-за того мощного магнетического поля, которое от тебя исходит. Знаешь, ведь я даже могу его видеть.

— Надо же, — механически отозвался Ясон.

— Оно такое бархатистое, темно-пурпурное, — сказала Кати, крепко сжимая его руку своими удивительно сильными пальцами. — Очень интенсивное. А мое поле ты видишь? Мою магнетическую ауру?

— Нет, — ответил Ясон.

— Странно. Я скорее бы подумала, что ты на это способен. — Теперь она казалась спокойной; тот взрывной эпизод с воплями давно прошел, и после него наступила относительная стабильность. Наверное, псевдоэпилептоидная личностная структура, предположил Ясон. Работающая день за днем на то, чтобы…

— Моя аура, — ворвалась в его мысли Кати, —

ярко-алая. Это цвет страсти.

— Рад за тебя, — отозвался Ясон.

Замедлив шаг, Кати повернулась и пристально посмотрела ему в лицо. Ей явно хотелось понять, что оно выражает. Ясон надеялся, что достаточно замаскировал свои чувства.

— Тебя бесит то, что я тогда не сдержалась?

— Нет, — ответил Ясон.

— Но ты, похоже, взбешен. Это видно по твоим ответам. По-моему, ты вообще бешеный. Что ж, наверное, только Джек понимает. И Микки.

— Микки Куинн, — машинально уточнил Ясон.

— Разве он не замечательный? — спросила Кати.

— Еще какой замечательный, — отозвался Ясон. Он многое мог бы ей рассказать, но все было без толку. На самом деле Кати не хотела ничего знать; она верила, что и так все знает.

«Во что же ты еще веришь, малышка? — задумался Ясон. — К примеру, что ты, как тебе кажется, знаешь про меня? Так же мало, что и про Микки Куинна, Арлен Хоу и прочую шатию-братию — людей, которые для тебя реально не существуют. Подумай только, что я мог бы тебе рассказать, если б ты, хоть на мгновение, сумела

прислушаться. Но ты неспособна прислушаться. То, что ты услышишь, наверняка тебя напугает. Вдобавок ты уже и так все знаешь».

— Интересно, — сказал он, — каково бывает переспать со столькими знаменитостями?

Тут Кати резко остановилась.

— Думаешь, я спала с ними, потому что они были знаменитостями? По-твоему, я ПЗ, подстилка для знаменитостей? Вот, значит, что ты на самом деле обо мне думаешь.

Она как липучка для мух, подумал Ясон. Без конца ловит за язык. И справиться с этим было невозможно.

— На самом деле я думаю, — сказал он, — что ты вела интересную жизнь. Ты вообще интересная личность.

— И значительная, — добавила Кати.

— Да-да, — подтвердил Ясон. — И значительная. В определенном смысле ты одна из самых значительных персон, каких я в своей жизни встречал. Наше знакомство — захватывающий опыт.

— Ты это серьезно?

— Да, — с чувством произнес Ясон. И в каком-то странном, извращенном смысле это была правда. Никто, даже Хильда, никогда не привязывал его к себе так, как эта девчонка. Ясон не

мог выносить того, через что, как ему казалось, он проходил, — и не мог никуда от этого деться. Ему казалось, он сидит за рычагом управления своего уникального, изготовленного по спецзаказу шустреца, а впереди вдруг загорается сразу и красный, и желтый, и зеленый сигнал светофора. Никакое разумное решение в такой ситуации было просто невозможно. К этому приводила полная иррациональность Кати. Страшна власть нелогичности, подумал Ясон. Власть архетипов. Действующих из жутких глубин коллективного бессознательного, что объединяло его с Кати, да и со всеми прочими. Сматывало в клубок, который невозможно размотать — по крайней мере, в этой жизни.

Ничего удивительного, подумал Ясон, что некоторые, и даже многие жаждут смерти.

— Хочешь пойти посмотреть «капитана Кирка»? — спросила Кати.

— Как тебе угодно, — кратко отозвался Ясон.

— Один очень славный идет в «Синема-12». Дело там происходит на планете в системе Бетельгейзе, очень похожей на планету Тальберга — знаешь, в системе Проксимы. Только в этом «капитане Кирке» она населена приспешниками невидимых…

— Я уже его видел, — сказал Ясон.

Собственно говоря, год назад гостем его шоу был Джефф Помирай, который играл «капитана Кирка» в этом фильме. Они даже разыграли со студией Помирая краткую сценку — обычный номер с обменом шпильками, фразочками типа «вы на нас, мы на вас». Фильм ему тогда не понравился, и Ясон сильно сомневался, что он понравится ему теперь. И еще он на дух не переносил Джеффа Помирая — как на экране, так и в жизни. С этим он совсем ничего не мог поделать.

— Там правда ничего хорошего? — доверчиво спросила Кати.

— Насколько мне известно, — сказал Ясон, — Джефф Помирай — самая зудящая задница в мире. Он и ему подобные. Его подражатели.

Кати сказала:

— Он какое-то время был в Морнингсайде. Мне не удалось покороче с ним сойтись, но он там был.

— Охотно верю, — сказал Ясон, отчасти и впрямь в это веря.

— Знаешь, что он мне однажды сказал?

— Зная его, — начал Ясон, — я бы предположил, что…

— Он сказал мне, что я самая смиренная лич-

ность какую он когда-либо встречал. Правда интересно? А ведь он видел, как я впадаю в одно из моих мистических состояний — ну, когда я ложусь на пол и верещу как резаная, — и все равно так сказал. Полагаю, он очень восприимчивая личность — да-да, несомненно. А ты как думаешь?

— Да-да, несомненно, — сказал Ясон.

— Так, может, мы вернемся в мою комнату? — спросила Кати. — И потрахаемся как кошки?

Ясон, не веря своим ушам, хмыкнул. Неужели она и впрямь так сказала? Повернувшись к Кати, он попробовал вглядеться ей в лицо, но они как раз оказались в промежутке между рекламными вывесками; на несколько секунд кругом воцарилась тьма. Будь я проклят, сказал он себе. Я должен выбраться из этого болота! Должен найти способ вернуться в мой собственный мир.

— Тебя раздражает моя откровенность? — спросила Кати.

— Нет, — хмуро отозвался Ясон. — Откровенность меня никогда не раздражает. Знаменитости приходится принимать любую откровенность. — Даже такую, подумал он. — Все виды откровенности, — продолжил он вслух. — А в особенности — твой.

— А какой вид мой? — спросила Кати.

— Откровенная откровенность, — ответил Ясон.

— Тогда ты действительно меня понимаешь, — сказала она.

— Да, — кивнул он. — Я действительно тебя понимаю.

— И не смотришь на меня сверху вниз? Как на маленькое бесцельное создание, которому лучше бы умереть?

— Нет, — сказал Ясон. — Ты очень значительная личность. Одна из самых откровенных и прямодушных женщин, каких я в жизни встречал. Я серьезно. Богом клянусь, что серьезно.

Кати дружелюбно похлопала его по руке.

— Не надо так уж стараться. Пусть все выходит само собой.

— Все выходит само собой, — заверил он ее. — Правда.

— Вот и хорошо, — со счастливым видом подытожила Кати.

Очевидно, Ясон развеял ее тревоги; она чувствовала себя уверенной в нем. А разве не от этого зависела его жизнь… хотя впрямь ли она от этого зависела? Не капитулировал ли он перед ее патологическими рассуждениями? В настоящий

момент наверняка он этого не знал.

— П-послушай, — с запинкой начал он. — Я хочу кое-что тебе сказать. И мне нужно, чтобы ты внимательно слушала. Так вот. Слушай. Твое место в тюряге для душевнобольных преступников.

Самое зловещее и пугающее заключалось в том, что Кати никак не отреагировала. Даже ничего не сказала.

— А теперь, — продолжил Ясон, — я постараюсь держаться от тебя как можно дальше. — Выдернув у нее свою руку, он развернулся и зашагал в противоположном направлении. Не обращая на Кати ни малейшего внимания. Вскоре он уже смешался с толпой нормалов, что текли взад-вперед по залитым неоном тротуарам этой дешевой и паскудной части города.

Я потерял ее, подумал Ясон. А значит, я скорее всего потерял и мою богом проклятую жизнь.

Что же дальше? Ясон помедлил, озираясь. Действительно ли на мне есть микропередатчик, как она говорила, спросил он себя. Не выдает ли меня каждый сделанный мною шаг?

Чарли-Весельчак посоветовал мне навестить Хильду Харт. А всем на телевидении известно, что Чарли-Весельчак никогда не ошибается.

Но проживу ли я достаточно долго, спросил себя

Ясон, чтобы добраться до Хильды Харт. А если я даже до нее доберусь и меня при этом не засекут, не получится ли так, что я просто прихвачу ее с собой в могилу? Подобно невольному разносчику чумы? А кроме того, подумал он, если меня не узнали ни Эл Блисс, ни Билл Волъфер, почему меня должна узнать Хильда? Но ведь Хильда, как и я, секст. Других секстов я, кстати говоря, и не знаю. Быть может, это составит различие. Если тут вообще есть различие.

Отыскав будку видеофона-автомата, Ясон вошел туда, закрыл дверцу, перекрывая шум транспорта, и бросил в щель золотой пятак.

У Хильды Харт было несколько не внесенных в видеофонную книгу номеров. Некоторые для делового общения, некоторые для близких друзей, один — говоря напрямую — для любовников. Ясон, разумеется, знал этот номер, будучи для Хильды тем, кем был — и кем по-прежнему, сохраняя такую надежду, оставался.

Видеоэкран засветился. Ясон различил какие-то смутные очертания. Похоже было, Хильда принимала звонок в своем авто.

— Привет, — поздоровался Ясон.

Прикрывая ладонью глаза, чтобы яснее его различить, Хильда спросила:

— Кто ты, черт возьми, такой? — Ее зеленые глаза блестели. А рыжие волосы просто ослепляли.

— Ясон.

— Не знаю никакого Ясона. Как ты раздобыл этот номер? — В ее резком тоне звучала озадаченность. — Убирайся к черту с этой линии! — прорычала она с видеоэкрана. Затем спросила: — Кто дал тебе этот номер? Хочу знать его имя.

— Ты же сама и дала, — ответил Ясон. — Шесть месяцев назад. Как только тебе его поставили. Самая приватная из твоих приватных линий, ага? Так ты ее называла?

— Кто тебе об этом сказал?

— Ты. Мы тогда были в Мадриде. Ты была там на съемках, а я устроил себе шестидневный отпуск в полумиле от твоего отеля. Обычно ты вылетала на своем «роллс-ройсе» около трех каждый день. Верно?

Дрожащим стаккато Хильда спросила:

— Ты из журнала?

— Нет, — ответил Ясон. — Я твой кабальеро номер один.

— Кто-кто?

— Любовник.

— Ты что, фанат? Точно, ты фанат! Чертов фанат-аферист! Учти, если не слезешь с моего те-

лефона, я тебя прикончу! — Звук и изображение исчезли — Хильда повесила трубку.

Ясон сунул в щель еще пятак и снова набрал номер.

— Опять фанат-аферист, — сказала в ответ Хильда. На сей раз она казалась более уравновешенной. Или это была обреченность?

— Один из твоих зубов — искусственный, — сообщил ей Ясон. — Отправляясь на свидание с одним из любовников, ты приклеиваешь его на место специальным эпоксидным клеем, который покупаешь в «Харнисе». Но когда ты со мной, ты иногда его вынимаешь и кладешь в стаканчик с зубным эликсиром доктора Слума. Именно этот эликсир-очиститель ты предпочитаешь. По твоим словам, он напоминает тебе о тех временах, когда «бромо-сельтер» продавался легально, а не только на черном рынке, сварганенный в чьей-то подпольной лаборатории с использованием всех трех бромидов, которые Бромо Сельтер перестал добавлять много лет назад, еще когда…

— Где, — перебила Хильда, — ты раздобыл все эти сведения? — Лицо ее вытянулось, а речь стала быстрой и отрывистой. Этот тон был Ясону знаком. Так Хильда разговаривала с людьми, которых ненавидела.

— Не смей разговаривать со мной тоном типа «мне на тебя насрать», — злобно проговорил он. — Твой искусственный зуб — коренной. Ты даже имя ему придумала. Энди. Что, верно?

— Фанат-аферист все-все про меня знает. О господи. Сбывается мой худший кошмар. Ладно. Как называется твой клуб, сколько в нем фанатов, откуда ты вообще взялся и как, черт побери, тебе удалось добраться до таких деталей моей личной жизни, которые ты просто не имеешь права знать? Я хочу сказать, твои действия противозаконны; это самое натуральное вторжение в личную жизнь. Если ты еще раз мне позвонишь, я пущу по твоему следу полов. — Она уже собралась было повесить трубку.

— Я секст, — сказал Ясон.

— Кто? А, то есть у тебя там что-то в шести экземплярах. Шесть ног, верно? Хотя нет — скорее шесть голов.

— Ты тоже секст, — сказал Ясон. — Именно это нас и связывало.

— Боже, мне хочется умереть, — пробормотала Хильда. Даже в мутном свете ее шустреца Ясон сумел разглядеть, как посерело ее лицо. — Сколько будет стоить, чтобы ты оставил меня в покое? Я всегда знала, что в один прекрасный день ка-

кой-нибудь фанат-аферист…

— Прекрати называть меня фанатом-аферистом, — огрызнулся Ясон. Все это уже привело его в полное бешенство. Подобная дичь поражала его сверх всякой меры; впрочем, судя по выражению лица Хильды, птичка была уже сбита.

— Чего ты хочешь? — спросила Хильда.

— Встретиться с тобой у Альтроцци.

— Н-да. Ты и про это знаешь. Единственное место, где я могу отдохнуть, чтобы в меня при этом не брызгали спермой разные болваны. меня не умоляют подписать меню — по которому они даже ничего не заказывали. — Она сокрушенно вздохнула. — Ну, теперь все кончено. Я не стану встречаться с тобой ни у Альтроцци, ни где-либо еще. Держись от меня подальше, а то я прикажу моим личным полам отрезать тебе яйца и…

— У тебя только один личный пол, — перебил Ясон. — Его зовут Фред, и ему шестьдесят два года. Когда-то он был снайпером в ополчении Оранжевого округа; здорово наловчился снимать беглых студентов у Фуллертона, что в штате Калифорния. Да, тогда ему цены не было. Но теперь о нем и беспокоиться нечего.

— В самом деле? — с сомнением произнесла Хильда.

— Ладно, давай я тебе еще кое-что расскажу. Причем такое, чего ни один фанат узнать никак не мог. Помнишь Констанцию Эллар?

— Помню, — отозвалась Хильда. — Вот уж звездное убожество. Точь-в-точь кукла Барби, только с уменьшенной головой и непомерно разбухшим телом — словно кто-то решил надуть ее из баллона с углекислотой, да сильно перестарался. — Губы ее скривились. — Чертова идиотка. Бестолочь непролазная. И всегда такой была.

— Точно, — согласился Ясон. — Констанция Эллар всегда была бестолочью. Это ты верно подметила. А помнишь, как мы разыграли ее на моем шоу? Когда она впервые должна была выйти в эфир на всю планету? Мне еще пришлось вписать ее из-за того форсмажорного дельца, будь оно проклято. Помнишь, что мы с тобой тогда провернули? Вдвоем?

Молчание. Ясон продолжил:

— В качестве взятки за приглашение мисс Эллар на шоу ее агент согласился, чтобы четверть времени ушла на рекламу одного из наших спонсоров. Нам стало любопытно, что же там за товар, и, прежде чем мисс Эллар соизволила появиться, мы вскрыли пакет и выяснили, что это крем для удаления волос на ногах. Черт побери, Хильда,

должна же ты…

— Я слушаю, — сказала Хильда.

Ясон продолжил:

— Мы вынули из пакета баллончик спрей-крема для удаления волос на ногах и подложили туда баллончик дамского гигиенического спрея с тем же рекламным листком, где было написано: «Продемонстрируйте использование товара с выражением радости и наслаждения на лице». А потом убрались в сторонку и стали ждать.

— Разве?

— Мисс Эллар в конце концов соизволила появиться, зашла в гримерку, открыла пакет, а потом… потом началось такое, что я до сих пор со смеху умираю. Констанция с предельно серьезным видом подошла ко мне и спросила: «Простите, мистер Тавернер, мне очень жаль вас беспокоить, но для демонстрации деодорант-спрея «Дамская гигиена» мне придется снять юбку и трусики. Прямо там, перед камерой». «Ну и что? — спросил я. — Так в чем проблема?» А мисс Эллар сказала: «Мне потребуется небольшой столик, чтобы разложить там одежду. Не могу же я просто бросать ее на пол — это будет выглядеть некрасиво. Поймите, ведь я буду распылять этот состав себе во влагалище на глазах

у шестидесяти миллионов людей, а когда такое проделываешь, просто некрасиво, если вокруг тебя на полу валяется одежда. Нет-нет, так будет совсем не элегантно». То есть она бы в самом деле провернула бы все это прямо перед камерой — если бы, конечно, Эл Блисс не…

— Безвкусная побасенка!

— Ага. А тогда ты считала ее безумно смешной. Представляешь, эта дура набитая на своем первом публичном эфире готова была прыскать себе деодорантом в промежность. «Продемонстрировать использование товара с выражением радости и…»

Хильда повесила трубку.

Как же мне заставить ее понять, свирепо спросил себя Ясон, скрипя зубами с угрозой стереть свою серебряную пломбу. Он ненавидел это ощущение — как стирается пломба. Все равно что бессильное уничтожение куска собственного тела. Неужели она не понимает, что сведения о ней, которые я ей же и выдаю, могут означать нечто важное, спросил он себя. Кто может знать такие подробности? Очевидно, только тот, кто какое-то время был чрезвычайно с нею близок. Другого объяснения просто не находилось и тем не менее Хильда сумела его придумать — при-

чем такое удобное, что Ясон никак не мог до нее достучаться. Это объяснение висело прямо у нее перед глазами. Причем глазами секста.

Ясон бросил еще монетку и снова набрал номер.

— Еще раз привет, — сказал он, когда Хильда наконец взяла трубку у себя в машине. — Видишь, я и это про тебя знаю, — продолжил он. — Ты не переносишь, когда звонит видеофон; вот почему у тебя десять частных номеров — каждый для отдельной и весьма специфической цели.

— У меня их всего три, — ответила Хильда. — Так что всего ты не знаешь.

— Я только хотел сказать… — начал было Ясон.

— Так сколько? — перебила Хильда.

— Честно говоря, сегодня с меня уже хватит, — признался Ясон. — А откупиться от меня ты не сможешь, потому что мне совсем не это нужно. Мне нужно — послушай же меня, Хильда! — мне нужно выяснить, почему никто меня не знает. И прежде всего — ты. А раз ты секст, я и подумал, что, быть может, сумеешь мне что-то объяснить. Посмотри на видеоэкран. Посмотри на меня. Посмотри!

Хильда пригляделась, и одна бровь у нее слегка подскочила.

— Ты молод, хотя и не слишком. Привлекателен. Тон у тебя повелительный, и ты ничуть не колебался, так меня третируя. Ты в точности такой, каким должен быть фанат-аферист. И голос, и внешность, и манеры — все-все подходит. Ну как, доволен?

— Я попал в беду, — сказал Ясон. Вопиющей глупостью было сообщать это Хильде, раз она его решительно не помнила. Но за долгие годы он так привык выкладывать ей все свои неприятности — и выслушивать ее проблемы, — что от этого трудно было так сразу избавиться. Эта привычка не учитывала его видение реальной ситуации и действовала сама по себе.

— Вот жалость-то, — сказала Хильда.

— Меня никто не помнит, — продолжил Ясон. — У меня нет свидетельства о рождении — следовательно, я и не рождался. Даже никогда не рождался! Так что и никаких УДов у меня, естественно, нет, если не считать поддельного набора, который я купил у одной стукачки за две тысячи долларов плюс еще тысяча за выход на контакт. Эти поддельные УДы я ношу с собой, но черт побери — в них вставлены микропередатчики. Тем не менее я вынужден держать их при себе. И даже ты, на своих высотах, знаешь

почему. Ты знаешь, как работает это государство. Вчера в меня впивались глазами тридцать миллионов зрителей, которые вопили бы так, что их безмозглые головы слетели бы с плеч, попробуй только какой-нибудь пол или нат меня тронуть. А теперь мне светит ИТЛ.

— Что за ИТЛ?

— Исправительно-трудовой лагерь. — Ясон буквально прорычал эти слова, стараясь окончательно потрясти Хильду и целиком овладеть ее вниманием. — Бешеная прошмандовка, которая подделала мои документы, затащила меня в какой-то богом забытый ресторанишко, а потом, пока мы просто сидели там и болтали, вдруг бросилась на пол с дикими воплями. Психотический припадок; чертова шлюха вышла из Морнингсайда, причем по своей воле. Это стоило мне еще трехсот долларов… а что будет теперь, кто знает? Она могла стукнуть на меня сразу и полам, и натам. — Еще больше распаляя жалость к самому себе, Ясон добавил: — Скорее всего, они прямо сейчас прослушивают эту линию.

— Нет! О господи, нет! — завопила Хильда и опять бросила трубку.

Золотые пятаки у Ясона кончились. Так что временно он сдался. Какой же я был дурак, по-

думал он, что заикнулся насчет прослушивания линии. От такого кто угодно трубку повесит. Я удушил себя в собственной же словесной сети, рядом со старой приманкой. В самой ее середине. И сеть эта идеально ровная со всех сторон, как громадный искусственный анус.

Толкнув ногой дверцу видеофонной будки, Ясон вышел наружу — на людный вечерний тротуар. Надо же, едко подумал он, куда меня занесло — в самую Глухоманию. Именно сюда, где кругом болтаются шпики полов. Веселое вышло шоу. Совсем как в той классической телерекламе сдобных булочек, которая шла, когда мы учились в школе, сказал он себе.

Вот было бы забавно, подумал Ясон, случись это с кем-то другим. Но это происходит со мной. Хотя нет — это так и так не слишком забавно. Потому что надо мною круглые сутки кружат настоящая боль и настоящая смерть. Готовые наброситься в любую секунду.

Вот бы записать этот телефонный разговор. А еще — все, что мы с Кати говорили друг другу. Да-да, записать на цветную трехмерку. Вышел бы славный матерьялец для моего шоу. Вставить бы его где-нибудь ближе к концу, когда у нас иногда выходит весь порох. Ч-черт, иногда. Не иногда, а

вечно. Всю жизнь.

Ясон почти слышал собственное вступление. «Что может приключиться с человеком, добропорядочным человеком без пол-регистрации — человеком, который в один прекрасный день вдруг лишается всех своих УДов и оказывается лицом к лицу с…» И так далее. Такая история захватила бы зрителей — все тридцать миллионов. Потому что именно этого каждый из них втайне боялся. «Итак, невидимый человек, — продолжалось бы его вступление, — и в то же время человек слишком подозрительный. Легально — невидимый; нелегально — подозрительный. Во что превращается такой человек если он не может заменить…» Тары-бары. Растабары. И так далее. А, черт со всей этой мутью. Не все, что Ясон сказал или сделал, не все, что с ним случилось, могло вписаться в шоу. Поэтому продолжится жизнь. Жизнь еще одного неудачника среди многих. Здесь много призванных, сказал себе Ясон, но мало избранных. Вот что значит быть профи. Вот как я обделываю свои делишки, личные и общественные. Дают — бери, бьют — беги, сказал он себе, цитируя себя же, но тех славных времен, когда его первое всемирное шоу было запущено по спутниковому каналу.

Я найду другого подпольщика, решил Ясон, который не окажется информатором полов. Я раздобуду новый набор УДов — без вставленных туда микропередатчиков. А еще мне, скорее всего, потребуется пистолет.

Про пистолет мне следовало бы подумать, еще когда я только-только проснулся в том номере отеля, сказал себе Ясон. Много лет назад когда на их шоу пытался наехать синдикат Рейнольдса, ему пришлось научиться пользоваться оружием. Тогда Ясон носил при себе «барберс-хуп» с радиусом обстрела в две мили и без потери пиковой траектории до последней тысячи футов.

«Мистический транс» Кати, ее припадок с воплями. За отрывком аудиовоспроизведения последовал бы наставительный мужской голос в манере бригадного генерала: «Вот что значит быть психотиком. Быть психотиком — значит страдать, страдать сверх всякой…» И так далее. Тары-бары. Растабары. Набрав полные легкие холодного вечернего воздуха, Ясон резко выдохнул и присоединился к пассажирам на реке тротуара. Руки он поглубже засунул в карманы брюк.

И неожиданно оказался в хвосте очереди из десяти человек, тянувшейся к КПП выборочной проверки полов. Рядом стоял затянутый в се-

рое полицейский, специально наблюдая, чтобы никто не удалялся в противоположном направлении.

— Что, приятель, неужто проверку не пройдешь? — обратился пол к Ясону, когда тот непроизвольно побрел назад.

— Конечно, пройду, — ответил Ясон.

— Вот и славно, — добродушно отозвался пол. — А то мы тут уже с восьми утра шмонаем и все никак норму не наберем.

Глава 6

Два рослых пола в сером, подступив к мужчине, оказавшемуся в очереди перед Ясоном, хором сказали:

— Эти были подделаны час тому назад. Даже толком не просохли. Краска еще сырая. Видишь? Ну ладно. — Они дружно кивнули, и мужчина, схваченный четырьмя полохватами, исчез в фургоне-шустреце зловещего серо-черного цвета — цвета полиции.

— Ну что, — радушно обратился к Ясону один из рослых полов.

— Давай-ка глянем, давно ли отпечатаны твои.

— Я уже многие годы их ношу, — сказал Ясон,

вручая полам свой бумажник с семью УДами.

— Посмотри по трафарету его подписи, — сказал старший пол своему напарнику. — Проверь, не совпадают ли.

Кати, подумал Ясон, была права.

— Не-а, — сказал младший пол, убирая свой нехитрый приборчик. — Не совпадают. Но похоже, что вот здесь, в военном билете, имелся точечный микропередатчик, который потом убрали. Причем квалифицированно. Надо бы посмотреть получше. — Он вооружился лупой и фонариком, разглядывая поддельный УД Ясона в ярко-белом свете. — Вот, видишь?

— Когда ты уволился в запас, — спросил старший пол у Ясона, — был тут в билете жучок? Часом, не помнишь? — Оба пола пристально смотрели на Ясона, дожидаясь его ответа.

«Черт возьми, — подумал Ясон, — что бы мне им наврать?»

— Не знаю, — ответил он. — Я даже не знаю, как выглядит… — он хотел было сказать «точечный микропередатчик», но быстро спохватился, — как этот жучок выглядит.

— Просто как пятнышко, — сообщил ему младший пол. — Эй! Ты что, не слушаешь? Ты, часом, не под наркотой? Эге, смотри-ка. В его билете

наркостатуса нет записи за прошлый год.

Тут заговорил один из полохватов.

— Тогда ясно, что его УДы не поддельные. Какой дурак станет фабриковать преступный УД? Это ж совсем из ума надо выжить.

— Вот-вот, — подхватил Ясон.

— Ну, это не наша компетенция, — сказал старший пол, возвращая Ясону его УДы. — Пусть теперь улаживает это дельце со своим наркоинспектором. Марш отсюда. — Легким взмахом дубинки он убрал Ясона с дороги, одновременно протягивая руку за УДами следующего в очереди.

— Это все? — спросил Ясон у полохватов. Он никак не мог в это поверить. «Смотри не переиграй, — урезонил он себя. — Просто двигайся дальше!»

Так он и сделал.

Туг из тени позади разбитого уличного фонаря к нему потянулась рука. Кати тронула его за плечо; Ясон замер, чувствуя, как леденящий страх сжимает его сердце.

— Ну, что ты теперь обо мне думаешь? — спросила девушка. — 0 моей работе? О том, что я для тебя сделала?

— Все в ажуре, — кратко ответил Ясон.

— Я не собиралась тебя сдавать, — сказала Кати. — Пусть даже ты оскорбил меня и бросил. Но ты должен остаться со мной на эту ночь, как обещал. Понимаешь?

Ему следовало бы ею восхищаться. Ошиваясь возле КПП выборочной проверки. Кати из первых рук получила доказательство того, что ее поддельные документы запросто могут провести Ясона через кордоны полов. И их отношения резко изменились — теперь Ясон был у нее в долгу. Поза обиженной и рассерженной жертвы уже ему не улыбалась.

Теперь Кати обрела над ним моральную власть. Первым делом кнут: угроза сдать его полам. Затем пряник: блестяще сфабрикованные УДы. Да, эта девушка и впрямь его заполучила. Ясону пришлось это признать.

— Я так и так могла бы тебя провести, — сказала Кати.

Вытянув правую руку, она указала на участок своего рукава. Здесь у меня идентабель серого пола; он виден под их макролинзами. Это чтобы меня по ошибке не свинтили. Я могла бы сказать…

— Пусть это останется тайной, — грубо перебил Ясон. — Я не хочу об этом слышать. — Он побрел

прочь; девушка, будто проворная птаха, тут же порхнула за ним.

— Хочешь вернуться в мою Малую квартиру? — спросила Кати.

— В эту проклятую задрипанную комнатенку? — У меня есть плавучий дом на Малибу, подумал он, с восемью спальнями, шестью вращающимися ванными и четырехмерной гостиной с бесконечным потолком. И вот из-за чего-то, чего я не понимаю и с чем не могу совладать, я должен вот так тратить время. Навещать разные задрипанные, нищенские местечки. Паскудные столовки, еще более паскудные мастерские, самые паскудные на свете однокомнатные квартирки. Может быть, я за что-то расплачиваюсь, спросил себя Ясон. За что-то, чего я не знаю или не помню? Но ведь никто не расплачивается задним числом, размышлял он. Я давно это понял — задним числом ни за что не расплачиваешься — ни за плохое, ни за хорошее. В самом конце люди никогда не бывают квиты. Разве я теперь этого не уяснил? Если я вообще что-то уяснил.

— Догадайся, какая у меня завтра самая первая покупка? — спрашивала тем временем Кати. — Дохлые мухи. А знаешь почему?

— Еще бы. В них куча белка.

— Да, но дело не в этом. Я ведь их не для себя беру. Раз в неделю я покупаю упаковку для Бетси, моей черепахи.

— Что-то не видел я у тебя никакой черепахи.

— Она в моей Большой квартире. Но ведь на самом деле ты не подумал, что я покупаю дохлых мух для себя? Правда?

— «De gustibus non disputandum est», — процитировал Ясон.

— Так-так. «О вкусах не спорят». Верно?

— Верно, — отозвался он. — В смысле, если хочешь есть дохлых мух, валяй — ешь на здоровье.

— Их ест Бетси; они очень ей нравятся. Она такая маленькая зеленая черепашка — ничего похожего на тех громоздких сухопутных черепах. Ты никогда не видел, как они хватают пищу — муху, плавающую в их аквариуме? Бетси очень маленькая, но это просто жуть какая-то. В одно мгновение муха еще там плавает, а в следующее — хвать! И она уже в желудке у черепашки. — Кати рассмеялась. — Переваривается. Вот урок, который стоит усвоить.

— Какой еще урок? — Ясона охватило мрачное предчувствие. — Значит, когда ты хватаешь зубами, — сказал он, — ты либо глотаешь все, либо не трогаешь ничего. Кусок тебя не устраивает.

— Так мне кажется.

— И что же у тебя теперь? — спросил Ясон. — Все или ничего?

— Я… я не знаю. Интересный вопрос. Скажем, у меня нет Джека. Но может быть, я его больше и не хочу. Все это так свински долго тянется. Нет, по-моему, он мне еще нужен. Но ты нужен мне больше.

— А я думал, ты женщина, способная в равной степени любить сразу двоих, — заметил Ясон.

— Разве я так сказала? — Кати размышляла, пока они шли. — Я имела в виду идеал. Но ведь в реальной жизни ему можно следовать только приблизительно… понимаешь? Ты способен уследить за ходом моих мыслей?

— Да, я способен за ними уследить, — отозвался Ясон, — и прекрасно вижу, куда они ведут. А ведут они к временному отказу от Джека, пока я рядом, и к психологическому возвращению к нему, когда меня рядом не окажется. Ты всякий раз так делаешь?

— Я никогда от него не откажусь, — резко сказала Кати.

Дальше они шли молча, пока снова не оказались перед громадным многоквартирным зданием старой постройки с лесом уже неисполь-

зуемых ТВ-антенн, торчащих по всей крыше. Пошарив в сумочке, Кати нашла ключ и открыла дверь комнаты.

Свет там уже горел. И лицом к ним на заплесневелом диване сидел средних лет седовласый мужчина в сером костюме. Грузный, но безукоризненно одетый. Идеально выбритый — ни порезов, ни красных пятен, ни промашек. Мужчина был безукоризненно одет и ухожен; казалось, каждый волосок на его голове лежит в точности на своем месте.

— М-мистер Макнульти, — с запинкой сказала Кати.

Поднявшись на ноги, грузный мужчина протянул Ясону правую руку. Ясон машинально потянулся ее пожать.

— Нет, — сказал грузный. — Я не собираюсь пожимать вам руку. Мне нужно видеть ваши УДы — те, что она для вас сделала. Дайте мне их.

Молча (сказать было просто нечего) Ясон передал ему свой бумажник.

— Нет, этих ты не делала, — после краткого осмотра заявил Макнульти. — Если только твоя квалификация чертовски не повысилась.

— Некоторые из этих УДов у меня уже очень давно, — соврал Ясон.

— Ну-ну, — пробормотал Макнульти. Затем вернул Ясону бумажник и УДы. — Кто поставил ему микропередатчик? Ты? — Он обращался к Кати. — Или Эд?

— Эд, — ответила Кати.

— Итак, что мы имеем, — сказал Макнульти, так пристально изучая Ясона, словно примеряя его к гробу. — Мужчина лет сорока с хвостиком. Превосходно одет, в современном стиле. Дорогая обувь — из натуральной коровьей кожи. Не так ли, мистер Тавернер?

— Да, это коровья кожа, — ответил Ясон.

— По документам выходит, что вы музыкант, — продолжил Макнульти. — Играете на каком-нибудь инструменте.

— Пою.

— Так спойте нам что-нибудь, — предложил Макнульти.

— Подите к черту, — отозвался Ясон. Ему удалось сдержаться — фраза вышла именно такой, какой ему и хотелось. Ни мягче, ни резче.

Макнульти обратился к Кати:

— А он не слишком боится. Знает он, кто я такой?

— Да, — ответила Кати. — Я… я ему рассказала. Частично.

— Ты рассказала ему про Джека, — сказал Макнульти. Затем он обратился к Ясону: — Никакого Джека нет. Она думает, что он есть, но это психотический бред. Ее муж погиб три года назад при аварии шустреца; он никогда не был в исправительно-трудовом лагере.

— Джек все еще жив, — сказала Кати.

— Вот видите, — обратился к Ясону Макнульти. — Кати прекрасно приспособлена к окружающему миру, если не считать этой ее навязчивой идеи. Причем эта идея никуда не денется; она нужна ей, чтобы поддерживать жизненное равновесие. — Он развел руками. — прочем, эта идея безвредна, и она позволяет Кати продолжать работу. Поэтому мы не предпринимали попыток устранить ее средствами психиатрии.

Кати начала тихонько всхлипывать. Крупные капли стекали по ее щекам и падали ей на блузку. Тут и там на блузке появлялись темные пятна.

— В ближайшие пару дней я переговорю с Эдом Працимом, — сказал Макнульти. — Спрошу, зачем он поставил вам микропередатчик. У него развита интуиция; должно быть, он что-то такое предчувствовал. — Он задумался. — Имейте в виду, УДы в вашем бумажнике должны быть копиями подлинных документов из досье, храня-

щихся в различных центральных банках данных по всей Земле. Ваши копии удовлетворительны. Однако я вполне могу захотеть ознакомиться с оригиналами. Будем надеяться, эти оригиналы в таком же идеальном порядке, что и копии, которые вы с собой носите.

Кати слабым голосом заметила:

— Но ведь это редкая процедура. Обычно…

— В данном случае, — процедил Макнульти, — я считаю, ее следует провести.

— Почему? — спросила Кати.

— Потому что мы подозреваем, что ты не всех нам сдаешь. Полчаса тому назад этот самый Тавернер успешно прошел выборочную проверку на КПП. Мы следили за ним при помощи микропередатчика. А его документы на вид безупречные. Однако Эд утверждает…

— Эд пьяница, — заметила Кати.

— Зато мы можем на него положиться. — Макнульти улыбнулся — профессионально выпущенный солнечный лучик в убогой комнатенке. — А вот на тебя — не вполне.

Раскрыв перед собой свой военный билет, Ясон потер маленький профиль собственной четырехмерной фотографии. Профиль металлическим голоском пропищал:

— Ну что, конь в пальто?

— Как можно такое подделать? — спросил затем Ясон у Макнульти. — Это мой голос, причем в точности такой, каким он у меня был десять лет назад, в мою бытность принуднатом.

— Да, сомнительно, — согласился Макнульти. Затем он взглянул на свои наручные часы. — Мы вам еще что-нибудь должны, мисс Нельсон? Или за эту неделю мы квиты?

— Квиты, — с усилием выговорила Кати. И хриплым полушепотом добавила: — Когда Джек выйдет на волю, вы вообще не сможете на меня полагаться.

— Для тебя, Кати, — сердечно сказал Макнульти, — Джек никогда ниоткуда не выйдет. — Он подмигнул Ясону. Ясон подмигнул в ответ. Причем дважды. Он понял натуру Макнульти. Этот человек кормился чужими слабостями. Разновидность манипуляции людьми, которую применяла Кати, была, скорее всего, перенята от него. И от его радушных, чудаковатых собратьев.

Теперь Ясон понял, как Кати стала такой, какой стала. Предательство сделалось ежедневной рутиной; отказ предать, как в случае с ним, считался событием из ряда вон выходящим. Ясон мог только этому дивиться и смутно об этом

размышлять.

У нас предательское государство, понял он. Когда я был знаменитостью, я был свободен. Теперь же я стал как все прочие и должен сталкиваться с тем, с чем все это время сталкивались они. С чем я сам сталкивался в далекие прежние времена — и о чем позднее заставил себя забыть. Потому что помнить об этом было неудобно и тяжело. При случае легче было просто забыть — вот я и забыл.

Положив свою мясистую, испещренную красными крапинками руку ему на плечо, Макнульти сказал:

— Пойдемте со мной.

— Куда? — спросил Ясон, отстраняясь от Макнульти точно так же, как прежде Кати отстранялась от него. Это она тоже переняла от многих макнульти этого подлого мира.

— Вам не в чем его обвинить! — хрипло проговорила Кати, сжимая кулачки.

— Мы не собираемся ни в чем его обвинять, — с легкостью отозвался Макнульти. — Мне просто нужны отпечатки его пальцев, ступни, образец голоса и ЭЭГ. Хорошо, мистер Таверни?

— Страшно не люблю поправлять офицера полиции… — начал было Ясон, но тут же осекся,

заметив предостерегающий взгляд Кати, — который вдобавок находится при исполнении своих обязанностей, — закончил он. — Поэтому я без лишних разговоров иду. — Быть может, Кати уловила здесь некий смысл? Наверное, даже легкое искажение имени Ясона Тавернера для офицера полиции кое-что значило. Кто знает? Время покажет.

— Мистер Таверни, — лениво повторил Макнульти, подталкивая Ясона к выходу из комнаты. — Ассоциируется с пивом, сердечностью и уютом, не так ли? — Потом он обернулся к Кати и резко переспросил: — Что, разве не так?

— Мистер Таверни очень сердечный человек, — сквозь сжатые зубы проговорила Кати. Дверь за ними захлопнулась, и Макнульти повел Ясона по коридору к лестнице, одновременно выдыхая во всех направлениях запахи репчатого лука и острого соуса.

В 469-м полицейском участке Ясон Тавернер затерялся среди множества мужчин и женщин, которые бесцельно передвигались, ожидая позволения войти, позволения выйти, ожидая информации и указаний, что им делать. Макнульти приколол себе на отворот пиджака цветную бирку; только Бог и полиция знали, что эта бирка

значила.

Судя по всему, она и впрямь что-то значила. В одном из коридоров от стены до стены шел стол. Сидевший за этим столом сотрудник в униформе подскочил к Макнульти по первому же его знаку.

— Ага, — сказал пол. — Инспектор Макнульти уже частично заполнил вашу форму Ж-2. Ясон Таверни. Адрес: Вайн-стрит, 2048.

Откуда Макнульти это взял, недоумевал Ясон. Потом он сообразил, что это адрес Кати. Стало быть, Макнульти решил, что они живут вместе; зарапортовавшись, как и большинство полов, он просто записал информацию, добыча которой требовала наименьших усилий. Закон природы: предмет (или живое существо) выбирает кратчайший маршрут между двумя точками. Ясон заполнил оставшуюся часть бланка.

— Вложите вашу ладонь вон в ту щель, — сказал сотрудник, указывая на машинку для снятия пальцевых отпечатков. Ясон повиновался. — А теперь, — продолжил сотрудник, — снимите один ботинок, неважно, левый или правый. И носок. Можете сесть вот здесь. — Отодвинув секцию стола, он явил взгляду Ясона проход и стул.

— Спасибо, — садясь, поблагодарил Ясон.

После снятия отпечатка ступни Ясон произнес фразу: «Карл у Клары украл кораллы». Этого хватило для регистрации образца его голоса. Затем, снова усаженный на стул, он позволил сотруднику разместить у себя на голове электроды; машина выплюнула добрый метр исчерченной закорючками бумаги, и тем дело кончилось. Электроэнцефалограмма завершила серию тестов.

Тут у стола с радостным видом появился Макнульти. В ярко-белом свете особенно стала заметна его утренняя щетина.

— Как тут дела с мистером Таверни? — спросил он.

— Мы уже готовы к номенклатурной прокрутке досье, — ответил сотрудник.

— Вот и славно, — сказал Макнульти. — Я буду рядом и послежу, что из этого выйдет.

Затянутый в серую униформу сотрудник сунул заполненный Ясоном бланк в щель, нажал помеченные буквами кнопки — все зеленого цвета. Ясону почему-то это запомнилось. И еще — что буквы были заглавные.

Из подозрительно похожего на рот отверстия в длиннющем столе прямо в металлическую корзинку выпал отксеренный документ.

— Ясон Таверни, — сказал сотрудник, ознако-

мившись с документом. — Из Кемеммера, что в штате Вайоминг. Возраст: тридцать девять лет. Механик по дизельным двигателям.

— Есть какие-нибудь полицейские записи? — поинтересовался Макнульти.

— Решительно никаких проблем, — ответил сотрудник.

— А других Ясонов Таверни в Пол-Банке не зарегистрировано? — спросил Макнульти. Сотрудник нажал желтую кнопку и помотал головой. — Отлично, — сказал Макнульти. — Стало быть, это он. — Затем он пристально взглянул на Ясона. — Что-то не похожи вы на механика по дизельным двигателям.

— А я этим больше не занимаюсь, — объяснил Ясон. — Я теперь торговец. В сфере фермерского оборудования. Не желаете ли визитку? — Он потянулся к правому верхнему карману пиджака — чистой воды блеф. Но Макнульти отрицательно покачал головой. Вот ведь как все вышло — в своей обычной бюрократической манере они заполучили на него чужое досье. И, в опять-таки обычной запарке, этим удовлетворились.

Хвала Господу, подумал Ясон, за слабость, присущую этому сложному и обширному, запутанному, охватившему всю планету аппарату.

Слишком много людей; слишком много машин. Начавшись с простой оговорки пола-инспектора, ошибка проделала длинный путь до самого Пол-Банка, их базы данных в Мемфисе, что в штате Теннесси. Теперь даже с моими отпечатками пальцев и ступни, образцами голоса и ЭЭГ им, скорее всего, не удастся ничего прояснить. По крайней мере, пока что; и не с этим моим бланком в досье.

— Мне его оформить? — спросил сотрудник у Макнульти.

— За что? — спросил Макнульти в ответ. — За то, что он механик по дизелям? — Он компанейски похлопал Ясона по спине. — Можете отправляться домой, мистер Таверни. Домой, к вашей очаровательной возлюбленной с детским личиком. К вашей маленькой девственнице. — Ухмыляясь, Макнульти двинулся прочь, в толпу озадаченных и потрясенных мужчин и женщин.

— Можете идти, сэр, — сказал сотрудник в форме Ясону.

Кивнув, Ясон быстро выбрался из 469-го полицейского участка на улицу, чтобы смешаться там с другими людьми, свободными и независимыми.

Впрочем, в конце концов они до меня доберутся,

подумал Ясон. Сопоставят образцы и отпечатки. И все же — если прошло пятнадцать лет с момента снятия фотографии, быть может, прошло пятнадцать лет и с момента снятия образцов голоса и ЭЭГ.

Хотя отпечатки пальцев и ступней так и так никуда не денутся. Они-то не меняются.

А может, подумал затем Ясон, они просто кинут отксеренную копию в мусорную корзину, и тем дело и кончится. А данные, которые обо мне были получены, пойдут в Мемфис — храниться там в «моем» постоянном досье. А точнее, в досье на Ясона Таверни.

Хвала Господу, что Ясон Таверни, механик по дизелям, никогда не нарушал закон, никогда не связывался с полами или натами. Как же это удачно.

Туг над головой у Ясона закачался полицейский хлоппер — красный прожектор мерцал, а из динамиков системы общественного оповещения раздавалось:

— Мистер Ясон Таверни! Немедленно вернитесь в 469-й полицейский участок! Это приказ полиции! Мистер Ясон Таверни… — Динамик все ревел и ревел, а потрясенный Ясон стоял столбом. Господи, они уже до всего докопались. И

даже не за часы, дни или недели, а за считанные минуты.

Ясон вернулся в полицейский участок, поднялся по стираплексовой лестнице, прошел через светочувствительные двери, протолкался через плотную орду несчастных людишек и снова предстал перед тем самым сотрудником в серой униформе, который занимался его делом. Там же стоял и Макнульти. Два пола с хмурым видом переговаривались.

— Полицейский хлоппер… — начал было Ясон, но Макнульти махнул зажатым в руке документом, перебивая его.

— Это было совсем ни к чему. Мы просто передали куда надо ваш словесный портрет, а какой-то недотепа зачем-то зарядил все это дело в хлоппер. Но раз уж вы здесь… — Макнульти развернул документ так, чтобы Ясон смог увидеть фотографию. — Скажите, неужели пятнадцать лет назад вы так выглядели?

— Да, пожалуй, — сказал Ясон. Но фото изображался мужлан с опухшей физиономией, выступающим кадыком и отвратительными зубами. Пустые глаза недоумка смотрели в никуда. Кукурузного цвета кудряшки свисали поверх похожих на дверные ручки ушей.

— Вы сделали пластическую операцию, — предположил Макнульти.

— Да, — подтвердил Ясон.

— Зачем?

— Разве кому-то хочется вот так выглядеть? — спросил в ответ Ясон.

— Тогда неудивительно, что вы так привлекательны и горделивы, — сказал Макнульти. — Так величавы. Так… — он с трудом подыскал слово, — так повелительны. Да, очень трудно поверить, что такое могли проделать с../— он ткнул пальцем в фотографию, — таким вот. Чтобы он выглядел, как вы. — Тут Макнульти дружелюбно похлопал Ясона по плечу. — Но откуда вы взяли деньги?

Пока Макнульти разглагольствовал, Ясон стремительно прочитывал отпечатанные на документе сведения. Ясон Таверни родился в Цицероне, что в штате Иллинойс. Отец — оператор револьверного станка. Дед владел сетью магазинов розничной торговли фермерским оборудованием — счастливое совпадение, решил Ясон, учитывая то, что он сообщил Макнульти насчет своей нынешней карьеры.

— Они мне достались от Виндслоу, — сказал Ясон. — Мне так стыдно; я всегда о нем помню и вечно забываю, что другие-то ничего об этом

не знают. — Профессиональные навыки здорово ему помогли — пока Макнульти с ним говорил, Ясон уже успел прочесть и усвоить почти всю информацию на странице. — Это мой дедушка. У него была куча денег, а я всегда считался его любимцем. Понимаете, я был его единственным внуком.

Заглянув в документ, Макнульти кивнул.

— Я выглядел типичным сельским увальнем, — продолжил Ясон. — Собственно, таким я и был — сущей деревенщиной. Лучшее занятие, какое я смог себе подыскать, была починка дизельных моторов. А мне хотелось чего-то большего. Тогда я взял деньги, завещанные мне Виндслоу, и отправился в Чикаго…

— Хорошо-хорошо, — опять закивал Макнульти. — Теперь все стыкуется. Мы понимаем, что подобная радикальная пластическая операция могла быть проделана, и не за слишком большие деньги. Но обычно на такое идут «бывшие» или беглецы из исправительно-трудовых лагерей. Причем мы следим за всеми пересадиловками, как мы их называем.

— Но вы только гляньте, что я был за урод, — сказал Ясон.

Макнульти испустил хриплый гортанный

смешок.

— Да, мистер Таверни. Это уж точно. Ладно. Извините за беспокойство. Можете идти. — Он махнул рукой, и Ясон уже углубился было в окружавшую их толпу. — Постойте! — вдруг крикнул Макнульти, снова маша Ясону рукой, но теперь уже призывно. — Вот еще что… — Окончание фразы, утонув в шуме людской орды, не дошло до Ясона. Тогда, с заледеневшим сердцем, он побрел назад.

Раз они тебя заприметили, понял вдруг Ясон, досье они уже никогда не закроют. И тогда анонимность тебе нипочем не вернуть. Главное, чтобы тебя вообще не заприметили. Но я дал себя заприметить.

— В чем дело? — в отчаянье спросил он у Макнульти. Они играли с ним, как кошка с мышкой; внутри себя Ясон уже чувствовал, как замедляются ток его крови, биение его сердца, как начинают сдавать все его жизненно важные органы. Даже психологическое превосходство секста мало-помалу испарялось.

Макнульти протянул руку.

— Отдайте мне ваши УДы. Мне нужно проделать с ними кое-какую лабораторную работу. Если с ними все в порядке, послезавтра я вам

их верну.

— Но выборочная проверка на КПП… — протестующе начал Ясон.

— Мы дадим вам полицейский пропуск, — перебил Макнульти. Затем он кивнул толстопузому старшему сотруднику справа от себя. — Сделайте его четырехмерное фото и оформите общий пропуск.

— Есть, инспектор, — отозвалась бочка с потрохами, протягивая немыслимо жирную лапу к фотографической установке.

Десять минут спустя Ясон снова оказался на вечернем тротуаре — теперь уже полупустом. А кроме того, без фальшивых УДов, зато с подлинным пол-пропуском — куда лучше всего, изготовленного для него Кати. Правда, пропуск был действителен лишь на одну неделю. И все же…

Все же у Ясона появилась одна неделя, в течение которой можно было ни о чем не тревожиться. А уж потом, после этого…

Он сотворил невозможное — обменял полный фальшивых УДов бумажник на подлинный пол-пропуск. Разглядывая пропуск под уличными фонарями, Ясон заметил, что отметка об окончании срока была голографической… и туда можно

было вставить еще одну цифру. Там стояла семерка. Он вполне мог добиться от Кати, чтобы она изменила эту семерку на семьдесят пять или на девяносто семь — как будет проще.

Затем Ясону пришло в голову, что, как только пол-лаборатория выяснит, что его УДы поддельные, номер его пропуска, имя и фотография будут переданы всем полицейским КПП на планете.

Но до тех пор он был в безопасности.

Часть вторая

Down, vain lights, shine you no more!
No nights are black enough for those
That in despair their lost fortunes deplore.
Light doth but shame disclose.[2]

Глава 7

В раннюю серятину вечера, прежде чем бетонные тротуары расцветут ночной суетой, генерал полиции Феликс Бакман приземлил свой роскошный служебный шустрец на крышу здания Полицейской академии Лос-Анджелеса. Бакман посидел там какое-то время, читая передовицу

---

[2] Примечания: 2

Свечи гасите, ослепни, мой взор!
Полночь и так не довольно темна.
Мрак да укроет мой горький позор,
Свет да не высветит горести дна.

(Фрагмент стихотворения Джона Дауленда «Жалоба»; перев. с англ. А. Береста.)

единственной вечерней газеты. Затем, аккуратно сложив газету, отпер дверцу и вышел наружу.

Внизу — никакой суеты. Одна смена уже рассеивалась; другая еще только начала прибывать.

Бакману нравилось это время суток — в такие мгновения громадное здание Полицейской академии казалось принадлежащим только ему. «И оставляет мир лишь тьме и мне», — подумал он, вспомнив строчку из «Элегии» Томаса Грея. Давно им любимую — по сути, еще с мальчишества.

Служебным ключом Бакман открыл сфинктер спускного экспресса. Затем стремительно спустился на свой этаж, четырнадцатый. Где он проработал большую часть своей взрослой жизни.

Безлюдные столы — целые ряды столов. Только в дальнем конце главного зала неподвижно сидел один из сотрудников, усердно составляя отчет. А еще у кофейного автомата с чашечкой кофе расположилась сотрудница.

— Добрый вечер, — поздоровался Бакман. Эту сотрудницу он не знал, что, впрочем, особого значения не имело. Все до единого в этом здании знали его.

— Добрый вечер, мистер Бакман. — Девушка подалась вперед, словно собираясь принять стой-

ку смирно.

— Отдохните, — сказал ей Бакман.

— Простите, сэр?

— Идите домой. — И Бакман пошел дальше по рядам столов — серых металлических квадратов, за которыми велись все дела этой ветви общепланетного полицейского агентства.

На большинстве столов не было ни бумажки — сотрудники тщательно убрали их перед уходом. Однако на столе номер 37 оказалось несколько документов. Сотрудник имярек работал допоздна, решил Бакман. И нагнулся посмотреть табличку с фамилией.

Ну конечно — инспектор Макнульти. Достопримечательность академии. Усердно мечтающий о новых заговорах и остатках прежней измены… Бакман с улыбкой сел во вращающееся кресло и взял документы.

ТАВЕРНЕР, ЯСОН. КОД — ГОЛУБОЙ.

Ксерокопия досье из полицейских закромов. Вызванное из небытия излишне ревностным — и перегруженным делами — инспектором Макнульти. Краткая карандашная пометка: «Тавернера не существует».

Странно, подумал Бакман. И принялся листать документы.

— Добрый вечер, мистер Бакман. — Его молодой и порывистый помощник Герберт Майм, в аккуратном штатском костюме. Майм так же ценил эту привилегию, как и сам Бакман.

— Похоже, Макнульти взялся за досье на человека, которого не существует, — сказал Бакман.

— В каком же полицейском участке его не существует? — спросил Майм, и оба рассмеялись. Они не особенно жаловали Макнульти, но серая полиция нуждалась в таких типах. Все шло замечательно, пока подобные Макнульти не дорастали до тех уровней, на которых разрабатывалась политика академии. К счастью, такое случалось довольно редко. Особенно когда Бакман имел возможность на это повлиять.

«Субъекту дано ложное имя Ясон Таверни. Также ложное досье заведено на Ясона Таверни из Кемеммера, что в штате Вайоминг, механика по дизельным моторам. Субъект утверждает, что он Таверни, проделал пластическую операцию. В УДах он значится как Ясон Тавернер, но досье на него отсутствует».

Интересно, подумал Бакман, читая записи Макнульти. На этого человека нет никакого досье. Он закончил читать:

«Хорошо одет, предположительно располагает

деньгами. Возможно, добился того, чтобы его досье изъяли из банка данных. Завязывает отношения с Катариной Нельсон, пол-связником в том районе. Знает ли она, кто он такой? Пыталась его не выдать, однако пол-связник номер 1659БД поставил на него микропередатчик. В настоящее время субъект находится в такси. Сектор Н8823Б, движется на восток в сторону Лас-Вегаса. 11/4, ровно в 10.00 вечера по времени академии. Следующий рапорт ровно в 2.40 дня по времени академии».

Катарина Нельсон. Бакман однажды с нею встречался, на инструктажном курсе пол-связников. Эта девушка сдавала только тех типов, которые ей не нравились. В некотором роде, не вполне для него понятном, Бакман ею даже восхищался; один раз, 4/8/82, если бы он не вмешался, Кати Нельсон отправили бы в исправительно-трудовой лагерь в Британской Колумбии.

Бакман обратился к Гербу Майму:

— Свяжитесь по телефону с Макнульти. Пожалуй, мне стоит с ним об этом поговорить.

Считанные секунды спустя Майм вручил ему аппарат. На сером экранчике появилась помятая и неопрятная физиономия Макнульти. Такая же убогая и неопрятная, как и его гостиная. Они

отлично гармонировали друг с другом.

— Слушаю, мистер Бакман, — произнес Макнульти, сосредотачиваясь на начальнике и, несмотря на страшную усталость, пытаясь привести себя в служебное соответствие. Несмотря на усталость и принятые на грудь таблетки, Макнульти точно знал, как следует строить свои отношения с начальством.

— Расскажите мне вкратце об этом Ясоне Тавернере, — сказал Бакман. — Из ваших записей мне далеко не все ясно.

— Субъект снял номер отеля на Ай-стрит, 453. Вошел в контакт с пол-связником 1659БД, известным как Эд, и попросил доставить его к изготовителю фальшивых УДов. Эд поставил на него микропередатчик и отвез к пол-связнику 198 °СС, Кати.

— Катарине Нельсон, — уточнил Бакман.

— Так точно, сэр. Очевидно, Кати проделала необычайно квалифицированную работу с поддельными УДами; я отдал их на предварительные лабораторные тесты, и они оказались почти как настоящие. Должно быть, она хотела, чтобы он скрылся.

— Вы связались с Катариной Нельсон?

— Я встретился с ними обоими в ее комнате.

Колоться никто из них не стал. Я просмотрел УДы субъекта, однако…

— Они показались вам подлинными, — перебил Бакман.

— Так точно, сэр.

— Вы по-прежнему считаете, что это можно делать на глазок.

— Так точно, мистер Бакман. Но эти УДы провели его через выборочную проверку на КПП, настолько они оказались хороши.

— Повезло же ему.

— Я забрал УДы субъекта, — бубнил дальше Макнульти, — и выдал ему временный семидневный пропуск. Затем я отвел его в 469-й полицейский участок, где у меня вспомогательный кабинет, и запросил его досье — досье на Ясона Таверни, как выяснилось. Субъект устроил целый концерт с песнями и плясками насчет своей мнимой пластической операции. Звучало весьма правдоподобно; тогда мы его отпустили. Нет-нет, секундочку… я не выдавал ему пропуск, пока не…

— Ладно, — перебил Бакман. — Так каковы его намерения? Кто он такой?

— Мы следим за ним через микропередатчик. Пытаемся разобраться с материалом на него в

банке данных. Но, как вы прочитали в моих записках, я полагаю, что субъект сумел изъять свое досье из всех центральных банков данных. Его там просто-напросто нет. А оно должно там быть. Каждый школьник знает, что там есть досье на всех. Таков закон. Мы обязаны…

— И все-таки там его нет, — перебил Бакман.

— Так точно, мистер Бакман. Но ведь когда досье нет, на то должна быть причина. Его же не просто так там нет; кто-то его оттуда стащил.

— «Стащил», — с удовольствием повторил Бакман.

— Украл, изъял. — Макнульти выглядел удрученным. — Я только начал с этим разбираться, мистер Бакман; через двадцать четыре часа я буду знать больше.

Черт возьми, мы можем в любой момент его сцапать. Не думаю, что это так важно. Он просто какой-то проходимец, у которого хватило влияния, чтобы изъять свое досье из…

— Ладно, — перебил Бакман. — Идите спать. — Он повесил трубку, постоял немного, затем направился в свои внутренние кабинеты. Размышляя по дороге.

В главном кабинете Бакмана на диване спала его сестра Алайс. Одетая, как с острым неудоволь-

ствием отметил Феликс Бакман, в обтягивающие черные брюки и мужскую кожаную куртку, подпоясанную цепью с пряжкой из сварочного железа. В ушах у Алайс виднелись серьги-обручи. Она явно накачалась наркотиками. И сумела, как это нередко случалось, завладеть одним из ключей своего брата.

— Черт тебя подери, — рявкнул Бакман, торопливо закрывая дверь кабинета, прежде чем Герб Майм сумел бы заметить спящую.

Алайс зашевелилась во сне. Ее кошачья мордашка раздраженно нахмурилась. Затем правой рукой она потянулась вырубить верхнюю лампу дневного света, которую Бакман как раз включил.

Ухватив сестру за плечи — и без малейшего удовольствия ощупывая ее тугие мышцы, — Бакман привел ее в сидячее положение.

— Ну, что на этот раз? — поинтересовался он. — Термалин?

— Не-а. — Речь Алайс была, разумеется, не слишком разборчивой. — Гексофенофрина гидросульфат. Чистый. Подкожно.

Бакман двумя пальцами открыл ее громадные бледные глаза, которые сразу же уставились на него с бурным недовольством.

— Какого черта ты вечно сюда заявляешься? — спросил Бакман. Где бы она до упора не нафетишизировалась и (или) не накачалась наркотиками, Алайс всегда приволакивалась именно сюда, в его главный кабинет. И все объяснения, на какие она за все это время сподобилась, составляла невнятная фраза про «око тайфуна». Скорее всего, это означало, что здесь Алайс чувствует себя в безопасности от ареста — здесь, в центральных кабинетах Полицейской академии. Благодаря, разумеется, высокому положению своего брата.

— Фетишистка, — со злобой рявкнул ей Бакман. — Мы таких по сотне в день куда надо оформляем. Тебе подобных — в черной коже, в кольчуге из цепей и с искусственными пенисами. — Он стоял, шумно дыша и с ужасом чувствуя, что дрожит.

Зевая, Алайс соскользнула с дивана, выпрямилась и развела своими длинными, изящными руками.

— Вот славно, что уже вечер, — беззаботно сказала она с плотно зажмуренными глазами. — Теперь можно отправляться домой и лечь поспать.

— И как ты планируешь отсюда выбраться? —

поинтересовался Бакман. Но он и сам знал. Каждый раз повторялся один и тот же ритуал. В ход пускалась подъемная труба для «изолированных» политических преступников: она вела от его самого северного кабинета на крышу, а следовательно, к стоянке шустрецов. Алайс приходила и уходила этим путем, беспечно пользуясь ключом своего брата. — В один прекрасный день, — сказал ей Бакман, — кто-нибудь из сотрудников будет использовать ту трубу по назначению и наткнется там на тебя.

— Интересно, что он тогда сделает? — Алайс взъерошила свой седой ежик. — Молю вас, скажите мне, сэр. Ну пожалуйста. Он что, повергнет меня в страшное раскаяние?

— Стоит только раз взглянуть на твою физиономию с этим пресыщенным выражением…

— Все знают, что я твоя сестра.

— Верно, знают, — резко сказал Бакман. — Потому что ты вечно сюда заявляешься. По какой-то чертовой причине — или вообще без причины.

Удобно усаживаясь на край ближайшего стола, Алайс серьезно посмотрела на брата.

— А тебя это и впрямь раздражает.

— Да, это действительно меня раздражает.

— Что именно? Что я прихожу сюда и ставлю

под угрозу твою работу?

— Ты не можешь поставить под угрозу мою работу, — сказал Бакман. — Надо мной только пятеро начальников, не считая министра обороны. Все они про тебя знают и ничего не могут поделать. Так что ты можешь делать все, что тебе вздумается. — После чего Бакман, бурля негодованием, вышел из северного кабинета и по тусклому коридору направился в более крупный комплекс помещений, где он обычно и проделывал большую часть своей работы.

— Но ведь ты предусмотрительно закрыл дверь, — заметила Алайс, легко поспевая за ним. — Чтобы этот Герберт Вайн, Дайм, Айн-цвай-драй — как бишь его? — меня не заметил.

— Ты, — процедил Бакман, — омерзительна для любого нормального мужчины.

— А этот Каин нормальный? Откуда тебе знать? Ты что, с ним трахался?

— Если ты отсюда не уберешься, — тихо проговорил Бакман, поворачиваясь лицом к сестре, — я тебя пристрелю. А потом будь что будет.

Алайс пожала мускулистыми плечами. И улыбнулась.

— Ничто тебя не страшит, — упрекнул ее Бакман. — После той операции на мозге. Ты наме-

ренно, методично позволила хирургам удалить оттуда все человеческое. И теперь… — он с трудом подыскивал слова; Алайс всегда сковывала его, лишая даже способности легко пользоваться словами, — теперь ты, — задыхаясь, выговорил он, — просто-напросто рефлекторная машина. Лабораторная крыса, которая без конца сама себя дурачит. Ты законтачена на узел удовольствия твоего мозга и по пять тысяч раз на дню нажимаешь кнопку. Все время — только когда не спишь. Интересно, чего ради ты пока еще обременяешь себя сном; почему бы тебе круглые сутки саму себя не дурачить?

Бакман ждал ответа, но Алайс молчала.

— В один прекрасный день, — сказал он тогда, — один из нас умрет.

— В самом деле? — осведомилась Алайс, приподнимая тонкую зеленую бровь.

— Один из нас, — продолжил Бакман, — переживет другого. И будет безумно этому рад.

Телефон пол-линии на большом столе зазвонил. Бакман машинально взял трубку. На экране появилась помятая, опухшая от дозы физиономия Макнульти.

— Сожалею, что потревожил вас, генерал Бакман, но мне только что позвонил один из моих

агентов. В Омахе нет никаких записей о том, что на имя Ясона Тавернера когда-либо выдавали свидетельство о рождении.

— Стало быть, это вымышленное имя, — терпеливо проговорил Бакман.

— Мы сняли у него отпечатки пальцев и ступни, взяли образец голоса и сделали распечатку ЭЭГ. Затем мы отослали все это в Первый Центральный — общий банк данных в Детройте. И — никакого соответствия. Таких отпечатков пальцев и ступни, образца голоса, распечатки ЭЭГ не существует ни в одном банке данных на Земле. — Вытянувшись в струнку, Макнульти извиняющимся тоном пропыхтел: — Таким образом, Ясона Тавернера не существует.

Глава 8

Прямо сейчас возвращаться к Кати Ясон Тавернер был не намерен. Снова изводить Хильду Харт ему тоже не хотелось. Тогда он похлопал себя по карману пиджака. Деньги еще оставались, и с их помощью он был волен отправиться куда угодно. Пол-пропуск давал ему возможность отправиться в любую точку планеты. К тому времени, как его станут разыскивать, Ясон мог бы оказаться

у черта на рогах — скажем, на каких-нибудь заросших непроходимыми джунглями островах Океании. Тогда его будут искать многие месяцы — особенно с учетом того, что в подобных местах неуловимость вполне можно купить за деньги.

На меня работают три фактора, понял Ясон. Деньги, привлекательность и индивидуальность. Нет, даже четыре — у меня еще есть сорокадвухлетний опыт секста.

Итак, квартира?

Но если я сниму квартиру, подумал Ясон, по закону потребуется, чтобы соответствующий чиновник снял отпечатки моих пальцев; дальше они обычным путем отправятся в центральный Пол-Банк… и когда полиция выяснит, что мои УДы поддельные, у нее уже будет прямой на меня выход. Одно влечет другое.

Значит, подумал дальше Ясон, мне нужен кто-то, у кого уже есть квартира. Записанная на его имя, зарегистрированная с отпечатками его пальцев.

А это значит — необходимо найти другую девушку.

Где бы мне такую найти? — спросил себя Ясон, и ответ тут же оказался у него под рукой. Да на любой первоклассной вечеринке с коктейлями! На

такой, куда ходит много женщин и где ансамбль из трех мужчин, предпочтительно негров, играет фальшивую джазуху. все хорошо одеты.

А сам-то я достаточно хорошо одет? — задумался Ясон. Затем окинул придирчивым взглядом свой костюм под красно-белым светом громадной рекламы ААМКО. Конечно, не лучший его костюм, но в целом… Впрочем, мятый. Что ж, в сумраке вечеринки никто этого не заметит.

Ясон поймал такси и вскоре уже дошустровал до более пристойной части города, к которой он привык — привык, во всяком случае, за самые последние годы его жизни, его карьеры. После того, как достиг самой вершины.

Так-так, подумал Ясон. Мне нужен клуб, где я уже появлялся. Клуб, который я хорошо знаю. Где я знаю метрдотеля, гардеробщицу, цветочницу… если только и они, подобно мне, как-то не переменились.

Впрочем, пока похоже было на то, что никто, кроме него, не переменился. Никто и ничто. Перемена затронула только его положение. Его, но не их.

Клуб «Голубой Лис» в отеле «Хайет» в Рено. Ясон не раз там выступал; он знал все ходы и выходы, а также весь персонал как свои пять пальцев.

— Рено, — сказал он такси.

Такси красиво вырулило в колоссальный поток правостороннего движения. Ясон чувствовал себя вовлеченным в общий поток и наслаждался этим чувством. Затем такси набрало скорость и вошло в почти неиспользуемый воздушный коридор; ограничение скорости там составляло аж тысячу двести миль в час.

— Я хотел бы воспользоваться телефоном, — сказал Ясон.

На левой стенке такси открылась дверца, и оттуда выскользнул телефон с причудливо выгнутым шнуром.

Номер «Голубого Лиса» Ясон знал на память; набрав его, он дождался щелчка, а затем солидный мужской голос произнес:

— Клуб «Голубой Лис», где Фредди Гидроцефал дает два шоу ежевечерне, в восемь и в двенадцать; только тридцать долларов за вход, девушки обеспечиваются незамедлительно. Чем могу служить?

— Это старина Прыгучий Майк? — спросил Ясон. — Сам старина Прыгучий Майк?

— Да, разумеется. — Формальный тон ответа задел Ясона за живое. — А с кем я говорю, можно спросить? — Похотливый смешок.

Переведя дыхание, Ясон проговорил:

— Это Ясон Тавернер.

— Прошу прощения, мистер Тавернер. — Прыгучий Майк явно был озадачен. — Сейчас я не могу в точности…

— Давно было дело, — перебил Ясон. — Так оставите мне столик в передней части зала…

— Все места в клубе «Голубой Лис» проданы, мистер Тавернер, — в своей тупоумной манере пророкотал Прыгучий Майк. — Весьма сожалею.

— Что, ни одного столика? — спросил Ясон. — И ни за какие деньги?

— Простите, мистер Тавернер, ни одного. — В голосе появилась холодные нотки. — Попробуйте через две недельки. — И старина Прыгучий Майк повесил трубку.

Тишина.

Иисус твою Христос, выругался про себя Ясон.

— Боже, — сказал он вслух. — Черт побери. — Его зубы скрипели, и боль пульсировала по тройничному нерву.

— Новые инструкции, начальник? — без выражения спросило такси.

— Давай в Лас-Вегас, — проскрежетал Ясон. Попробую завалиться в танцзал «Лапка Селезня» Нелли Мелбы, решил он. Не так давно ему там

улыбнулась удача — пока Хильда Харт ездила на гастроли в Швецию. В «Лапке Селезня» всегда ошивалось приличное стадо вполне высококлассных телок — играли, пили, слушали развлекуху, приходили в экстаз. Стоило попытаться хоть там — раз уж клуб «Голубой Лис» и другие подобные заведения были для Ясона закрыты. Что он, в конце концов, терял?

Через полчаса такси высадило его на шустростоянку на крыше «Лапки Селезня». Дрожа на студеном вечернем воздухе, Ясон пробрался к роскошному ковру-спусколету; считанные мгновения спустя он уже сходил с него в теплоцвето-свето-темп танцзала Нелли Мелбы.

Время: семь тридцать. Скоро должно было начаться первое шоу. Ясон взглянул на объявление: Фредди Гидроцефал появлялся и здесь, но делал запись покороче ценой подешевле. Может статься, он меня вспомнит, подумал Ясон. Хотя скорее всего нет. Затем, еще поразмыслив, он решил: «Ни единого шанса».

Если уж его не вспомнила Хильда Харт, его вообще никто не вспомнит.

Ясон уселся на один-единственный свободный табурет в людном баре и, когда бармен наконец его заприметил, заказал горячий виски с медом.

Сверху плавал кусочек масла.

— Выходит три доллара, — сказал бармен.

— Занесите это на мой… — начал было Ясон, но тут же вспомнил и вытащил пятерку.

А потом он заметил ее.

Она сидела в нескольких табуретах от него. Когда-то давным-давно она была его любовницей; Ясон уже черт знает сколько лет ее не видел. Но фигура, как он подметил, несмотря на возраст, у нее так и осталась превосходная. Надо же, Рут Рей. В этой толпе.

Одним из важных достоинств Рут Рей было то, что ей хватало соображения не слишком обременять свою кожу загаром. Ничто не старит женщину хуже загара — и немногие из них, похоже, это понимают. В возрасте Рут — а теперь, как прикидывал Ясон, ей было лет тридцать восемь-тридцать девять — загар превращает кожу любой женщины в сморщенный пергамент.

А еще она со вкусом одевалась. Показывала свою превосходную фигуру. Вот бы еще время отменило серию постоянных визитов к косметологам для всевозможных операций на лице… но так или иначе у Рут по-прежнему были роскошные волосы цвета воронова крыла, развернутые изящным веером у нее на затылке. Пластиковые

ресницы. Блестящие пурпурные полоски на щеке, словно ее поранила лапа психоделического тигра.

Закутанная в цветное сари, без очков, босоногая — как обычно, она где-то сбросила свои туфельки на высоком каблуке, — Рут Рей не поразила Ясона своей подержанностью. Рут Рей, задумался он. Сама шьет себе наряды. Никогда не носит очки, если кто-то рядом… кроме меня. Интересно, просматривает ли она до сих пор подборку «Книга месяца»? По-прежнему ли расслабляется, читая все эти бесчисленные серые романы про сексуальные злодеяния в причудливых, но до идиотизма обыденных городишках Среднего Запада?

И еще одно насчет Рут Рей: ее навязчивое пристрастие к сексу. За один год, вспомнил Ясон, она уложила в постель шестьдесят мужчин. Не считая, разумеется, его — он побывал там раньше, когда цифры статистики еще не были так высоки.

Кроме того, ей всегда нравилась его музыка. Рут Рей вообще нравились сексуальные певцы, поп-баллады и сладкие — тошнотворно сладкие — струнные ансамбли. В свое время она установила у себя в нью-йоркской квартире колоссальную

квадросистему и буквально жила внутри нее, питаясь диетическими сандвичами, которые она запивала ледяной слизистой бурдой, сделанной почти что из ничего. Прокручивая по сорок восемь часов подряд диск за диском струнного ансамбля «Пурпурный народ», к которому Ясон ничего, кроме отвращения, не испытывал.

Поскольку в целом вкусы Рут Рей вызывали у Ясона ужас, его раздражало то, что сам он был одним из ее любимых исполнителей. И с этой аномалией ему так и не удалось разобраться.

Что он еще про нее помнил? Каждое утро — столовая ложка желтой маслянистой жидкости. Витамин Е. Очень странно, но на Рут Рей этот самый витамин оказывал обратный эффект — ее выносливость в постели возрастала с каждой ложкой. Рут так и сочилась вожделением.

И еще, припомнил Ясон, она терпеть не могла животных. Тут он по аналогии вспомнил Кати и ее кота Доменико. Рут и Кати никогда не нашли бы общего языка, сказал себе Ясон. Впрочем, это не имело значения; им и так не суждено было встретиться.

Соскользнув с табурета, Ясон со своим бокалом поплелся по бару, пока не оказался прямо перед Рут Рей. Естественно, он не ждал, что она его

узнает. Тем не менее в свое время она уже раз выяснила, что ему не удержаться… так почему она не могла выяснить это снова? Лучшего оценщика сексуальной перспективы, чем Рут, просто не существовало.

— Привет, — сказал Ясон.

Подняв голову, Рут Рей с прищуром (очков-то на ней не было) стала его разглядывать.

— Привет, — пропитым голосом проскрежетала она. — Ты кто?

— Несколько лет назад мы встречались в Нью-Йорке, — ответил Ясон. — У меня была немая роль в эпизоде «Фантома Боллера», а ты, как я помню, отвечала за костюмы.

— В том эпизоде, — прохрипела Рут Рей, — где на Фантома Боллера нападают пираты-педерасты из другого временного периода. — Она рассмеялась затем улыбнулась Ясону. — Как тебя зовут? — спросила она, искусно покачивая выставленными напоказ буферами с проволочной поддержкой.

— Ясон Тавернер, — ответил Ясон.

— А мое имя ты помнишь?

— Еще бы, — сказал он. — Рут Рей.

— Теперь Рут Гомен, — прохрипела она. — Присаживайся. — Рут огляделась, но свободных

табуретов поблизости не было. — Давай вон туда за столик. — Она сверхосторожно слезла с табурета и нетвердой походкой направилась в сторону вакантного столика; Ясон взял ее под руку и проводил. После нелегкой навигации ему удалось усадить Рут за столик, а самому сесть вплотную.

— Ты так классно выглядишь… — начал было Ясон, но Рут тут же его перебила.

— Я старуха, — проскрежетала она. — Мне тридцать девять.

— Подумаешь, старуха, — отозвался Ясон. — Мне сорок два.

— Для мужчины это самое то. Но не для женщины. — Рут близоруко уставилась на свой приподнятый бокал мартини. — Знаешь, чем занимается Боб? Боб Гомен? Разводит собак. Шумных, нахрапистых волкодавов с длинной шерстью. Потом они отправляются в рефрижератор. — Она мрачно отхлебнула мартини; затем лицо ее вдруг оживленно просияло. Повернувшись к Ясону, Рут сказала: — А ты не выглядишь на сорок два. Ты вообще классно выглядишь! Знаешь, о чем я подумала? Ты наверняка из Голливуда или с телевидения.

— Я бывал на ТВ, — осторожно сказал Ясон. — Изредка.

— Ну да, на шоу вроде «Фантома Боллера». — Рут кивнула. — А теперь давай начистоту. Ведь ни тебя, ни меня там не было.

— За это стоит выпить, — с радостной иронией отозвался Ясон, потягивая свой виски с медом. Кусочек масла уже растаял.

— Кажется, я тебя припоминаю, — сказала Рут Рей. — Ты, часом, не делал кое-какие проекты для одного дома на острове в Тихом океане? В тысяче миль от Австралии? Это был ты?

— Да, — соврал Ясон. — Это был я.

— И еще ты вел туда хлоппер «роллс-ройс».

— Ага, — подтвердил он. Это уже была сущая правда.

Тогда Рут Рей с улыбкой сказала:

— А знаешь, что я здесь делаю? Есть у тебя мысли на этот счет? Я пытаюсь познакомиться с Фредди Гидроцефалом. Я в него влюблена. — Рут испустила гортанный смешок, который Ясон помнил еще с прежних времен. — Я без конца шлю ему записочки «я тебя люблю». А он, причем на машинке, пишет мне в ответ: «Я не хочу себя связывать; у меня личные проблемы». — Она снова рассмеялась и добила свой мартини.

— Еще бокал? — предложил Ясон, поднимаясь.

— Нет. — Рут Рей помотала головой. — Мне

больше нельзя. Вот было время… — Тут она осеклась, и на лице ее выразилась тревога. — Интересно, было у тебя что-то подобное? На вид вообще-то непохоже.

— А что такое?

Крутя в руке пустой бокал, Рут Рей объяснила:

— Я пила все время. Начиная с девяти утра. И знаешь что со мной из-за этого случилось? Я быстро постарела. Я выгляжу на все пятьдесят. Бухалово проклятое. Из-за алкоголя с тобой случается все то, чего ты больше всего боишься. По-моему, алкоголь — худший враг жизни. Согласен?

— Не совсем, — ответил Ясон. — По-моему, у жизни есть враги пострашней алкоголя.

— Да, наверное. Вроде исправительно-трудовых лагерей. А знаешь, ведь меня в прошлом году пытались в один из таких отослать. У меня тогда правда был жуткий период. Денег ни цента — Боба Гомена я тогда еще не встретила. И я работала в сберкассе. Однажды пришел депозит наличными — не то три, не то четыре пятидесятидолларовые купюры. — Она какое-то время размышляла. — Короче, я взяла их себе, а извещение и конверт от депозита бросила в бумагорезку. Но меня засекли. Планирование провокации.

— Ого, — сказал Ясон.

— Но понимаешь… у меня с боссом кое-что было. Полы хотели упаковать меня в исправительно-трудовой лагерь — тот, что в Джорджии, — где меня наверняка затравила бы всякая деревенщина. А босс меня защитил. До сих пор не знаю, как ему это удалось, но меня отпустили. Я в большом долгу перед этим человеком, и никогда уже с ним не увижусь. Ведь ты никогда не видишься с теми, кто на самом деле любит тебя и помогает; вечно общаешься с чужаками.

— Так я, по-твоему, чужак? — спросил Ясон. А про себя подумал: «Я ведь еще кое-что про тебя помню, Рут Рей». Рут всегда содержала дорогущую квартиру. Независимо от того, за кем была замужем; она всегда жила припеваючи.

Рут Рей вопросительно на него смотрела.

— Нет. Я считаю тебя другом.

— Спасибо. — Ясон взял ее суховатую руку и немного подержал у себя в ладонях. А отпустил в нужную секунду — ни раньше, ни позже.

Глава 9

Квартира Рут Рей поразила Ясона Тавернера своей роскошью. По его прикидке, эти апарта-

менты стоили ей никак не меньше четыреста долларов в день. Видно, у Боба Гомена с финансами все в порядке, подумал Ясон. Или было все в порядке.

— Совсем ни к чему было покупать эту поллитровку «Вата-69», — заметила Рут, снимая с Ясона пальто и относя его вместе со своим к самооткрывающемуся платяному шкафу. — У меня тут есть «Катти Сарк» и бурбон «Хайрем Уокер»…

Да, Рут много чему выучилась с тех пор, как Ясон последний раз с нею спал. Вот уж сущая правда. Обессиленный, он лежал нагишом на заполненном водой матрасе, потирая болезненную точку на переносице. Рут Рей — или, вернее, уже миссис Рут Гомен — сидела на ковровом полу, закуривая «Пэл Мэл». Какое-то время оба молчали; в комнате стояла мертвая тишина. И еще, понял Ясон, там чувствовалась та же, что и у него, опустошенность. Нет ли там какого-то закона термодинамики, подумалось ему, согласно которому тепло нельзя уничтожить, а можно только передать? Да, но ведь есть же еще энтропия.

Теперь я чувствую на себе всю тяжесть энтропии, решил Ясон. Я разрядил себя в вакуум и никогда не получу назад того, что отдал. Все уходит только в одну сторону. Да-да, подумал он, я

в этом уверен. Наверняка это один из фундаментальных законов термодинамики.

— У тебя есть энциклопедический автомат? — спросил он у женщины.

— Черт возьми, нет. — На ее похожем на чернослив лице появилось озабоченное выражение. Нет, не на чернослив, решил Ясон и отказался от этой аналогии. Так было несправедливо. Пусть будет «на повидавшем виды», подумал он. Да, так больше подходило.

— О чем ты думаешь? — спросил он у Рут.

— Нет, это» ты мне скажи, о чем ты думаешь, — заупрямилась та. — Что там у тебя на сверхсекретном умище альфасознательного типа?

— Помнишь девушку по имени Моника Буфф? — спросил Ясон.

— Помню ли я ее! Да ведь Моника Буфф шесть лет была моей золовкой! И за все это время она ни разу не вымыла голову. Все эти годы вокруг ее грязной короткой шеи и бледной физиономии так и болталась спутанная темно-бурая тина.

— А я и не знал, что ты ее недолюбливаешь.

— Ясон, она же без конца воровала. Стоило только оставить сумочку, как она тебя обворовывала; причем тащила не только бумажки, но даже монеты. Мозгов у нее было как у сороки, а голос

как у вороны. Когда она, естественно, разговаривала, что, слава богу, случалось не часто. Разве ты не знаешь, что эта девчонка по шесть-семь дней — а как-то раз даже восемь — не произносила ни слова? Просто валялась где-нибудь в углу, будто пьяная паучиха, бренча на этой своей пятидолларовой гитаре, к которой она даже не выучила аккорды. Да, в каком-то своем космато-засранном роде она смотрелась прелестно. С этим я соглашусь. Любителю больших задниц она бы даже приглянулась.

— Чем же она жила? — спросил Ясон. С Моникой Буфф у него было недолгое знакомство, да и то через Рут. Однако за это время они пережили краткий, но умопомрачительный роман.

— А воровала по магазинам, — ответила Рут Рей. — У Моники была такая здоровенная плетеная корзина, которую она раздобыла в Байа-Калифорнии. Вот она и набивала туда всякого товару, а потом крейсерским курсом выплывала из магазина, большая как жизнь.

— Почему же ее не ловили?

— Еще как ловили. Монику с братом оштрафовали, когда они попались на хлебе. А ей как с гуся вода! Она опять вышагивала босоногой — я серьезно! — по Шрюсбери-авеню в Бостоне, вы-

гребая все персики с витрин бакалейных лавок. Обычно Моника по десять часов в день, как она выражалась, «ходила за покупками». — Сверкая глазами, Рут прорычала: — А знаешь, на чем ее так и не поймали? — Тут она понизила голос: — Моника обычно подкармливала беглых студентов.

— И ее за это так и не арестовали? — Предоставление еды или крова беглым студентам автоматически влекло за собой два года ИТЛ — на первый случай. А на второй — пять лет.

— Нет, ее так и не застукали. Когда Монике казалось, что бригада полов вот-вот собирается нагрянуть с выборочной проверкой, она тут же звонила в пол-центр и сообщала, что к ней в дом пытается вломиться какой-то мужчина. Потом она выводила студента наружу, а сама запиралась. Полы приезжали, и, как Моника и говорила, в ее дверь стучался мужчина. Тогда полы свинчивали студента, а ее оставляли в покое. — Рут хихикнула. — Как-то раз я слышала один из этих телефонных звонков в пол-центр. Как она тогда сказала, мужчина…

— Моника три недели была моей любовницей, — сказал Ясон. — Лет пять тому назад.

— Ну и как, видел ты, чтобы она хоть раз вы-

мыла голову?

— Нет, — признал он.

— И нижнего белья она не носила, — сказала Рут. — Интересно, зачем привлекательному мужчине вроде тебя нужен роман с грязной, жилистой, шелудивой уродкой вроде Моники Буфф. Ведь ты не мог никуда с ней сходить — она же смердела. Еще бы — никогда не мылась.

— Гебефрения, — сказал Ясон.

— Да, — кивнула Рут. — Диагноз был именно такой. Не уверена, знаешь ты или нет, но в конце концов Моника просто ушла — отправилась «за покупками» и не вернулась. Мы больше никогда ее не видели. Наверное, она уже умерла — так и лежит в могиле, сжимая в руках ту самую плетеную корзину, которую она раздобыла в Байе. Та поездка в Мексику была большим событием в ее жизни. По такому случаю она даже выкупалась в ванной, и я уложила ей волосы — после того как с полдюжины раз их вымыла. Что ты в ней нашел? Как ты вообще ее выносил?

— Мне нравилось ее чувство юмора, — ответил Ясон.

Все-таки нечестно, подумал он, сравнивать Рут с девятнадцатилетней девушкой. Или даже с Моникой Буфф. И все же от сравнения никуда было

не деться. В глазах Ясона это сравнение лишало Рут Рей всякой привлекательности. Как бы хороша — а вернее, опытна — ни была она в постели.

Я использую ее, подумал он. Как Кати использовала меня. Как Макнульти использовал Кати.

Макнульти. Между прочим, а нет ли на мне микропередатчика?

Торопливо собрав свою одежду, Ясон Тавернер быстро отнес ее в ванную комнату. А там, усевшись на край ванны, стал внимательно изучать каждый предмет по отдельности.

На это у него ушло добрых полчаса. Но в конце концов Ясон все-таки нашел, что искал. Такую махонькую штуковинку. Спустив микропередатчик в унитаз, он вернулся в спальню. Итак, они все-таки знают, где я, понял Ясон. После этого мне уже нельзя здесь оставаться.

И я поставил под угрозу жизнь Рут Рей. Так, ни за что.

— Послушай-ка, — вслух сказал Ясон.

— Да? — Рут устало прислонилась к стене ванной комнаты и сложила руки под увесистыми грудями.

— Микропередатчики, — медленно проговорил Ясон, — указывают только приблизительное местоположение. Пока кто-то в самом деле не

последует за ними, фиксируя их сигнал. — А до тех пор…

Нет, он не мог быть уверен. Ведь, в конце концов, Макнульти поджидал их тогда в квартире у Кати. Пришел туда Макнульти по наводке микропередатчика — или он просто знал, что Кати там живет? Одурманенный избытком тревоги, секса и виски, Ясон не мог вспомнить; он сидел на краю ванны и усиленно тер лоб, стараясь в точности припомнить о чем пошел разговор, когда они с Кати вошли в комнату, где их поджидал Макнульти.

Эд, вспомнил Ясон. Они сказали, что Эд поставил на меня микропередатчик. Итак, он все-таки выдавал мое местоположение. Хотя…

Нет, все-таки микропередатчик мог указывать только общую сферу. А уж потом Макнульти в точности рассчитал, что это жалкая комнатенка Кати.

Срывающимся голосом Ясон обратился к Рут Рей:

— Черт возьми, надеюсь, я еще не дал полам ориентир, чтобы взять за задницу тебя. Это было бы слишком. Слишком. — Он помотал головой, пытаясь ее проветрить. — У тебя нет такого горячего-горячего кофе?

— Пойду наберу код на пульте плиты. — Одетая только в ножной браслет на застежке, Рут Рей зашлепала босыми пятками из ванной комнаты на кухню. Считанные секунды спустя она уже вернулась с большим пластиковым кофейником, где красовалась надпись КРУТИ ПЕДАЛИ, ПОКА НЕ ДАЛИ. Ясон взял кофейник и отхлебнул дымящегося напитка.

— Мне больше нельзя здесь оставаться, — сказал он. — К тому же ты слишком старая.

Рут как-то нелепо на него уставилась — словно исковерканная, растоптанная каблуком кукла. А потом выбежала на кухню. Зачем я это сказал, спросил себя Ясон. Все от напряжения, от моих собственных страхов. Он пустился вслед за женщиной.

У двери в кухню Рут вдруг возникла, держа в руке глиняную тарелку с надписью СУВЕНИР С ФЕРМЫ НОТТСА БЕРРИ. Слепо налетев на Ясона, она замахнулась треснуть его тарелкой по голове; рот ее кривился, будто у новорожденной. В самый последний момент Ясон успел подставить локоть и принять удар на него; глиняная тарелка разлетелась на три неровных куска, а по руке от локтя заструилась кровь. Ясон посмотрел на кровь, на осколки тарелки на ковре, затем на Рут.

— Прости меня, — еле слышно прошептала женщина. Едва проговаривая слова. Новорожденные губы то и дело кривились, словно бы в оправдание.

— Это ты меня прости, — сказал Ясон.

— Я наложу повязку. — Рут направилась к ванной комнате.

— Нет, — сказал он. — Я ухожу. Порез чистый; инфекция не попадет.

— Зачем ты мне это сказал? — спросила Рут.

— Затем, — ответил Ясон, — что у меня свои возрастные страхи. И они изматывают меня — то, что от меня еще осталось. У меня просто не осталось энергии. Даже для оргазма.

— Кончил ты замечательно.

— Но это было в последний раз, — сказал Ясон, направляясь в ванную. Там отмыл кровь с руки и подержал локоть под холодной водой, пока кровь не начала свертываться. Пять ли минут, пятьдесят — он просто не мог понять сколько. Ясон просто стоял, держа локоть над раковиной. Рут Рей ушла бог весть куда. Наверное, чтобы стукнуть на меня полам, устало сказал себе Ясон. Он слишком выдохся, чтобы о чем-то тревожиться.

Черт меня побери, подумал затем Ясон. После того, что я ей ляпнул, винить я ее не стану.

Глава 10

— Нет, — произнес генерал полиции Феликс Бакман, упрямо мотая головой. — Ясона Тавернера не существует. Он невесть как умудрился изъять данные из всех матричных банков. — Генерал полиции задумался. — Вы уверены, что сможете взять его, когда потребуется?

— Тут появилась проблема, мистер Бакман, — ответил Макнульти. — Он нашел микропередатчик и сорвал его. Таким образом, мы не знаем, по-прежнему ли он в Вегасе. Если у него есть в голове хоть капля соображения, он поспешит смыться. А соображение у него точно имеется.

— Вам лучше вернуться сюда, — сказал Бакман. — Если он способен изымать данные, причем первоисточники, из наших банков, это подразумевает и другую его эффективную деятельность, которая, вероятно, важнее. Насколько точна ваша ориентировка?

— Сейчас он находится — или находился — в одной из восьмидесяти пяти квартир одного крыла комплекса из шестисот блоков. Все квартиры чрезвычайно модные и дорогие, а находится комплекс в округе Вест-Файрфлеш, в местечке

под названием Копперфильд-П.

— Тогда запросите Вегас, чтобы там обошли все восемьдесят пять блоков, пока его не найдут. А когда возьмете, сразу самолетом ко мне. Однако я по-прежнему хочу видеть вас за вашим столом. Выпейте пару стимулов, прекратите принимать дозу и скорее сюда.

— Есть, мистер Бакман, — с легким следом боли отозвался Макнульти. И поморщился.

— Вы считаете, в Вегасе нам его не найти, — сказал Бакман.

— Так точно, сэр.

— Может статься, именно там мы его и найдем. Сорвав с себя микропередатчик, он решил, что теперь ему ничего не грозит.

— Позволю себе не согласиться, — сказал Макнульти. — Найдя микропередатчик, он понял, что мы следили за ним до самого Вест-Файрфлеша. Он рванет прочь. И как можно скорее.

— Да, — отозвался Бакман. — Он так поступит, если люди вообще склонны поступать разумно. Однако они к этому не склонны. Разве вы, Макнульти, сами этого не замечали? Чаще всего люди ведут себя хаотично. — Что, подумал он, часто служит им хорошую службу, так как делает менее предсказуемыми.

— Я замечал, что…

— Все, через полчаса вы должны сидеть за вашим столом, — отрезал Бакман и прервал связь. Педантичный выпендреж Макнульти и туманная летаргия сумеречной дозы всегда его раздражали.

Наблюдавшая за их разговором Алайс заметила:

— Итак, некто сделал себя несуществующим. А раньше такое случалось?

— Нет, — ответил Бакман. — И сейчас ничего такого не случилось. Где-нибудь, в каком-либо незаметном местечке, он непременно упустил какой-то незначительный микродокументик. И мы будем искать этот документ, пока не найдем. Рано или поздно мы обнаружим соответствующий образец голоса или распечатку ЭЭГ — и сразу узнаем, кто он такой.

— А может, он как раз тот, за кого себя выдает. — Алайс просматривала нелепые заметки Макнульти. — Субъект принадлежит к профсоюзу музыкантов. Говорит, он певец. Возможно, образец голоса станет для вас…

— Убирайся из моего кабинета, — рявкнул ей Бакман.

— Я просто рассуждаю. Не он ли, часом, запи-

сал тот порноаккордный хит «Сойди, Моисей», который…

— Послушай, что я тебе скажу, — проговорил Бакман. — Отправляйся домой, зайди в мой кабинет и открой там центральный ящичек кленового стола. Там ты найдешь пергаминовый конверт. В нем лежит аккуратнейшим образом погашенный экземпляр черно-белой марки за один доллар выпуска Транс-Миссисипи США. В идеальном состоянии. Я раздобыл эту марку для своей коллекции, но ты можешь взять ее себе. Я достану себе другую. Только уходи. Проваливай, возьми себе эту чертову марку и навсегда спрячь ее в альбом у себя в сейфе. Можешь даже никогда больше на нее не смотреть; пусть она просто у тебя будет. И оставь меня в покое. Дай, наконец, поработать. Ну как, по рукам?

— Черт возьми, — вымолвила Алайс, и глаза ее загорелись. — Где ты ее раздобыл?

— У одного политзаключенного перед его отправкой в исправительно-трудовой лагерь. Он поменял ее на свою свободу. Я решил, что это равноценный обмен. А ты как считаешь?

— Это же марка с самой великолепной гравировкой всех времен и народов! — воскликнула Алайс. — Таких больше не выпускали.

— Хочешь ее? — спросил Бакман.

— Да. — Алайс вышла из кабинета в коридор. — До завтра. Хотя вообще-то тебе не нужно ничего мне давать, чтобы я ушла; я и так хочу поехать домой, принять душ, сменить шмотки и на пару-другую часов улечься в постель. С другой стороны, если тебе хочется…

— Хочется, — перебил Бакман, а про себя подумал: «Потому что я страшно тебя боюсь. По правде говоря, я онтологически боюсь буквально всего в тебе. Даже этой твоей готовности уйти. Я даже этого боюсь!

А почему? — спросил он себя, наблюдая, как Алайс направляется к подъемной трубе для изолированных преступников в дальнем конце анфилады его кабинетов. — Я знал ее ребенком и уже тогда боялся. А все потому, что неким коренным образом, до конца мне даже не ясным, она играет не по правилам. У всех у нас есть свои правила; они различаются, но все мы по ним играем. К примеру, — припомнил Бакман, — мы не убиваем человека, который только что оказал нам услугу. Даже в этом полицейском государстве — даже мы, полы, соблюдаем это правило. И мы не ломаем умышленно вещи, для нас драгоценные. А вот Алайс способна, добравшись сейчас

до дома, найти ту бесценную черно-белую марку и спалить ее своей сигаретой. Я знаю об этом, и все-таки отдал ей марку. Пожалуй, я до сих пор молю Бога, чтобы Алайс наконец — пусть втайне или еще как-нибудь — все же вернулась к своим правилам и стала по ним играть. Как мы все, остальные.

Но она нипочем не станет».

Бакман размышлял дальше. «А предложил я Алайс эту черно-белую марку как раз потому, что пытался сбить ее с толку, ввести в искушение и таким образом вернуть ее к правилам, для всех нас понятным. К правилам, которым все остальные способны следовать. Я пытался ее подкупить, а это пустая трата времени — если не что-то еще похуже, — и мы оба с ней это понимаем. Точно, — решил он. — Наверняка она сожжет эту черно-белую за один доллар — ценнейшую марку из всех, когда-либо выпущенных. Филателистический раритет, который я ни разу в жизни не видел в продаже. В том числе и на аукционах. А когда я вечером вернусь домой, Алайс покажет мне пепел. Пожалуй, она даже не станет сжигать один уголок, чтобы доказать, что она и впрямь это сделала.

Впрочем, я ей и так поверю. И буду еще больше

ее бояться».

Генерал Бакман в унынии открыл третий ящичек солидного стола и вставил кассету в небольшой магнитофон, который он там держал. Мелодии Дауленда для четырех голосов… Бакман стоял, слушая одну песню, которая особенно ему нравилась — больше всех прочих в лютневых сборниках Дауленда.

…И вот я позабыт и позаброшен,

Сижу, вздыхаю, плачу, слабну, умираю

В смертельной боли и страданье бесконечном.

Ведь Дауленд первый человек, размышлял Бакман, кто писал абстрактную музыку. Он снял кассету с мелодиями для четырех голосов, поставил другую, с лютневым сопровождением, и просто прислонился к стене, наслаждаясь звуками «Lachrimae Antiquae Pavan». Отсюда, сказал себе Бакман, в итоге вышли последние квартеты Бетховена. И все остальное. Кроме Вагнера.

Бакман терпеть не мог Вагнера. Именно Вагнер и ему подобные — такие как Берлиоз — отбросили музыку на три столетия назад.

Пока Карлхайнц Штокхаузен в своем «Gesang der Junglinge» снова не вернул ее в настоящее

время.

Стоя у стола, Бакман некоторое время поглазел на последнее четырехмерное фото Ясона Тавернера — фотографию, снятую Катариной Нельсон. Чертовски привлекательный мужчина, подумал он. Причем профессионально привлекательный. Что ж, он певец — это похоже. Связан с шоу-бизнесом.

Коснувшись четырехмерного фото, Бакман прослушал механическую фразу «ну что, конь в пальто?». И улыбнулся. А затем, снова ловя сладостные звуки «Lachrimae Antiquae Pavan», подумал:

Лейтесь, слезы мои…

Действительно ли у меня пол-карма, спросил себя Бакман. Откуда тогда любовь к такой музыке и таким стихам? Нет, все верно, подумал он затем. Я стал первоклассным полом именно потому, что мыслю не как пол. Я мыслю, к примеру, не как Макнульти, который как был всю жизнь свиньей, так ею и останется. Конечно, я мыслю не как все, кого мы пытаемся арестовать, но как значительные люди, которых мы пытаемся арестовать. Вроде этого Ясона Тавернера. У меня есть предчувствие — иррациональное, но

действенное, плод подлинной интуиции, — что этот человек все еще в Вегасе. Именно там мы его и накроем. А вовсе не где-то у черта на рогах, как разум и логика подсказывают Макнульти.

Я сродни Байрону, подумал Бакман, когда он сражался за свободу, отдавал жизнь в борьбе за Грецию. Вот только я сражаюсь не за свободу; я сражаюсь за общественное согласие.

Но так ли это, спросил он себя. Правда ли, что именно ради общественного согласия я занимаюсь тем, чем занимаюсь? Создаю порядок, структуру, гармонию? Правила. Да, вспомнил Бакман, правила для меня страшно важны. Вот почему Алайс все время представляет для меня угрозу; вот почему я могу справиться со столь многим, но только не с ней.

Слава богу, сказал себе Бакман, что все прочие от нее отличаются. Слава богу, что она по сути уникальна в своем роде.

Нажав кнопку настольного интеркома, он сказал:

— Герб, будьте добры, зайдите ко мне.

Герб Майм вошел в кабинет с пачкой компьютерных перфокарт в руке; вид у него был измотанный.

— Хотите пари, Герб? — спросил Бакман. — Что

Ясон Тавернер по-прежнему в Лас-Вегасе.

— Зачем вы забиваете себе голову таким пустячным дельцем? — спросил в ответ Герб. — Оно же яйца выеденного не стоит. Это уровень Макнульти, но не ваш.

Усевшись за стол, Бакман затеял ленивую, но красочную игру с фотофоном; он выводил на экран флаги различных исчезнувших государств.

— Пустячное дельце? Не уверен. Вы только подумайте, что этот человек проделал. Он невесть каким образом сумел устроить так чтобы все данные, с ним связанные, исчезли из всех банков данных на планете, а также в лунных и марсианских колониях… Макнульти даже там поискал. Задумайтесь хоть на секунду, что для этого требуется? Деньги? Жуткие суммы. Взятки? Астрономические. Если Тавернер воспользовался такой тяжелой артиллерией, он играет по большим ставкам. А влияние? Отсюда уже вывод — сила у него колоссальная, и мы должны рассматривать его как крупную фигуру. Пожалуй, именно Тавернер олицетворяет то, что меня больше всего тревожит; полагаю, здесь? на Земле, его поддерживает некая могущественная группировка — хотя и не представляю, почему и зачем.

Да-да, все верно. Таким образом, они ликвидируют все данные, с ним связанные; Ясон Тавернер становится несуществующей фигурой. Но зачем они это проделали? Чего они добились?

Герб размышлял.

— Не могу понять, — сказал Бакман. — Просто не вижу смысла. Но раз они в этом заинтересованы, это уже о чем-то говорит. Иначе не стали бы они тратить столько… — он махнул рукой, — столько всего. Денег, времени, влияния — чего угодно. А скорее всего — и того, и другого, и третьего. Плюс колоссальные усилия.

— Понятно, — кивнул Герб.

Бакман продолжил:

— Порой крупную рыбу удается выловить, зацепив крючком мелкую рыбешку. Тут никогда не знаешь, станет очередная мелкая рыбешка, которую ты зацепил, связью с чем-то гигантским или… — он развел руками, — или это будет всего-навсего мелкая рыбешка, которую только и останется, что швырнуть в исправительно-трудовой садок. Возможно, таков этот Ясон Тавернер. Конечно, я могу сильно ошибаться. Но я крайне заинтригован.

— Что, — заметил Герб, — весьма прискорбно для Ясона Тавернера.

— Да, — кивнул Бакман. — А теперь подумайте вот о чем. — Он ненадолго умолк, чтобы тихонько пукнуть затем продолжил: — Тавернер добрался до мастерской по изготовлению фальшивых УДов — заурядной мастерской, работающей позади заброшенного ресторана. Никаких связей у него не было; к нашему счастью, он действовал через клерка отеля, где он остановился. Стало быть, Тавернер отчаянно нуждался в документах. Так? Но где же тогда его могущественные хозяева? Почему они не смогли снабдить его блестяще подделанными УДами, если они так лихо провернули все остальное? Черт возьми, ведь они выкинули его прямо на улицу, да еще в самый отстойник городских джунглей — прямиком к пол-информатору. И тем самым поставили под угрозу все!

— Да, — кивнул Герб. — Что-то тут не так.

— Вот именно. Что-то пошло не так. Внезапно Тавернер очутился в центре города, без единого УДа. Все, что при нем имелось, сфабриковала Кати Нельсон. Как так могло получиться? Как они могли так просраться и послать Тавернера искать на ощупь поддельные УДы, чтобы иметь возможность спокойно пройти хотя бы три городских квартала? Понимаете, к чему я веду?

— Но ведь так мы до них и доберемся.

— Простите? — Бакман выключил лютневую музыку на кассетнике.

— Если бы они не допускали подобных промахов, — пояснил Герб, — у нас не было бы ни шанса. Они остались бы для нас некой метафизической сущностью, никогда не попавшейся на глаза и ни в чем не заподозренной. Именно благодаря подобным промахам мы и существуем. Не важно, как они допустили такую ошибку; важно лишь, что они ее допустили. И мы должны быть чертовски этому рады.

Да, я рад, подумал про себя Бакман. Протянув руку к телефону, он набрал добавочный номер Макнульти. Никакого ответа. Макнульти до сих пор не вернулся в академию. Бакман посмотрел на часы. Наверное, еще минут пятнадцать.

Тогда он набрал номер голубого информационного центра.

— Как там эта лас-вегасская операция в районе Файрфлеш? — спросил Бакман у молоденьких операторш, восседавших на высоких табуретах у пульта и длинными указками нажимавших пластиковые кнопочки. — Связанная с поимкой субъекта, именующего себя Ясоном Тавернером?

Гедение и щелчки компьютеров, пока одна из

операторш ловко тыкала кнопки.

— Я свяжу вас с капитаном, ответственным за эту операцию.

На экране перед Бакманом возник тип в форме, идиотично-безмятежный на вид.

— Слушаю, генерал Бакман.

— Так взяли вы Ясона Тавернера или нет?

— Пока нет, сэр. Мы обшарили около тридцати арендуемых блоков из…

— Когда вы его возьмете, — перебил Бакман, — сразу звоните мне. — Он дал тупоумному полу свой добавочный номер и повесил трубку, смутно предчувствуя поражение.

— Потребуется время, — заметил Герб.

— Как для хорошего пива, — пробормотал Бакман, глядя прямо перед собой. Мозг его работал. Но без результата.

— Кстати о ваших предчувствиях, — сказал Герб. В юнговском смысле. Вот что вы представляете собой в юнговской типологии: интуитивно мыслящую личность с предчувствиями как основой вашего образа действий и…

— Чушь собачья. — Бакман скомкал листок с невразумительными заметками Макнульти и бросил его в бумагорезку.

— А вы читали Юнга?

— Конечно. На стажировке в Беркли весь полнаучный отдел должен был читать Юнга. Я знаю о нем все, что знаете вы, и даже гораздо больше. — Бакман уловил в своем голосе раздражение и был этим раздосадован. — Наверное, эти громилы проводят свои облавы похлеще любых мусорщиков. С лязгом и грохотом… Тавернер услышит их задолго до того, как они доберутся до квартиры, где он укрылся.

— А вы не предполагаете, что заодно с Тавернером кого-то прихватите? Какую-нибудь большую шишку из…

— Ни с кем сверхзначимым мы его не застанем. Нет-нет, особенно когда все его УДы лежат в местном полицейском участке. Я никого такого не ожидаю. Только самого Тавернера.

— Хотите пари? — предложил Герб.

— Давайте.

— Ставлю пять золотых пятаков, что его поимка ничего вам не даст.

В изумлении Бакман даже сел прямее. Фраза Герба прозвучала для генерала совершенно в его собственном стиле. Ни фактов, ни данных, чтобы на них основываться, — чистой воды интуиция.

— Так хотите поспорить? — спросил Герб.

— Вот что я вам скажу, — начал Бакман. Затем

он достал свой бумажник и пересчитал деньги. — Ставлю тысячу бумажных долларов, что с поимкой Ясона Тавернера мы войдем в одну из самых важных сфер, с какими когда-либо имели дело.

— На такие деньги я спорить не стану, — сказал Герб.

— Ага, считаете, что я прав?

Зазвонил видеофон. Бакман взял трубку. На экран выплыла тупоумная физиономия капитана, ответственного за лас-вегасскую операцию.

— Наша термосистема регистрирует присутствие мужчины роста, веса и общего телосложения Тавернера в одной из пока еще необысканных квартир. Мы двигаемся с предельной осторожностью, освобождая все близлежащие блоки.

— Брать живым, — приказал Бакман.

— Безусловно, мистер Бакман.

— Держите со мной прямую связь, — велел Бакман. — Начиная с этого момента мне требуются все подробности.

— Есть, сэр.

Обращаясь к Гербу Майму, Бакман сказал:

— А ведь они и впрямь уже его нашли. — Он сперва улыбнулся, затем радостно захихикал.

Глава 11

Зайдя в спальню за своей одеждой, Ясон Тавернер обнаружил, что Рут Рей сидит в полумраке на скомканной, еще теплой постели, полностью одетая, и курит свою традиционную сигарету с табаком. Серый ночной свет просачивался из окон. Уголек сигареты словно регистрировал нервную, накаленную атмосферу.

— Эти штуки тебя доканают, — заметил Ясон. — Не зря их больше пачки в неделю в одни руки не выдают.

— Отъебись, — огрызнулась Рут Рей, в очередной раз затягиваясь.

— Но ведь ты их на черном рынке купила, — сказал Ясон.

Как-то раз он ходил туда вместе с Рут, чтобы купить ей целый блок. Даже при его доходах цена Ясона поразила. Но Рут, похоже, не удивилась. Очевидно, она этого и ожидала; она знала цену своей привычки.

— Неважно, где я их достала. — Рут потушила длинную, явно недокуренную сигарету в керамической пепельнице в форме легкого.

— И теперь тратишь их впустую.

— Ты любил Монику Буфф? — спросила Рут.

— Конечно.

— Не понимаю. Как ты мог?

— Любовь бывает разная, — ответил Ясон.

— Да. Как с кроликом Эмили Фуссельман. — Она бросила на него взгляд. — Я знала одну женщину, замужнюю, с тремя детьми; у нее были два котенка, а потом она завела себе бельгийского серого кролика. Знаешь, они такие крупные, и все прыг-скок, прыг-скок на своих мощных задних лапах. Первый месяц кролик боялся даже вылезти из клетки. Насколько мы поняли, это был самец. Через месяц он вылез из клетки и запрыгал по гостиной. Через два месяца он научился лазать по лестнице и стал регулярно скрестись в дверь спальни Эмили, будя ее по утрам. Потом он стал играть с кошками, и тут начались проблемы, потому что кролик был не так проворен и сообразителен, как кошки.

— У кроликов просто меньше мозгов, — заметил Ясон.

— Вряд ли, — возразила Рут Рей. — Но так или иначе, кролик обожал кошек и пытался делать все то же, что и они. Он даже приучился почти все время обходиться кошачьей коробкой. При помощи клочков шерсти, которые он выщипы-

вал у себя на груди, кролик устроил гнездо рядом с диваном и хотел, чтобы котята туда забирались. Но они не стали. Конец всему — вернее, почти конец — пришел, когда он попытался поиграть в пятнашки с немецкой овчаркой, которую привела какая-то дама. Понимаешь, кролик насобачился играть в эту игру с кошками, с Эмили Фуссельман и с детьми. Сперва он прятался за диваном, а затем выскакивал оттуда, носился быстрыми-быстрыми кругами по комнате, и все старались его поймать, но обычно не могли, и кролик преспокойно убегал обратно за диван, куда, как предполагалось, никто за ним не последует. Но овчарка не знала правил игры и, когда кролик забежал обратно за диван, ринулась за ним и мощными челюстями ухватила его за задницу. Эмили в конце концов сумела разжать эти челюсти и вывести овчарку во двор, но кролику здорово досталось. Он поправился, но после этого жутко боялся собак и убегал куда глаза глядят, даже если видел собаку через окно. А свою задницу — ту ее часть, которую хватанула овчарка, — он прятал под кусками материи. Там совсем не было шерсти, и кролику было очень стыдно. Но самое трогательное было то, как кролик пытался протолкнуться за пределы своей — как там это

слово? — физиологии. За пределы своей кроличьей природы. Как он старался стать более совершенной формой жизни, вроде кошек. Как стремился все время быть с ними на равных. Но как раз отсюда все несчастья и вытекали. Котята не желали жить в том гнездышке, которое кролик для них соорудил, а овчарка не знала правил и прихватила его за задницу. Он прожил несколько лет. Но кто бы мог подумать, что кролик разовьется в такую сложную личность? Кстати, когда ты садился на диван, а кролик хотел, чтобы ты слез, он ложился рядом и аккуратно тебя подпихивал. А затем, если ты не пошевеливался, он тебя кусал. Ты только подумай о стремлениях этого кролика и о его крахе. Маленький жизненный подвиг. И ведь все это было безнадежно. Только кролик этого не знал. А быть может, и знал, но все равно пытался. Хотя я думаю, он все-таки не понимал. Ему просто страшно хотелось это делать. Это составляло весь смысл его жизни, потому что он любил кошек.

— А мне казалось, ты не любила животных, — сказал Ясон.

— Больше не любила. После стольких разочарований и крахов. Вроде того кролика. В конечном счете он, естественно, помер. Эмили Фуссельман

рыдала дни напролет. Целую неделю. Я видела, до чего это ее довело, и для себя уже такого не хотела.

— Но перестать любить животных настолько, чтобы…

— Они так мало живут. Так чертовски мало. Да, некоторые люди теряют любимое существо, а потом живут себе как ни в чем не бывало, перенося свою любовь на кого-то другого. Но это больно. Мучительно.

— Тогда чем же так хороша любовь? — На эту тему — и в связи с собственными переживаниями, и с чужими — Ясон задумывался всю свою долгую взрослую жизнь. Сейчас это особенно его интересовало. Из-за всего, что с ним в последнее время случилось, — вплоть до истории про кролика Эмили Фуссельман. В частности — этот болезненный аспект. — Ты кого-то любишь, а от тебя уходят. Однажды приходят домой и начинают паковать вещички. Ты спрашиваешь «что случилось?», а тебе говорят «кое-где еще есть предложение получше». И уходят, навсегда уходят из твоей жизни, а ты до самой смерти носишь в себе этот громадный ломоть любви, который некому отдать. А если и находишь, кому отдать, опять случается то же самое. Или ты звонишь

по телефону и говоришь «это Ясон», а там переспрашивают «кто-кто?», и тут ты понимаешь, что получил по полной программе. Там даже не знают, кто ты, черт побери, такой. И, как мне кажется, никогда и не знали; на самом деле у тебя никого и не было.

— Любовь — это другое, — возразила Рут. — Любовь не означает простое обладание другим человеком подобно тому, как ты желаешь обладать товаром, который видишь в магазине. Тут просто желание и ничего больше. Ты хочешь получить товар, забрать его домой и поставить на какое-нибудь более-менее почетное место. А любовь… — тут она помедлила, размышляя, — любовь — это примерно как если отец выносит своих детей из горящего дома — спасает их и погибает сам. Когда любишь, перестаешь жить ради себя; ты живешь ради другого.

— А хорошо ли это? — Для Ясона это звучало не слишком хорошо.

— Это пересиливает инстинкт. Инстинкт толкает нас к борьбе за существование. Как полов, берущих в кольца все кампусы. К борьбе за наше существование за счет других; каждый из нас когтями прокладывает себе путь наверх. Взять, к примеру, моего двадцать первого мужа, Фрэнка.

Мы были женаты шесть месяцев. Вскоре он перестал меня любить и сделался ужасно несчастным. А я его все еще любила. Я хотела остаться с ним, но видела, что это причиняет ему боль. Тогда я его отпустила. Понимаешь? Так было лучше для Фрэнка. А раз я его любила, то важно было именно это. Понимаешь?

— Но почему так хорошо идти против инстинкта самосохранения? — спросил Ясон.

— А ведь ты сомневаешься, что я смогу объяснить.

— Да, — согласился Ясон.

— Потому что в итоге инстинкт самосохранения все равно проигрывает. Это верно для каждого живого существа — крота, летучей мыши, человека, лягушки. Даже для той лягушки, что курит сигары и играет в шахматы. Ты никогда не сможешь выполнить того, на что тебя толкает инстинкт. Поэтому в итоге все твои усилия приводят к краху. Ты подыхаешь, и тем все кончается. Но если ты любишь, ты можешь растаять и наблюдать…

— Я еще не готов растаять, — заметил Ясон.

— …ты можешь растаять и наблюдать с радостью, с нежным удовлетворением — высшей формой удовлетворения, — как живет дальше

тот, кого ты любишь.

— Но ведь и те, кого любишь, тоже умирают.

— Да, верно. — Рут Рей прикусила нижнюю губу.

— Выходит, лучше не любить. Вот почему у тебя этого и не получается. Даже в отношении домашнего животного — кошки или собаки. Ты же сама заметила — ты их любишь, а они умирают. И если даже смерть кролика… — Тут Ясону явилось жуткое видение: раздробленные кости и окровавленные волосы девушки в пасти смутно видимого врага, грознее любого волкодава.

— Но ты можешь горевать, — сказала Рут, с тревогой вглядываясь в его лицо. — Пойми, Ясон, горе — самое сильное чувство, на какое только способен человек, ребенок или животное. Это очень хорошее чувство.

— В такой паскудной форме? — грубо спросил он.

— Горе заставляет тебя покидать самого себя. Ты вылезаешь из своей тесной маленькой шкурки. И ты не можешь испытывать горе, если перед этим не любил. Горе — конечный исход любви, ибо оно — любовь утраченная. Ты отлично все понимаешь; я вижу, что понимаешь. Но ты просто не желаешь об этом задумываться. Таков

полный, завершенный цикл любви: любить, терять, горевать, уходить, а потом любить снова. Горе, Ясон, это осознание того, что отныне тебе придется остаться одному, а ничего выше этого нет. Ибо одиночество — конечная участь каждого отдельного живого существа. Ведь смерть и есть великое одиночество. Я помню, как-то раз я покурила кальян с марихуаной, а не просто сигарету. Дым был прохладный, и я не поняла, сколько вдохнула. Внезапно я умерла. Совсем ненадолго — наверное, на несколько секунд. Мир пропал. Пропали все ощущения, в том числе и ощущение собственного тела, даже того, что оно вообще есть. И это было совсем по-другому, чем остаться в изоляции в обычном смысле. Потому что когда ты один в обычном смысле, к тебе все равно приходят сенсорные данные, пусть даже только от собственного тела. А тут не было даже тьмы. Все просто исчезло. Безмолвие. Пустота. Одиночество.

— Марихуану, наверное, вымочили в какой-нибудь токсической дряни. Тогда куча народу повыжигала себе мозги.

— Да, мне повезло. Моя голова, по крайней мере, вернулась на место. Странное дело, я и до этого много раз курила марихуану, но ничего

подобного никогда не происходило. Вот почему с тех пор я курю только табак. Короче говоря, это было вроде обморока. Только я не чувствовала, что я туда упаду, потому что мне нечем было падать и некуда. Не было ни тела, ни чего-то вокруг. Все, включая меня, просто… — Рут махнула рукой, — просто испарилось. Как последняя капля из бутылки. А затем, очень скоро, фильм прокрутили в обратную сторону. Полнометражную картину, которую мы зовем реальностью. — Она ненадолго умолкла, затягиваясь своей табачной сигаретой. — Раньше я никому про это не рассказывала.

— Ты испугалась?

Рут кивнула:

— Сознание бессознательного, если ты врубаешься, о чем я. Когда мы на самом деле умираем, мы этого не чувствуем, потому что умирание как раз и есть потеря всего такого прочего. Так что после той неудачной кальянной отключки я совсем не боюсь умирать. А вот горевать — это значит быть живым и мертвым в одно и то же время. Следовательно, это самый полный и совершенный опыт, какой только может быть. Порой я готова поклясться, что мы для такого опыта не были приспособлены. Пройти его — это

уже слишком. Твое тело просто саморазрушается всеми этими импульсами и колебаниями. Но я хочу испытывать горе. Хочу лить слезы.

— Зачем? — Ясон не понимал; с его точки зрения, этого как раз следовало избегать.

— Горе воссоединяет тебя с утраченным, — объяснила Рут. — Это вроде слияния. Ты отправляешься вместе с любимой вещью или существом, которое уходит. Каким-то образом ты расщепляешься и сопровождаешь его, проходя часть пути по его маршруту. Следуешь за ним столько, сколько можешь. Помню, один раз у меня была любимая собака. Насколько я помню, мне тогда было лет семнадцать-восемнадцать — как раз брачный возраст. Пес заболел, и мы отвезли его к ветеринару. Ветеринар сказал, что Хэнк съел крысиный яд, что теперь он просто мешок с кровью и что в следующие двадцать четыре часа выяснится, выживет он или нет. Я отправилась домой и стала ждать, а потом около одиннадцати вечера вырубилась. Ветеринар должен был утром, придя в свою клинику, позвонить мне и сказать, пережил Хэнк ночь или нет. Я встала в полдевятого и постаралась взять себя в руки, ожидая звонка. Пошла в ванную почистить зубы и там, в левом нижнем углу, увидела Хэнка. Он медленно, как-то

очень размеренно и величественно, восходил по незримой лестнице. Я смотрела, как он уходит по диагонали, а затем, так и не остановившись, в правом верхнем углу ванной Хэнк исчез. Он ни разу не оглянулся. Я поняла, что он умер. А потом зазвонил телефон, и ветеринар сказал мне, что Хэнк умер. Но я видела, как он восходил. Конечно, я почувствовала жуткое, всепоглощающее горе. И, когда я его почувствовала, я забылась и последовала за Хэнком. По этой сволочной лестнице.

Какое-то время оба молчали.

— Но в конце концов, — сказала Рут, — горе уходит, и ты постепенно возвращаешься в этот мир. Но уже без любимого существа.

— И ты с этим смиряешься.

— А какой тут, черт побери, выбор? Да, ты плачешь, ты продолжаешь лить слезы, потому что не можешь полностью вернуться оттуда, куда ты с ним ушел. Кусочек твоего пульсирующего, бьющегося сердца по-прежнему там. Самая его малость. Но эта ранка никогда не заживает. И если в твоей жизни это повторяется снова и снова, твоего сердца становится все меньше и меньше. Наконец его становится так мало, что ты больше не способен испытывать горе. А потом ты и сам уже готов умереть. Ты восходишь по наклонной

лестнице, а позади остается кто-то, чтобы горевать о тебе.

— На моем сердце нет никаких ранок, — сказал Ясон.

— Если ты сейчас уберешься, — хрипло, но с необычным для нее спокойствием проговорила Рут, — то именно так все для меня и случится.

— Я останусь до завтра, — сказал Ясон. Раньше завтрашнего утра пол-лаборатория наверняка не разберется, поддельные его УДы или нет.

Интересно, спасла меня Кати, задумался Ясон. Или наоборот — погубила? Толком он этого не знал. Кати, подумал он, которая меня использовала. Которая в свои девятнадцать лет знает больше, чем мы с тобой, Рут, вместе взятые. И больше, чем мы с тобой успеем узнать до того самого времени, когда нас повезут на кладбище.

Как толковый лидер психотерапевтической группы она разнесла его в пух и прах — ради чего? Чтобы воссоздать его заново — сильнее, чем прежде? Ясон и в этом сомневался. Хотя такая возможность оставалась. И о ней не стоило забывать. Ясон испытывал к Кати некое странно-циничное доверие, одновременно и полное, и неубедительное. Одна часть его разума, сама не ведая почему, считала Кати достойной дове-

рия; тогда как другая видела в ней порочную, насквозь продажную потаскуху. И Ясон никак не мог сложить это в единое целое. В голове у него накладывались друг на друга два диаметрально противоположных взгляда на Кати.

Быть может, я смогу разобраться со своими противоположными мнениями о Кати прежде, чем отсюда уйду, подумал Ясон. До утра. Хотя он, наверное, смог бы остаться еще на один день… это, впрочем, было бы напряженно. Какова реальная сила полиции спросил он себя. Насколько хороши эти полы? Они умудрились переврать мою фамилию; достали на меня не то досье. Может ли быть, чтобы они всю дорогу так обсерались? Может. А может и не быть.

Выходило, взаимно противоположные взгляды были у Ясона и на полицию. И тут он не мог ничего решить. И, подобно кролику — кролику Эмили Фуссельман, застыл на месте. Надеясь при этом, что все понимают железное правило: никто не уничтожает существо, которое не знает, что ему делать.

Глава 12

Четыре затянутых в серое пола кучковались под светильником в форме свечи — светильника, сработанного из черной жести и конуса фальшивого огня, трепещущего в ночной тьме.

— Осталось только двое, — почти неслышно сообщил капрал; за него говорили его пальцы, пока он водил ими по спискам квартиросъемщиков. — Некая миссис Рут Гомен в двести одиннадцатой и некий мистер Аллен Муфи в двести двенадцатой. Кого первым?

— Давай этого Муфи, — решил один из серых полов, похлопывая утяжеленной дробью дубинкой себя по ладони, готовый в этом мутном свете закончить всю операцию прямо сейчас, когда развязка оказалась совсем рядом.

— Тогда двести двенадцатая, — сказал капрал и потянулся было к звонку. Но затем передумал и решил попробовать дверную ручку.

Удача. Один шанс из доброго десятка — слабая надежда, но внезапно и очень кстати сбывшаяся. Дверь оказалась незаперта. Знаком призвав всех к молчанию, капрал коротко ухмыльнулся и распахнул дверь.

Полы увидели темную гостиную с расставленными тут и там, даже по полу, пустыми и полупустыми бокалами. И великое разнообразие пепельниц, переполненных смятыми пачками и раздавленными окурками.

Сигаретная оргия, решил капрал. Теперь уже, впрочем, закончившаяся. Все разошлись по домам. Кроме, возможно, мистера Муфи.

Капрал вошел, потыкал туда-сюда фонариком. Наконец высветил им дальнюю дверь в противоположной стене, ведущую в глубь сверхдорогих апартаментов. Ни звука. Ни шевеления. Только смутная и далекая болтовня ток-шоу по радио на минимальном уровне громкости.

Капрал прокрался до дальней двери по ковру, где золотыми нитями изображалось вознесение Ричарда М. Никсона в рай. Вверху — радостное пение, внизу — вопли страдания. Уже у самой двери пол протопал прямо по Богу, который широко улыбался, готовый прижать наконец Своего второго единородного Сына к Своей груди. Капрал распахнул дверь. За ней оказалась спальня.

На большой двуспальной кровати, мягкой как пух, спал голый по пояс мужчина. Вся его одежда была свалена на ближайшее кресло. Мистер Аллен Муфи, без сомнения. Дома и в безопасности.

Да еще на своей собственной двуспальной кровати. Однако… в своей очень личной и удобной постели мистер Муфи был не один. Рядом, закутанйая в пастельных тонов простыни и одеяла, спала, свернувшись клубком, другая неясная фигура. Миссис Муфи, подумал капрал, и с мужским любопытством направил на нее свет.

Аллен Муфи — если это, конечно, был он — тут же заворочался. Открыл глаза. А потом резко сел, в упор глядя на полов. И на свет фонарика.

— Что? — спросил он и захрипел от страха, судорожно выдыхая воздух. — Нет, — вымолвил затем Муфи и что-то схватил с прикроватного столика — бледный и волосатый, он нырнул во тьму за чем-то незримым, но для него драгоценным. Рванулся отчаянно. А затем снова сел прямо, улыбаясь и сжимая в руке добычу. Оказалось — ножницы.

— Это еще зачем? — спросил капрал, направляя луч фонарика на блестящий металл ножниц.

— Я покончу с собой, — выдохнул Муфи. — Если вы не уберетесь и не оставите нас в покое. — Он поднес сомкнутые лезвия ножниц к своей темной от волос груди — к самому сердцу.

— Выходит, это не миссис Муфи, — произнес капрал, возвращая кружок света к закутанной в

простыни, свернувшейся в клубок фигуре. — Что, пара-две трах-трах спасибо-мэм на-раз-групповушка? Превратили шикарную квартирку в номер мотеля? — Подойдя к кровати, капрал ухватил верхнюю простыню с одеялом и дернул их на себя.

В постели рядом с мистером Муфи лежал мальчик — изящный златовласый юнец, совершенно голый.

— Черт меня побери, — пробормотал капрал.

— Ножницы я отобрал, — сообщил ему один из полов. Затем швырнул их на пол рядом с правым ботинком капрала.

Обращаясь к мистеру Муфи, который, дрожа и задыхаясь, с расширенными от страха глазами сидел на постели, капрал спросил:

— Сколько лет мальчику?

Мальчик тоже проснулся; он пристально глядел на вошедших, но не шевелился. Мягкие черты его юного лица ничего не выражали.

— Тринадцать, — умоляюще прокаркал мистер Муфи. — Законный возраст для согласия на половую связь.

— Можешь это доказать? — спросил капрал у мальчика, испытывая острое отвращение. Острое физическое отвращение, от которого его даже

затошнило. Постель была сплошь во влажных пятнах пота и спермы.

— Есть УД, — выдохнул Муфи. — У него в бумажнике. В кармане брюк на кресле.

Один из полов спросил у капрала:

— Ты хочешь сказать, если этому сопляку есть тринадцать, это не преступление?

— Проклятье! — возмущенно выругался другой пол. — Это же очевидное преступление. Да еще извращенное. Берем их обоих.

— Погодите минутку. Ага? — Найдя брюки мальчика, капрал пошарил в кармане, нашел там бумажник и вынул оттуда УД. Все четко. Полных тринадцать лет. — Нет, — сказал капрал, закрывая бумажник и кладя его обратно в карман. Отчасти он все еще наслаждался ситуацией, получая удовольствие от обнаженного срама Муфи, но с каждой секундой все больше возмущаясь трусливым ужасом мужчины, разоблаченного в своем пристрастии. — В новой редакции статьи 640, часть 3 уголовного кодекса устанавливается возраст в двенадцать лет для согласия несовершеннолетнего к вступлению в половой акт либо с другим несовершеннолетним любого пола, либо со взрослым также любого пола, но только с одним сразу.

— Да ведь это скотское извращение! — запротестовал один из полов.

— Это ваше личное мнение, — сразу осмелев, заметил Муфи.

— Так их даже не за что арестовать? Черт побери! Быть такого не может! — настаивали стоявшие рядом полы.

— Из уголовного кодекса систематически убирают все преступления без жертв, — объяснил капрал. — Этот процесс уже десять лет как идет.

— Вот такие? Это что, преступление без жертв?

Капрал обратился к Муфи:

— Что ты находишь в таких мальчуганах? Поведай секрет. Меня всегда интересовали пидоры вроде тебя.

— «Пидоры», — повторил Муфи, недовольно кривясь. — Вот, значит, кто я такой.

— Это просто категория, — пояснил капрал. — Лица, которые охотятся за несовершеннолетними с гомосексуальными целями. Занятие законное, но по-прежнему ненавидимое и презираемое. Так что ты делаешь днем?

— Я продавец подержанных шустрецов.

— А если твои хозяева дознаются что ты пидор, они ведь не захотят, чтобы ты занимался их шустрецами. После того как они узнают, с чем

твои бледные мохнатые лапы имеют дело во внерабочее время. Так, мистер Муфи? Даже продавец подержанных шустрецов не может избавиться от моральной ответственности, если он пидор. Пусть даже эту статью исключили из уголовного кодекса.

— Тут вина моей матери, — сказал Муфи. — Она помыкала моим отцом, а тот был слабохарактерным мужчиной.

— Так сколько мальчуганов ты завлек к себе за последние двенадцать месяцев? — поинтересовался капрал. — Я серьезно. Ведь такие у тебя на одну ночь, верно?

— Я люблю Бена, — пробормотал Муфи, глядя прямо перед собой и едва шевеля губами. — Позднее, когда я окрепну финансово и смогу его обеспечивать, я намерен на нем жениться.

Тогда капрал обратился к мальчику:

— Хочешь, мы тебя отсюда заберем? Вернем назад к родителям?

— Он здесь живет, — слегка ухмыляясь, сказал Муфи.

— Да, я останусь здесь, — угрюмо отозвался мальчик, заметно дрожа. — Черт возьми, вы не вернете мне одеяла? — Он раздраженно потянулся за ними.

— Тоном пониже, — произнес капрал, с усталым видом отодвигаясь. — Проклятье. И такое вычеркнули из кодекса.

— А все, наверное, потому, — начал Муфи, на глазах обретая уверенность по мере того, как полы начали удаляться из его спальни, — что эти старые и разжиревшие маршалы полиции сами балуются детишками и не хотят, чтобы их выслали куда надо. Скандалы им ни к чему. — Его ухмылка переросла в оскорбительный оскал.

— Очень надеюсь, — проговорил капрал, — что в один прекрасный день ты все-таки как-нибудь нарушишь закон и тебя приволокут в участок. В этот самый день я непременно буду на дежурстве. И сам, лично тебя оформлю. — Он смачно откашлялся и харкнул в мистера Муфи. Прямо в его пустую мохнатую физиономию.

Бригада полов бесшумно пересекла гостиную, полную сигаретных окурков, пепла, смятых пачек, ополовиненных бокалов со спиртным, и выбралась в коридор, а оттуда наружу. Захлопнув дверь, капрал передернулся и постоял немного, чувствуя какой-то туман в голове, словно окружавшая его действительность на краткое время куда-то отдалилась. Затем сказал:

— Двести одиннадцатая. Миссис Рут Гомен.

Где этот подозреваемый Тавернер и должен находиться. Если он вообще тут есть. Квартира-то последняя. — Наконец-то, подумал он.

Капрал позвонил во входную дверь квартиры 211. И встал перед ней, держа наготове утяжеленную пластиковую дубинку, внезапно охваченный полным пренебрежением к своей работе.

— Муфи мы уже повидали, — сказал он, обращаясь отчасти к себе. — Теперь посмотрим, что там за миссис Гомен. Как думаете, может, она все-таки получше? Будем надеяться. А то мне на одну ночь уже многовато.

— Все что угодно будет лучше этого Муфи, — мрачно заметил один из стоявших рядом с ним полов. Все они закивали друг другу, переминаясь с ноги на ногу и прислушиваясь к медленным шагам по ту сторону двери.

Глава 13

В гостиной комнате роскошной, недавно отстроенной квартиры Рут Рей в лас-вегасском районе Файрфлеш Ясон Тавернер сказал:

— Я практически уверен, что могу рассчитывать на сорок восемь часов снаружи и на двадцать четыре часа внутри. А стало быть, мне

совершенно незачем прямо сейчас отсюда сматываться. — И если наш новый революционный принцип верен, подумал он, тогда это предположение изменит ситуацию в мою пользу. Я буду в безопасности. ТЕОРИЯ МЕНЯЕТ…

— Я рада, — вяло проговорила Рут, — что так у тебя есть возможность остаться со мной по-цивилизованному. Чтобы нам еще немного поболтать. Хочешь выпить? Может, виски с кока-колой?

ТЕОРИЯ МЕНЯЕТ РЕАЛЬНОСТЬ, КОТОРУЮ ОПИСЫВАЕТ.

— Нет, — отказался Ясон и принялся расхаживать по Истиной, прислушиваясь… сам не зная к чему. Возможно, к отсутствию звуков. Ни телевизионной болтовни, ни топанья ног выше этажом. Даже нигде из квадросистемы не ревел порноаккорд. — Наверное, в этих квартирах чертовски толстые стены, — бросил он Рут.

— Я никогда ничего не слышала.

— А сейчас тебе ничего не кажется странным? Из ряда вон выходящим?

— Нет. — Рут покачала головой.

— Да ты глуха как тетерев, — свирепо произнес Ясон. В обиде и растерянности Рут аж рот разинула. — Я точно знаю, — прохрипел он затем. — Меня уже вычислили. Здесь. В этой

комнате.

И тут позвонили в дверь.

— Д-давай не обращать внимания, — запинаясь от страха, быстро проговорила Рут. — Я просто хочу сидеть здесь и болтать с тобой про все то забавное, что ты в жизни видел. Про то, чего ты хочешь добиться, но пока не добился… — Она умолкла, когда Ясон направился к двери. — Возможно, это мужчина, что живет наверху. Он иногда занимает всякую всячину. Очень странную. Например, ровно две пятых от луковицы.

Ясон открыл дверь. Три пола в серой униформе загородили дверной проход, держа наготове трубострелы и дубинки.

— Мистер Тавернер? — спросил пол с нашивками.

— Да.

— С настоящего момента вы находитесь в предупредительном заключении ради вашей же безопасности и благополучия. Итак, будьте любезны пройти с нами, не оборачиваясь и никоим образом не уклоняясь от физического с нами контакта. Ваша собственность, если здесь таковая имеется, будет впоследствии собрана и передана туда, где вы будете к тому времени находиться.

— Хорошо, — выдохнул Ясон, мало что чув-

ствуя.

Позади него Рут Рей испустила сдавленный крик.

— Вы также, мисс, — сказал пол с нашивками, жестом дубинки приглашая ее подойти.

— Можно мне взять пальто? — робко спросила Рут.

— Идемте. — Ловко проскочив мимо Ясона, пол схватил Рут Рей за руку и быстро выволок ее в коридор.

— Делай, что велят, — грубо кинул ей вслед Ясон.

Рут захныкала.

— Да ведь меня в исправительно-трудовой лагерь посадят.

— Нет, — возразил Ясон. — Тебя, скорее всего, убьют.

— А ты и впрямь славный парень, — прокомментировал его слова один из полов (без нашивок), пока он и его коллеги подгоняли Рут Рей и Ясона вниз по лестнице из сварочного железа к первому этажу. Там, в одной из ниш, был припаркован полицейский фургон. Вокруг фургона, опустив трубострелы, лениво слонялись еще несколько полов. Выглядели они вялыми и уставшими.

— Покажите ваш УД, — велел Ясону пол с нашивками, протягивая руку в ожидании.

— У меня только полицейский пропуск на семь суток, — сказал Ясон. Руки его тряслись; наконец он выудил из кармана пропуск и отдал его полу.

Внимательно изучив пропуск, главный пол сказал:

— Вы свободно, по своей воле признаете, что вы Ясон Тавернер?

— Да, — ответил Ясон.

Двое полов умело обыскали его на предмет оружия. Ясон молча повиновался, по-прежнему мало что чувствуя. В голове сидело только половинчатое и бессмысленное желание сделать то, что ему следовало сделать: убраться прочь. Из Вегаса. Все равно куда.

— Мистер Тавернер, — сказал главный пол. — Полицейское управление Лос-Анджелеса велело нам взять вас в предупредительное заключение ради вашей же безопасности и благополучия и с должными мерами предосторожности целым и невредимым доставить вас в здание Полицейской академии Лос-Анджелеса, что мы теперь и сделаем. Есть ли у вас какие-либо жалобы на то, как с вами обращались?

— Нет, — ответил Ясон. — Пока нет.

— Тогда войдите в заднюю секцию шустрецафургона, — сказал пол, указывая на открытые дверцы.

Ясон так и сделал.

Рут Рей, которую усадили рядом с ним, хныкала себе под нос во тьме, воцарившейся, когда дверцы с шумом захлопнули и заперли. Ясон обнял ее и поцеловал в лоб.

— Что ты такого сделал, — прохрипела она сквозь рыдания своим пропитым голосом, — что нас теперь за это убьют?

Пол, забравшийся вместе с ними в заднюю секцию фургона, но через кабину, сказал:

— Мы не собираемся убивать вас, мисс. Мы просто транспортируем вас обратно в Лос-Анджелес. Только и всего. Успокойтесь.

— Терпеть не могу Лос-Анджелес, — захныкала Рут Рей. — Я там сто лет не была. Ненавижу этот Лос-Анджелес. — Она с диким видом озиралась.

— Я тоже, — сказал пол, запирая дверцу, отделяющую заднюю секцию от кабины, и бросая ключ в щель оставшимся снаружи полам. — Но с этим приходится свыкаться; управление находится именно там.

— Мою квартиру, наверное, теперь на уши поставят, — ныла Рут Рей. — Все перероют, пе-

реломают.

— Все, подчистую, — без выражения произнес Ясон. Теперь у него болела голова. И тошнило. К тому же он страшно устал. — А к кому нас отвезут? К инспектору Макнульти?

— Скорее всего, нет, — словоохотливо отозвался пол, пока шустрец-фургон с шумом поднимался в ночное небо. — Про вас поют в песнях пьющие спиртную отраву и толкуют сидящие у врат. Вот, по их слову, генерал полиции Феликс Бакман и желает вас допросить. — Он пояснил: — Это из Шестьдесят восьмого псалма. Я сижу здесь с вами как Свидетель Иеговы Возрожденного, который в этот самый день и час творит новое небо и новую землю, и прежние уже не будут воспоминаемы и не придут на сердце. Исайя 65,17.

— Генерал полиции? — тупо переспросил Ясон.

— Так говорят, — отозвался усердный молодой пол. — Не знаю, что вы, ребята, натворили, но вы это как надо натворили.

Рут Рей зарыдала во тьме.

— Вся плоть подобна траве, — занудил богобоязненный пол. — Скорее всего — плохой анаше. У нас дитя рождается, нам косяк выпадает. Кривое следует выпрямить, а прямое — забить.

— У тебя сигаретки с марихуаной нет? — спро-

сил его Ясон.

— Нет, уже кончились. — Богобоязненный пол постучал по металлической стенке, отделявшей их от кабины. — Эй, Ральф! Косяк братцу не одолжишь?

— Держи. — Из щели высунулся кусок зеленого рукава и ладонь с мятой пачкой «Голдиса».

— Спасибо, — закуривая, поблагодарил Ясон. — Хочешь штучку? — спросил он затем у Рут Рей.

— Хочу к Бобу, — захныкала женщина. — Хочу к моему мужу.

Ссутулившись, Ясон молча курил и размышлял.

— Не падай духом, — сказал ему из темноты богобоязненный пол.

— А что? — спросил Ясон.

— Исправительно-трудовые лагеря не так уж и плохи. В курсе начальной подготовки нас через один такой пропускали. Там есть душевые, кровати с матрасами, всякие развлечения вроде волейбола; можно даже иметь хобби — заниматься каким-нибудь рукоделием. Например, свечки отливать. Самому, своими руками. А твоя семья посылает тебе передачи. Кроме того, раз в месяц родные или друзья могут тебя навещать. — Он добавил: — А главное, можно молиться в любой

церкви, которую ты выберешь.

— Церковь, которую я выбираю, — не без яду заметил Ясон, — это вольный, открытый мир.

После этого в фургоне воцарилось безмолвие, нарушаемое только шумным тарахтением мотора и всхлипами Рут Рей.

Глава 14

Двадцать минут спустя полицейский шустрец-фургон приземлился на крышу здания Полицейской академии Лос-Анджелеса.

Ясон Тавернер скованно выбрался наружу, огляделся, вдохнув в себя грязный, мглистый от смога воздух, снова увидел над собой тусклую желтизну крупнейшего здания в Северной Америке — и повернулся было помочь вылезти Рут Рей, но богобоязненный и дружелюбный молодой пол уже успел это сделать.

Вокруг уже собралась группка лос-анджелесских полов, заинтересованно их разглядывая. Все они были с виду веселыми, безмятежными и любознательными. Не усмотрев в них никакой злобности, Ясон подумал: «Когда они тебя уже взяли, они добрые. Вот когда они еще только ловят тебя в свои сети, они злые и жестокие. Потому

что тогда у тебя остается шанс улизнуть. А здесь, сейчас такой шанс потерян».

— Суицидных попыток не было? — спросил у богобоязненного пола лос-анджелесский сержант.

— Никак нет, сэр.

Вот, стало быть, зачем он там с ними торчал.

Ясону такое даже в голову не приходило. Рут Рей, скорее всего, тоже… Хотя, пожалуй, скользнула мысль о чем-то таком мрачном, бессмысленном — но именно что скользнула.

— Порядок, — сказал сержант лас-вегасской пол-бригаде. — Отныне забота о двух подозреваемых официально ложится на нас.

Лас-вегасские полы попрыгали в свой фургон. Вскоре он шумно взвился в ночное небо, направляясь обратно в Неваду.

— Прошу сюда, — сказал сержант и сделал резкий жест в сторону сфинктера спускной трубы. Лос-анджелесские полы казались Ясону несколько крупнее и старше, несколько грубее лас-вегасских. Хотя, скорее всего, тут работало только его воображение; это означало нарастание лишь его собственного страха.

Что же ты скажешь полицейскому генералу, задумался Ясон. Особенно когда все твои теории

и объяснения на собственный счет уже свое отработали, когда ты ничего не знаешь, ни во что не веришь, а все остальное как в тумане. А, черт с ним со всем, устало решил он, практически бестелесно падая по трубе вместе с полами и Рут Рей.

На четырнадцатом этаже они вышли из трубы.

Лицом к ним стоял хорошо одетый мужчина в очках без оправы, с перекинутым через руку плащом, в кожаных полуботинках с острыми носками и, как подметил Ясон, с двумя золотыми коронками на зубах. Мужчина, прикинул он, где-то на шестом десятке. Высокий, седовласый, осанистый мужчина с неподдельно-приветливым выражением на безупречных пропорций лице аристократа. Он не был похож на пола.

— Вы Ясон Тавернер? — осведомился мужчина. Затем протянул руку; Ясон машинально ее пожал. Обращаясь к Рут, генерал полиции сказал: — Вы можете отправляться вниз. С вами мы побеседуем позже. А прямо сейчас я хотел бы поговорить с мистером Тавернером.

Полы увели Рут; уже ее не видя, Ясон все еще слышал ее нытье. Теперь он оказался лицом к лицу с генералом полиции и больше ни с кем. Рядом не было даже охранника.

— Меня зовут Феликс Бакман, — представился

генерал полиции. Затем указал на открытую дверь и коридор за нею. — Пройдемте в кабинет. — Разворачиваясь, он пропустил Ясона вперед — в обширную анфиладу комнат с серо-голубого пастельного тона стенами. Ясон вздрогнул: никогда он не представлял себе полицейское агентство таким. Ему даже в голову не приходило, что такое вообще где-то существует.

Считанные секунды спустя озадаченный Ясон уже сидел в кресле натуральной кожи, что обтягивала мягчайший стирофлекс. Бакман, однако, не уселся за свой почти до неуклюжести массивный дубовый стол с тяжеленной столешницей; вместо этого он завозился у платяного шкафа, убирая туда плащ.

— Я намеревался встретить вас на крыше, — объяснил он. — Но этот ветер «сантана» в ночные часы дует там как зверь. Это вредно для моих гайморовых пазух. — Затем генерал полиции повернулся лицом к Ясону. — Я замечаю в вашем лице кое-что, чего не видно на четырехмерном фото. Такого там никогда не видно. Лично меня это всегда изумляло. Ведь вы секст, не правда ли?

Мгновенно сменяя удивление настороженностью, Ясон, привставая в кресле, заметил:

— А ведь вы тоже секст, генерал, разве не так?

Широко улыбаясь и демонстрируя тем самым дорогой анахронизм — свои золотые коронки, Феликс Бакман показал Ясону семь пальцев.

Глава 15

В своей карьере полицейского чиновника Феликс Бакман использовал эту уловку всякий раз, как встречался с секстом. В особенности он полагался на нее в подобных случаях — когда встреча оказывалась внезапной. Всего такое случалось четырежды. И все в итоге ему верили. Сексты, будучи сами продуктами евгенических экспериментов, причем тайных, оказывались необычно доверчивы, сталкиваясь с утверждением, что существует другой сходный проект, столь же секретный, как и их собственный.

Без этой уловки он оставался бы для секста всего лишь «нормалом». А в такой невыигрышной ситуации Бакман не смог бы допросить секста как полагается. Следовательно, приходилось идти на хитрость. Благодаря ей позиция Бакмана по отношению к сексту инвертировалась. И в таких искусственно созданных условиях он мог успешно допрашивать человеческое существо, в

обычных условиях ему неподвластное.

Реальное психологическое превосходство, которым сексты над Бакманом обладали, устранялось одним этим нереальным фактом. И ему очень такое нравилось.

Однажды, в минуту отдыха, он сказал Алайс:

— Я могу дурачить секста минут десять-пятнадцать. А вот дальше… — Бакман выразительно смял пачку сигарет с черного рынка. С двумя сигаретами внутри. — Дальше их непомерно усиленное поле берет верх. Мне нужен только рычаг, при помощи которого я вскрою их проклятые надменные мозги. — И в конце концов он такой рычаг нашел.

— А почему «септ»? — спросила тогда Алайс. — Почему ты берешь семерку? Раз уж ты все равно их дуришь, почему не сказать восемь или тридцать восемь?

— Тщеславие грешно. Нельзя заходить слишком далеко. — Бакман не желал допускать эту легендарную ошибку. — Я буду говорить им то, — хмуро добавил он, — во что они, на мой взгляд, поверят.

— Они тебе не поверят, — сказала Алайс.

— Да нет же, черт побери, поверят! — воскликнул Бакман. — Это составляет их тайный страх,

их bete noire. Они шестые по счету в ряду реконструкционных систем ДНК и понимают — если это можно было проделать с ними, это можно было проделать и с другими, причем на более развитом уровне.

Алайс, не особенно всем этим заинтересованная, еле слышно тогда произнесла:

— Тебе бы мыло по телевизору рекламировать. — И это зафиксировало всю полноту ее реакции. Если Алайс было на что-то наплевать, это что-то просто прекращало для нее свое существование. Вероятно, ей не следовало так уж от всего отмахиваться… ибо рано или поздно, подумал Бакман, приходит расплата: реальность отвергнутая возвращается, чтобы преследовать человека. Чтобы без всякого предупреждения брать над ним верх и сводить его с ума.

И Алайс, как не раз думал Бакман, была в каком-то необычно клиническом смысле патологична.

Он чувствовал это, но никак не мог ухватить самую суть. Впрочем, многие его предчувствия были примерно такими же. И Бакмана это не раздражало, раз он любил Алайс. Бакман знал, что он прав.

Теперь же, стоя лицом к лицу с Ясоном Тавернером, секстом, он принялся развивать свою

уловку.

— Нас было совсем немного, — сказал Бакман, усаживаясь наконец за свой массивный дубовый стол. — Всего четверо. Один уже умер, так что осталось трое. Понятия не имею, где они. Мы еще меньше контактируем между собой, чем вы, сексты. А вы очень редко контактируете.

— Кто был вашим мутером? — спросил Ясон.

— Дилл-Темко. Как и у вас. Он провел группы с пятой по седьмую, а затем уволился. Теперь же он, как вы наверняка знаете, уже мертв.

— Да, — сказал Ясон. — Это нас всех потрясло.

— Нас тоже, — самым мрачным своим тоном отозвался Бакман. — Дилл-Темко был нашим родителем. Нашим единственным родителем. А вы знали, что перед самой смертью он начал развивать планы для восьмой группы?

— Интересно, какими бы они были.

— Это знал только сам Дилл-Темко, — сказал Бакман и сразу почувствовал, как его превосходство над противостоящим ему секстом возросло. И все же — какой хрупкой была эта психологическая грань. Одно неверное замечание, одно лишнее слово — и все превосходство исчезнет. А, раз утраченное, его уже было бы не восстановить.

Безусловно, Бакман шел на риск. Но ему это нравилось. Ему всегда нравилось заключать странные пари, играть в азартные игры в темноте. В такие минуты его переполняло ощущение незаурядности своих способностей. И Бакман не считал это воображаемым — даже несмотря на то, что о нем сказал бы секст, знающий, что он нормал. Это его нисколько не волновало.

Коснувшись кнопки на столе, Бакман сказал:

— Пегги, принесите нам, пожалуйста, кофейник, крем и все остальное. — Затем он с заученной небрежностью откинулся на спинку кресла. И стал пристально разглядывать Ясона Тавернера.

Любой, кто хоть однажды встречался с секстом, сразу узнал бы Тавернера. Массивный торс, сильные плечи и спина. Мощная как таран голова. Однако большинство нормалов не стали по своей воле вступать в единоборство с секстом. У них не было его опыта. А также его тщательно синтезированного знания о них.

Бакман как-то сказал Алайс:

— Они никогда не возьмут верх и не станут заправлять моим миром.

— Нет у тебя никакого мира. У тебя есть только твой кабинет.

Тут Бакман прекратил дискуссию.

— Скажите, мистер Тавернер, — напрямую спросил он, — как вам удалось изъять все документы, УДы, микрофильмы и даже полные досье из банков данных по всей планете? Я пытался представить себе, как такое можно проделать, но у меня ничего не вышло. — Сосредоточив внимание на обаятельном, хотя и стареющем лице секста, Бакман стал ждать.

Глава 16

Что мне ему сказать, спросил себя Ясон Тавернер, сидя лицом к лицу с генералом полиции. Полную реальность, как я ее себе представляю? Это крайне затруднительно, тут же сообразил он, поскольку я и сам смутно ее себе представляю.

Но быть может, септу как раз удастся во всем разобраться. Один бог знает, на что он способен. Я отважусь, решил Ясон, на полное объяснение.

Но стоило ему только начать рассказ, как что-то заблокировало его речь. Я не хочу ничего ему рассказывать, понял Ясон. Нет даже теоретического предела тому, что Бакман может со мной сделать. У него есть звание генерала, его власть, а кроме того, он септ… и только небо, может статься, ему предел. Хотя ради самосохранения я должен опе-

рировать этим предположением.

— Тот факт, что вы секст, — после недолгого молчания начал Бакман, — представляет все дело в ином свете. Ведь вы действуете заодно с другими сектами, не так ли? — Он не сводил пристального взгляда с лица Ясона; от этого Ясон почувствовал неудобство и смущение. — Насколько я понимаю, — продолжил Бакман, — мы здесь имеем первое доказательство того, что сексты…

— Нет, — перебил Ясон.

— Нет? — Бакман продолжал бурить его взглядом. — Вы не поддерживаете связи с другими сектами?

— Я знаю еще только одного секста, — сказал Ясон. — Это Хильда Харт, певица. А она считает меня фанатом-аферистом. — Он с горечью выдавил из себя эти слова.

Эта информация заинтересовала Бакмана — он не знал, что известная певица Хильда Харт — тоже секст. Однако, по зрелому размышлению, это показалось разумным. Тем не менее за всю свою карьеру Бакману не приходилось сталкиваться с женщиной-сектом; просто его контакты с ними были не столь часты.

— Если мисс Харт — тоже секст, — вслух сказал

Бакман, — ее, пожалуй, стоит пригласить сюда для беседы. — Полицейский эвфемизм легко слетел с его языка.

— Валяйте, — отозвался Ясон. — Пропустите ее через отжим. — Его тон вдруг сделался свирепым: — Возьмите ее за задницу. Посадите в исправительно-трудовой лагерь.

Не очень-то вы, сексты, сказал себе Бакман, преданы друг другу. Он уже не раз с этим сталкивался, но это всякий раз его поражало. Элитная группа, выведенная из высших аристократических кругов с тем, чтобы определять и поддерживать сильных мира сего, на практике обратилась в ничто, раз ее члены терпеть не могли общество друг друга. Про себя Бакман расхохотался, но на лице у него выразилась лишь слабая улыбка.

— Что, вам смешно? — спросил Ясон. — Вы мне не верите?

— Это неважно. — Вынув из ящичка в столе коробку сигар «Куэста-рей», Бакман маленьким ножичком отрезал кончик одной из них. Стальным ножичком, изготовленным исключительно для такой цели.

По ту сторону стола за ним завороженно наблюдал Ясон Тавернер.

— Не желаете? — осведомился Бакман, протя-

гивая коробку Ясону.

— Никогда не курил хороших сигар, — сказал Ясон. — Если выяснится, что я…

— Выяснится? — переспросил Бакман. — Для кого? Для полиции?

Ясон не ответил. Он сжал кулаки, с трудом сдерживая дыхание.

— Есть какая-нибудь сфера, где вы хорошо известны? — спросил Бакман. — К примеру, среди интеллектуалов, сидящих в исправительно-трудовых лагерях. Знаете, тех, что распространяют мимеографированные рукописи.

— Нет, — сказал Ясон.

— Значит, в музыкальной сфере?

— Уже нет, — напряженно ответил Ясон.

— А записи вы хоть какие-то выпускали?

— Не здесь.

Бакман по-прежнему не спускал с него немигающих глаз; за долгие годы он развил в себе эту способность.

— Тогда где? — тихонько поинтересовался он, едва выходя за порог слышимости. Именно такой голос теперь ему и требовался — этот тон убаюкивал, мешал распознавать значение слов.

Но Ясон Тавернер не попался на удочку; он просто не сумел откликнуться. Черт бы побрал этих

ублюдочных секстов, с гневом подумал Бакман. Причем с гневом в основном на себя. «Не могу я играть во всякие вонючие игры с секстами. Ни черта не выходит. Теперь он в любой момент может отменить у себя в голове мою претензию на высшее генетическое наследство».

Бакман нажал кнопку интеркома.

— Пусть сюда доставят Катарину Нельсон, — проинструктировал он Герба Майма. — Полицейского информатора из округа Уотте, из этого в прошлом черного района. Пожалуй, мне следует с ней переговорить.

— Есть. Будет через полчаса.

— Спасибо.

— Ее-то зачем в это втягивать? — хрипло спросил Ясон Тавернер.

— Она подделала ваши документы.

— Она знает про меня только то, что я велел ей занести в мои УДы.

— И это была сплошная ложь?

После краткой паузы Ясон отрицательно помотал головой.

— Стало быть, вы все-таки существуете.

— Да, но… не здесь.

— А где?

— Не знаю.

— Тогда расскажите мне, как вам удалось изъять те данные из всех банков.

— Я никогда этого не делал.

Услышав эти слова, Бакман ощутил, как его переполнило чудовищное предчувствие — словно бы сжало стальными лапами.

— Вы не изымали данные из банков. Вы пытались туда их вложить. Там с самого начала не было никаких данных.

Наконец Ясон Тавернер кивнул.

— Хорошо, — сказал Бакман, чувствуя, как у него внутри затеплилась радость открытия. — Вы ничего не вынимали. Но ведь есть причина, по которой там с самого начала не было данных. Почему их там не было? Вы знаете?

— Знаю, — отозвался Ясон Тавернер, глядя прямо перед собой; лицо его напоминало кривое зеркало. — Потому что я не существую.

— Но ведь когда-то вы существовали.

— Да, — с болью и неохотой подтвердил Тавернер.

— Где?

— Не знаю!

Вот так всегда, подумал Бакман. Не знаю. Впрочем, возможно, он на самом деле не знает. Но ведь пробрался же он из Лос-Анджелеса в Вегас;

подцепил ту тощую и морщинистую шлюху, которую вегасские полы загрузили вместе с ним в фургон. Как знать, подумал он, может, я у нее что-то выясню. Хотя интуиция подсказывала ему обратное.

— Вы уже пообедали? — поинтересовался Бакман.

— Да, — ответил Ясон Тавернер.

— Тогда хотя бы составьте мне компанию. Сейчас я распоряжусь, чтобы нам что-нибудь принесли. — Он снова нажал кнопку интеркома. — Пегги, уже так поздно. но вы все-таки доставьте нам два завтрака из того нового местечка дальше по улице. Не из того, куда мы обычно ходили, а из недавно открывшегося где на вывеске собака с головой девушки. «У Барфи» называется.

— Слушаюсь, мистер Бакман, — сказала Пегги и повесила трубку.

— Почему вас здесь не зовут генералом? — спросил Ясон Тавернер.

— Когда меня зовут генералом, — объяснил Бакман, — я чувствую, что мне следовало бы написать книгу о том, как вторгнуться во Францию, в то же время оставаясь в стороне от войны на два фронта.

— Значит, вы просто «мистер».

— Именно.

— И начальство вам позволило?

— Для меня, — сказал Бакман, — не существует такой вещи, как «начальство». Если не считать нескольких полицейских маршалов, разбросанных по всему миру. А они также предпочитают, чтобы их звали мистерами. — И как бы им хотелось еще понизить меня в должности. За все, что я сделал.

— Но ведь есть еще министр обороны.

— Министр меня никогда не видел, — сказал Бакман. — И никогда не увидит. Не увидит он и вас, мистер Тавернер. Вас, впрочем, никто не может увидеть, раз уж, как вы сами сказали, вы не существуете.

Вскоре пол-женщина в серой униформе вошла в кабинет, неся перед собой поднос с пищей.

— Здесь то, что вы обычно заказываете ночью, — сказала она, ставя поднос на стол перед Бакманом. — Одна малая порция горячего с добавочной порцией грудинки; одна малая порция горячего с добавочной порцией сосисок.

— Что вы предпочитаете? — спросил Бакман у Ясона Тавернера.

— А сосиски хорошо приготовлены? — спросил

Ясон Тавернер, внимательно приглядываясь к тарелке. — Вроде бы да. Пожалуй, я возьму сосиски.

— Тогда десять долларов и один золотой пятак, — сказала пол-женщина. — Кто из вас будет расплачиваться?

Порывшись в карманах, Бакман вытащил оттуда банкноты и мелочь.

— Благодарю вас, — сказал он. Женщина удалилась. — У вас есть дети? — спросил он затем у Тавернера.

— Нет.

— А у меня есть ребенок, — сказал генерал Бакман. — Сейчас я покажу вам небольшое трехмерное фото. Совсем недавно получил. — Он полез к себе в стол и достал оттуда пульсирующий квадратик трехмерных, но неподвижных цветов. Ясон взял фотографию, поднес ее под нужным углом к свету — и увидел статичную фигуру босоногого мальчугана в шортах и свитере. Мальчик бежал по полю, волоча за леску воздушного змея. Как и у генерала полиции, у мальчика были короткие светлые волосы, а также впечатляющие своей мощью и шириной скулы.

— Замечательно, — сказал Ясон. И вернул фотографию.

— Он так и не смог поднять змея с земли, — продолжил Бакман. — Наверное, еще слишком мал. Или боится. У нашего мальчугана куча тревог. Думаю, это оттого, что он редко видится со мной и со своей матерью. Он живет в интернате во Флориде, а мы здесь. Это, конечно, не к добру. Так вы говорите, у вас нет детей?

— Насколько мне известно, — сказал Ясон.

— Насколько вам известно? — Бакман поднял одну бровь. — Вы, стало быть, не вдавались в подробности. Никогда не пытались выяснить? А знаете ли вы, что по закону отец обязан обеспечивать своих детей — как в браке, так и вне брака?

Ясон кивнул.

— Ладно, — сказал генерал Бакман, убирая фотографию обратно в стол. — Каждому свое. Но подумайте только, что вы упустили в вашей жизни. Неужели вы никогда не любили ребенка? Это вредит вашему сердцу, самому потаенному вашему органу, откуда к вам запросто может прийти смерть.

— Я об этом не знал, — сказал Ясон.

— Да-да, конечно. Моя жена говорит, что можно забыть про любой вид любви, кроме той, которую испытываешь к детям. Причем эта любовь идет только в одну сторону и никогда не обращается

вспять. И если между вами и ребенком что-то случается — например, смерть или такое страшное бедствие, как развод, — вам уже никогда до конца не оправиться.

— Но тогда, черт возьми… — Ясон качнул нанизанной на вилку сосиской, — тогда лучше бы такой вид любви вовсе не испытывать.

— Не согласен, — возразил Бакман. — Любить всегда следует. И в особенности ребенка, потому что это самая сильная форма любви.

— Вижу, — отозвался Ясон.

— Ничего вы не видите. Сексты никогда не видят; они просто неспособны понять. Тут и говорить не о чем.

С хмурым видом Бакман принялся шелестеть кипой бумаг у себя на столе, раздраженный и озадаченный. Впрочем, постепенно он успокоился, снова обрел холодную уверенность в себе. Хотя и никак не мог понять позиции Ясона Тавернера. Для Бакмана его ребенок обладал абсолютной ценностью. Любовь к нему, а также, разумеется, к его матери составляла стержень всей его жизни.

Какое-то время они ели молча — словно соединявший их мост вдруг куда-то исчез.

— В этом здании есть кафетерий, — сказал наконец Бакман, допив бокал поддельного «та-

на». — Но еда там отравленная. Наверное, у всей прислуги родственники в исправительно-трудовых лагерях. Вот они на нас и отыгрываются. — Он рассмеялся. А Ясон Тавернер — нет. — Вот что, мистер Тавернер, — продолжил Бакман, аккуратно вытирая губы салфеткой. — Я намерен вас отпустить. Я вас не удерживаю.

Тупо воззрившись на него, Ясон спросил:

— Почему?

— Потому что вы ничего такого не совершили.

— А получение поддельных УДов? — хрипло спросил Ясон. — Это разве не преступление?

— У меня есть полномочия отменять обвинение в любом преступлении по моему усмотрению, — сказал Бакман. — Я считаю, что вас к тому принудила некая ситуация, в которой вы оказались. Рассказывать про эту ситуацию вы не желаете, но я и так уже имею о ней смутное представление.

— Спасибо, — после некоторой паузы произнес Ясон.

— Однако, — продолжил Бакман, — за вами будет вестись электронная слежка, куда бы вы ни пошли. Вы нигде не останетесь в одиночестве, если не считать ваших мыслей в вашей собственной голове. А возможно, даже и их. Каждый, с кем вы вступите в контакт, кого вы коснетесь

и с кем познакомитесь, будет в конечном итоге доставлен сюда на допрос, подобно тому как очень скоро сюда доставят эту Катарину Нельсон. — Бакман подался вперед говоря медленно и настойчиво — так, чтобы Тавернер услышал и понял. — По-моему, вы сами неспособны разобраться в собственной ситуации. Однако… — тут он заметно повысил голос, — рано или поздно вы поймете, в чем тут дело. Когда это случится, мы хотим быть начеку. Итак, мы постоянно будем находиться рядом с вами. Как по-вашему, справедливо?

Ясон Тавернер встал.

— Интересно, вы, септы, все так мыслите?

— Как «так»?

— Принимаете сильные, энергичные, немедленные решения. Как вы сейчас. То, как вы задаете вопросы, как слушаете — черт возьми, как же вы умеете слушать! — а потом резко меняете точку зрения.

— Не знаю, — откровенно ответил Бакман. — Я очень мало общался с другими септами.

— Спасибо, — поблагодарил Ясон и протянул руку. Бакман ее пожал. — Спасибо за угощение. — Теперь он был с виду спокоен. Держал себя в руках. И чувствовал сильное облегчение. — Я

что, так просто отсюда выйду? Как мне попасть на улицу?

— Нам придется задержать вас до утра, — сказал Бакман. — Такова обычная процедура — подозреваемых никогда не выпускают ночью. Слишком уж много всего происходит на улицах после того, как стемнеет. Мы предоставим вам койку и комнату. Спать вам придется в вашей одежде. Сейчас я дам указание Пегги, чтобы в восемь утра она выпустила вас на улицу. — Нажав кнопку интеркома, Бакман произнес: — Пег, возьмите пока что мастера Тавернера под стражу. Выпустите его ровно в восемь утра. Вы поняли?

— Да, мистер Бакман.

Затем, разводя руками и улыбаясь, генерал Бакман сказал:

— Вот так. И ничего больше.

Глава 17

— Мистер Тавернер, — настойчиво говорила Пегги. — Пройдемте со мной. Оденьтесь и следуйте за мной во внешний кабинет. Я подожду вас там. Просто пройдите через бело-голубые двери.

Стоя рядом, генерал Бакман прислушивался к голосу девушки; свежий и приятный, этот голос

ему нравился. Бакман догадывался, что те же чувства испытывает и Тавернер.

— Вот еще что, — сказал Бакман, останавливая небрежно одетого, сонного Тавернера, когда тот направился было к бело-голубым дверям. — Я не смогу заново оформить ваш полицейский пропуск, если кто-то его аннулирует. Понимаете? Следовательно, вам нужно в точном соответствии с буквой закона обратиться к нам за полным набором УДов. Это будет означать интенсивный допрос, однако… — он похлопал Ясона Тавернера по плечу, — сексту не так уж сложно его пройти.

— Хорошо, — кивнул Ясон Тавернер. Затем он вышел из кабинета, затворяя за собой бело-голубые двери.

Нажав кнопку интеркома, Бакман сказал:

— Герб, проследите, чтобы на него поставили как микропередатчик, так и восьмидесятую боеголовку гетеро-статического класса. Так, чтобы мы могли следить за ним и в любой момент его уничтожить.

— Голосовой жучок тоже поставить?

— Да. Если сможете незаметно забраться к нему в глотку.

— Я велю Пег это проделать, — сказал Герб и отключился.

Интересно, мог еще кто-нибудь, скажем между мной и Макнульти, извлечь еще какую-нибудь информацию, спросил себя Бакман. Нет, решил он. Потому что этот человек и сам толком ничего не знает. Нам следует просто дождаться, пока он поймет, что и как, и быть рядом с ним, физически или электронно, когда это случится. Собственно говоря, именно это я ему и сказал.

Однако меня по-прежнему тревожит возможность столкнуться с секстами, действующими как единая группа, несмотря на их обычную враждебность друг к другу.

Снова нажав кнопку интеркома, Бакман сказал:

— Герб, организуйте круглосуточное наблюдение за этой поп-певичкой Хильдой Харт, или как там ее зовут. И добудьте из Центрального Банка досье на всех, кого зовут секстами. Понимаете?

— А досье на них как-то помечены? — спросил Герб.

— Возможно, что нет, — с ужасом сказал Бакман. — Весьма вероятно, что десять лет назад это никому не пришло в голову. Десять лет назад, когда был жив Дилл-Темко, когда он еще задумывал произвести на свет новые и все более причудливые формы жизни. — Вроде нас, септов,

иронично подумал он. — Тогда определенно не брали в расчет нынешние времена, когда секты оказались негодны с политической точки зрения. Вы согласны?

— Согласен, — отозвался Герб, — но все равно попытаюсь.

— Если в досье есть пометки, — сказал Бакман, — нужно, чтобы за всеми сектами было установлено круглосуточное наблюдение. И даже если мы не сможем откопать всех до единого, необходимо приставить хвосты к тем, кого мы знаем.

— Будет сделано, мистер Бакман. — И Герб отключил интерком.

Глава 18

— До свидания и удачи вам, мистер Тавернер, — сказала Ясону пол-цыпочка по имени Пег у входа в серую громаду академии.

— Спасибо, — поблагодарил Ясон. И с удовольствием набрал полные легкие утреннего воздуха, пусть даже загрязненного смогом. Я выкарабкался, сказал он себе. Полы могли повесить на меня тысячу обвинений, но этого не сделали.

Откуда-то сбоку послышался хриплый жен-

ский голос.

— Ну, что дальше, малыш?

Ни разу во взрослой жизни Ясона не звали малышом; ростом он был под два метра. Повернувшись, он собрался было что-то сказать, но затем разглядел обратившееся к нему существо.

Ростом эта девушка была полных метр восемьдесят — тут они были примерно равны. Однако по контрасту с ним она носила черные брюки в обтяжку, красную кожаную куртку с бахромой-кисточками, серьги-обручи и цепь вместо пояса. А еще — сапожки на «гвоздиках». Боже милостивый, подумал Ясон. Интересно, где у нее кнут.

— Вы ко мне обращаетесь? — спросил он.

— Ага. — Девушка улыбнулась, показывая зубы, украшенные золотыми знаками зодиака. — До того, как ты оттуда вышел, на тебя повесили три разные штуковины. Думаю, тебе следует знать.

— Я и так знаю, — сказал Ясон, недоумевая, кто она такая.

— Одна из этих штуковин, — продолжила девушка, — миниатюрная водородная бомба. Она может детонировать по радиосигналу, выпущенному из этого здания. Об этом ты тоже знал?

— Нет, — после короткой паузы ответил Ясон. — Об этом я не знал.

— Вот так он обделывает свои делишки, — сказала Девушка. — Мой брат. Он так культурно с тобой треплется, так мило и задушевно. А потом приказывает одному из своих сотрудников — их у него целый штат — развесить на тебе всякую дрянь, прежде чем ты выйдешь из этого здания.

— Твой брат, — повторил Ясон. — Генерал Бакман. — Теперь он подметил сходство между ними. Тонкий удлиненный нос, высокие скулы, шея как на портретах Модильяни, очень красивая. Ничего не скажешь, благородная внешность. И сам генерал, и его сестра произвели на Ясона впечатление.

Но ведь она тоже должна быть септом, сказал он себе. И снова почувствовал, как его охватывает настороженность, аж волоски на загривке встали дыбом.

— Я сниму с тебя эту гадость, — сказала девушка, по-прежнему улыбаясь златозубой улыбкой генерала Бакмана.

— Хорошо бы, — отозвался Ясон.

— Пойдем ко мне в шустрец. — Она легко тронулась с места.

Ясон неловко поплелся следом.

Считанные секунды спустя они уже сидели на передних ковшеобразных сиденьях ее шустреца.

— Меня зовут Алайс, — сказала девушка.

— А меня Ясон Тавернер, — сказал Ясон. — Певец и телеведущий.

— Правда? Не смотрела телевизор с тех пор, как мне стукнуло девять.

— Ты мало что потеряла, — сказал Ясон, сам не понимая, есть в его словах ирония или нет. Откровенно говоря, подумал он, я слишком устал, чтобы еще и в этом разбираться.

— Эта бомба размером с зернышко, — сказала Алайс. — И она, подобно клещу, внедрена тебе под кожу. Как правило, даже если ты знаешь, что тебе ее вделали, все равно не можешь ее найти. Но я кое-что позаимствовала из академии. Вот это. — Она показала ему продолговатую трубочку. — Эта штука светится, когда проводишь ею над бомбой-зернышком. — И Алайс тут же взялась за дело, ловко и почти профессионально водя трубочкой по его телу.

У левой кисти трубочка засветилась.

— У меня есть и аптечка, при помощи которой удаляют бомбу-зернышко, — сказала Алайс. Из своей почтальонской сумочки она вынула неглубокую коробку, которую тут же открыла. — Чем раньше ее из тебя вырезать, тем лучше, — добавила она, вынимая из аптечки небольшой

скальпель.

Минуты две Алайс умело резала, одновременно распыляя на ранку обезболивающий состав. Наконец бомба оказалась у нее на ладони. Действительно размером с зернышко.

— Спасибо, — поблагодарил Ясон. — Спасибо, что вынула из моей лапы занозу.

Алайс весело рассмеялась затем положила скальпель обратно в аптечку, закрыла коробку и вернула ее в свою немалых размеров сумочку.

— Понимаешь, — сказала она затем, — сам он никогда этим не занимается; всегда поручает грязную работу одному из своих сотрудников. Так, чтобы самому оставаться со своей этикой и моралью в стороне, как будто это его не касается. Пожалуй, именно это я больше всего в нем ненавижу. — Алайс задумалась. — Я правда его ненавижу.

— А еще что-нибудь ты можешь из меня вырезать? — поинтересовался Ясон.

— Тебе пытались вставить в горло голосовой жучок. Пег пыталась, она у них в этом деле эксперт. Но я сомневаюсь, что ей удалось его закрепить. — Алайс внимательно осмотрела его шею. — Нет, он не пристал — отвалился. Вот и славно. Это само собой отпало. А вот микропере-

датчик где-то на тебе точно есть; нам понадобится строб, чтобы засечь его поток. — Порывшись в бардачке шустреца, она вытащила оттуда строб-диск, питающийся от батарейки. — Думаю, я смогу его найти, — сказала она, включая диск.

Микропередатчик оказался размещен в обшлаге левого рукава. Алайс просто проткнула его булавкой — и дело было сделано.

— Есть что-нибудь еще? — спросил Ясон.

— Возможно, миникам. Такая малюсенькая камера, передающая ТВ-изображение на мониторы академии. Но я сомневаюсь, что ее на тебя приладили; пожалуй, миникам можно без особого риска выбросить из головы. — Затем Алайс повернулась к Ясону и принялась внимательно его разглядывать. — Кто ты? — спросила она. — Так, между прочим.

— Неличность, — ответил Ясон.

— Что это значит?

— Это значит, что я не существую.

— Телесно?

— Не знаю, — откровенно признался Ясон. Быть может, подумал он, если б я был чуть откровенней с ее братцем, генералом полиции, тогда, может статься, что-нибудь бы и выяснилось. В конце концов, Феликс Бакман был септом. Что бы

это ни значило.

Но и без лишних откровений Бакман двигался в верном направлении, он много чего сумел раскопать. И за очень короткое время — период между полночным завтраком и сигарой.

— Итак, ты Ясон Тавернер, — сказала девушка. — Человек, которого Макнульти пытался раскусить и не смог. Человек, на которого во всем мире нет никаких данных. Ни свидетельства о рождении, ни школьных регистрации, ни…

— Откуда ты все это знаешь? — перебил Ясон.

— Я просмотрела рапорт Макнульти, — жизнерадостно ответила Алайс. — В кабинете у Феликса. Рапорт меня заинтересовал.

— Тогда почему ты спрашиваешь, кто я такой?

— Мне интересно, знаешь ты или нет, — сказала Алайс. — Мнение Макнульти я уже выяснила; теперь меня интересует твой взгляд. Точка зрения противоположной стороны, как они это называют.

— Мне нечего добавить к тому, что знает Макнульти, — сказал Ясон.

— Неправда. — Теперь Алайс расспрашивала его абсолютно в той же манере, что и совсем недавно ее брат. Негромкий, непринужденный тон — словно они обсуждали нечто совсем обы-

денное. Полная сосредоточенность взгляда на лице. Изящные движения рук и ладоней — как будто, разговаривая с ним, она чуть-чуть пританцовывала. Сама с собой. Красота танцует с красотой, подумал Ясон; он находил ее телесно, сексуально привлекательной. Впрочем, ему теперь, по крайней мере еще несколько дней, было не до секса.

— Ладно, — сдался Ясон. — Я знаю больше.

— Больше, чем сказал Феликсу?

Ясон заколебался. И тем самым ответил.

— Да? — снова спросила Алайс.

Он развел руками. Ответ уже был очевиден.

— Вот что я тебе скажу, — торопливо проговорила Алайс. — Хочешь посмотреть, как живет генерал полиции? Хочешь взглянуть на его дом? На его замок ценой в миллиард долларов?

— Ты меня туда пустишь? — недоверчиво спросил Ясон. — А если он узнает… — Он замялся. Куда эта женщина меня ведет? — спросил себя Ясон. К ужасной опасности; буквально все в нем, мгновенно обретя тревожную бдительность, чуяло эту опасность. Ясон физически чувствовал, как настороженность струится в его теле, наполняя все его существо. Его тело чуяло, что там, больше чем где-либо, ему придется быть

настороже. — У тебя есть легальный доступ к его дому? — спросил Ясон, немного успокаиваясь; голос его, избавившись от ненужного напряжения, сделался естественным.

— Черт побери, — выругалась Алайс. — Ведь я с ним живу. Мы близнецы; мы очень близки. Вплоть до инцеста.

— Не хочу забредать в ловушку, — сказал Ясон, — расставленную тобой и генералом Бакманом.

— Ловушку? Нашу с Феликсом? — Алайс громко расхохоталась. — Да мы с Феликсом даже пасхальных яиц не смогли бы вместе раскрасить. Ладно, давай рванем к дому. Между прочим, у нас куча всяких занятных вещиц. Средневековые деревянные шахматы, старинные английские чашки из кости и фарфора. Красивейшие марки США, из самых первых, напечатанные еще Национальной банкнотной компанией. Ты марками интересуешься?

— Нет, — ответил Ясон.

— А пистолетами?

Он заколебался.

— До некоторой степени. — Ясон припомнил свой пистолет; второй раз за сутки у него появилась причина о нем вспомнить.

Пристально разглядывая его, Алайс сказала:

— А знаешь, для малыша ты не так уж скверно выглядишь. И ты старше, чем мне обычно нравится, но ненамного. Ты ведь секст, не так ли?

Он кивнул.

— Ну так как? — спросила Алайс. — Хочешь взглянуть на замок генерала полиции?

— Ладно, давай, — сказал Ясон. Все равно, подумал он, меня найдут, когда потребуется. Куда бы я ни сбежал. Со вшитым в рукав микропередатчиком и без него.

Включив мотор шустреца, Алайс Бакман вывернула руль и нажала на педаль; шустрец стартовал под углом в девяносто градусов по отношению к улице. Полицейский мотор, сообразил Ясон. Вдвое мощнее, чем в бытовых моделях.

— Есть еще одна вещь, — сказала Алайс, прорываясь сквозь поток транспорта, — которую тебе следует уяснить. — Она бросила на него взгляд, желая удостовериться, что он слушает. — Не смей заигрывать со мной насчет секса. Если ты это сделаешь, я тебя убью. — Алайс похлопала себя по поясу, и Ясон заметил там трубострел полицейского образца. В лучах утреннего солнца оружие поблескивало сине-черным.

— Уведомлен и приведен к присяге, — отозвал-

ся Ясон, чувствуя неловкость. Его уже порядком раздражал наряд из кожи и железа, который носила Алайс; что-то фетишистское тут явно присутствовало, а к фетишистам Ясон привязанности не питал. И теперь этот ультиматум. Интересно, какой секс был у нее на уме? С другими лесбиянками? В этом ли было все дело?

Отвечая на его безмолвный вопрос, Алайс спокойно объяснила:

— Все мое либидо, мое сексуальное начало связано с Феликсом.

— С твоим братом? — Ясон испытывал недоверие и холодную опаску. — Но как?

— Мы прожили пять лет в кровосмесительной связи, — ответила Алайс, ловко маневрируя шустрецом в плотном утреннем потоке лос-анджелесского транспорта. — У нас есть ребенок трех лет от роду. За ним присматривают домработница и нянька в Ки-Уэст, что в штате Флорида. Его зовут Барни.

— И ты мне такое рассказываешь? — спросил сверх меры изумленный Ясон. — Даже меня не зная?

— Ну, уж кого-кого, а тебя, Ясон Тавернер, я очень хорошо знаю, — сказала Алайс, поднимая шустрец на более высокую линию и увеличи-

вая скорость. Движение на линии уже заметно поредело — они покидали центральную часть Лос-Анджелеса. — Я много лет была твоей фанаткой и фанаткой твоего ТВ-шоу во вторник вечером, у меня есть твои записи, а однажды я побывала на твоем концерте в зале Орхидей отеля Святого Франциска в Сан-Франциско. — Она кратко ему улыбнулась. — Мы с Феликсом оба коллекционеры… и один из предметов моей коллекции — пластинки Ясона Тавернера. — Снова еще более молниеносная, фанатичная улыбка. — За многие годы я собрала все девять пластинок.

— Десять, — хрипло выговорил Ясон. — Я выпустил десять долгоиграющих пластинок. Несколько последних — со световыми эффектами.

— Значит, одну я пропустила, — охотно согласилась Алайс. — Можешь посмотреть. Вон там, на заднем сиденье.

Перегнувшись через спинку, Ясон увидел на заднем сиденье свой ранний альбом «Тавернер и синие-синие блюзы».

— Ага, — выдохнул он, хватая диск и кладя его себе на колени.

— Там есть еще один, — заметила Алайс. — Мой самый любимый.

Снова обернувшись, Ясон увидел затрепанный

экземпляр альбома «Славный вечерок с Тавернером».

— Да, — согласился он. — Этот лучший из всех, что записал.

— Теперь понятно? — сказала Алайс. Шустрец резко нырнул, устремляясь по спиральной траектории вниз, к участку крупных поместий, окруженных деревьями и травой. — А вот и дом.

С вертикально поднятыми лопастями шустрец опустился на асфальтовое пятно в самом центре просторного газона перед домом. Ясон мельком оглядел особняк: три этажа, испанский стиль, балконы с перилами из черной жести, красная черепичная крыша, не то саманные, не то оштукатуренные стены — толком было не разобрать. Массивный дом с роскошными дубами вокруг; особняк был искусно встроен в пейзаж, никак его не нарушая. Сливаясь с пейзажем, дом казался частью деревьев и травы, простирающейся в царство плодов человеческих рук.

Выключив шустрец, Алайс пинком распахнула дверцу.

— Оставь пластинки в машине и пойдем, — сказала она, выбираясь из шустреца и с удовольствием потягиваясь на зеленом газоне.

С неохотой положив пластинки на заднее

сиденье, Ясон торопливо, стараясь не отстать, последовал за ней; длинные, затянутые в черное ноги девушки стремительно несли ее к массивным передним воротам дома.

— На верху этих стен даже вмурованы осколки битых бутылок. Чтобы отпугивать бандитов — это в наше-то время. Когда-то этот дом принадлежал великому Эрни Тиллу, актеру, снимавшемуся в вестернах. — Алайс нажала кнопку на передних воротах, и с той стороны очень скоро появился частный пол в коричневой униформе. Внимательно глянув на Алайс, охранник кивнул и включил рубильник. Повинуясь импульсу, створки ворот плавно разъехались по сторонам.

— Так что ты знаешь? — спросил Ясон у Алайс. — Ты знаешь, что я…

— Ты просто чудо, — сухо констатировала Алайс. — Я уже давно это поняла.

— Но ты была там, где был я. Где я всегда есть. Не здесь.

Взяв Ясона под руку, Алайс провела его по выложенному саманной плиткой коридору, затем вниз по лестнице из пяти кирпичных ступенек и наконец в гостиную, помещение старинное, но очень красивое.

Ясону, впрочем, было наплевать; он жаждал

поговорить с Алайс, выяснить, что и откуда она знает. И к чему все это ведет.

— Помнишь это место? — спросила Алайс.

— Нет, — покачал головой Ясон.

— А следовало бы. Ты здесь уже бывал.

— Нет, не бывал, — осторожно возразил он; показав ему те две пластинки, Алайс крепко завладела его доверием. Я должен их заполучить, сказал себе Ясон. Чтобы показать… вот именно, подумал он, кому? Генералу Бакману? А если я и впрямь ему их покажу, какой мне от этого толк?

— Капсулу мескалина? — предложила Алайс, направляясь к наркобару — массивному ореховому шкафу ручной полировки в самом конце стойки из меди и кожи в дальнем углу гостиной.

— Самую малость, — отозвался Ясон и тут же удивился собственному ответу. Затем, вздрогнув, поправился: — Мне нужна ясность в голове.

Алайс принесла ему эмалированный наркоподносик, где стоял хрустальный бокал с водой и лежала белая капсула.

— Первоклассный продукт. «Желтый-1» от Харви, импортирован оптом из Швейцарии, капсулирован на Бонд-стрит. — Затем она добавила: — Совсем слабенький. Цветной вариант.

— Спасибо. — Ясон взял бокал и белую капсулу;

приняв мескалин, он поставил бокал обратно на подносик. — А ты что же? — спросил он у Алайс, охваченный запоздалой тревогой.

— А я уже отоварилась, — весело призналась она, посверкивая золотом на зубах. — Что, незаметно? Хотя конечно. Ведь ты меня другой и не видел.

— Ты знала, что меня доставят в Полицейскую академию? — спросил Ясон. Ты должна была знать, подумал он, иначе бы у тебя не оказались две мои пластинки. Вероятность подобного совпадения ничтожно мала.

— Я отслеживала кое-какие их передатчики, — сказала Алайс; неустанно расхаживая по комнате, она постукивала по эмалированному подносику одним длинным ногтем. — Мне посчастливилось перехватить официальные переговоры Феликса с Вегасом. Мне нравится время от времени подслушивать его, когда он на дежурстве. Не всегда, но… — Она указала на комнату по ту сторону коридора. — Кстати, хочу там кое на что взглянуть. Могу и тебе показать если эта вещица и впрямь такова, какой ее описывал Феликс.

Ясон последовал за ней, и по пути в голове у него гудело от вопросов. Если она способна внятно излагать, подумал он, ходить тут повсюду, как

она, похоже, и делает…

— Феликс сказал про средний ящичек этого кленового стола, — в задумчивости произнесла Алайс, стоя в самом центре домашней библиотеки. На полках, поднимавшихся до самого потолка высокой залы, стояли книги в кожаных переплетах. Несколько столов, стеклянный шкафчик с миниатюрными чашечками, различные допотопные шахматные наборы, два древних столика для карт Таро… Подойдя к новоанглийскому столу, Алайс вытащила ящичек и заглянула в него.

— Боже, — выдохнула она, вытаскивая из ящичка пергаминовый конверт.

— Послушай, Алайс… — начал было Ясон, но она прервала его резким щелчком пальцев.

— Помолчи, пока я ее не рассмотрю. — Взяв со стола большую лупу, Алайс с пристрастием осмотрела конверт. — Здесь марка, — пояснила она затем, подняв взгляд на Ясона. — Сейчас я ее выну, чтобы и ты смог посмотреть. — Найдя филателистический пинцет, она аккуратно вынула марку и положила ее на войлочную подушечку у края стола.

Ясон послушно уставился через лупу на марку. Марка показалась ему самой обычной — не считая того, что в отличие от современных была

черно-белой.

— Обрати внимание на то, как выгравированы животные, — сказала Алайс. — Стадо волов. Эта гравировка идеальна — каждая линия точна. Эту марку никогда не… — Она схватила Ясона за руку, когда он потянулся к марке. — Ни в коем случае, — сказала она. — Никогда не трогай марку пальцами; обязательно пользуйся пинцетом.

— Она ценная? — спросил Ясон.

— Не особенно. Но их почти никогда не продавали. Как-нибудь я тебе объясню. Феликс мне ее подарил.

Потому что он меня любит. Потому что, как он говорит, я бесподобна в постели.

— Замечательная марка, — смущенно промолвил Ясон, возвращая Алайс лупу.

— Феликс меня не обманул — это превосходный экземпляр. Идеальная центровка. Легкое погашение, не портящее центральный рисунок. К тому же… — Ловко орудуя пинцетом, Алайс перевернула марку, оставляя ее лежать на войлочной подушечке рисунком вниз. Выражение, ее лица внезапно изменилось; оно запылало гневом. Затем Алайс выдохнула: — Сукин сын.

— В чем дело? — спросил Ясон.

— Вот оно, тонкое пятнышко. — Алайс кос-

нулась пинцетом уголка оборотной стороны марки. — А спереди и не скажешь. Да, в этом весь Феликс. Черт, к тому же это наверняка подделка. Хотя Феликс всегда как-то ухитряется не приобретать подделок. Ладно, Феликс; эту я оставлю тебе. — С задумчивым видом она сказала: — Интересно, есть у него в коллекции еще одна такая? Я могла бы их поменять. — Подойдя к стенному сейфу, Алайс некоторое время повозилась с наборными дисками. Наконец она открыла сейф и вынула оттуда массивный, тяжелый альбом, который затем притащила к столу. — Феликс, — пояснила она, — и понятия не имеет, что я знаю код замка этого сейфа. Так что ты ему не говори. — Аккуратно переворачивая тяжеловесные страницы, Алайс добралась до той, где покоились четыре марки. — Никакой черно-белой за один доллар, — сказала она. — Но он мог еще где-то ее спрятать. Он даже мог забрать ее в академию. — Закрыв альбом, она положила его обратно в стенной сейф.

— Мескалин, — выговорил Ясон. — Я его чувствую. — Ноги болели, это был первый признак того, что мескалин начинает действовать в его организме. — Я лучше присяду, — сказал он и сумел расположиться на кожаном стуле прежде,

чем ноги совсем сдали. Или ему только показалось, что ноги сдают? На самом деле они вовсе не сдавали, это была иллюзия, внушенная наркотиком. Ощущение, однако, было вполне реальное.

— Хочешь посмотреть коллекцию простых и вычурных табакерок? — спросила Алайс. — У Феликса чертовски замечательная коллекция. Все-все древние, из золота, серебра, сплавов, с камеями, со сценами охоты… Не хочешь? — Она уселась напротив, скрестив длинные, затянутые в черное ноги; туфельки на высоком каблуке болтались, пока Алайс раскачивалась взад-вперед. — Однажды Феликс купил старую табакерку на аукционе и притащил домой. А дома вычистил оттуда старую понюшку и обнаружил там пружинный рычажок, расположенный на дне табакерки — или на том, что только казалось дном. Рычажок срабатывал, когда покрутишь крошечный винтик. Феликс целый день искал малюсенькую отвертку, чтобы покрутить этот винтик. Но в конце концов все-таки нашел. — Она рассмеялась.

— И что? — поинтересовался Ясон.

— Дно табакерки оказалось фальшивым. Под ним была спрятана пластинка из белой жести. Феликс вынул пластинку. — Алайс снова рассме-

ялась, посверкивая золотыми украшениями на зубах. — На пластинке оказался двухсотлетней давности порнографический рисунок. Совокупление девушки с шетландским пони. Причем рисунок был красочный — в восьми цветах. Стоила эта безделица, скажем, пять тысяч долларов — не бог весть что, но нас это очень порадовало. Продавец естественно, ничего про пластинку не знал.

— Понятно, — сказал Ясон.

— Вижу, табакерки тебя совсем не интересуют, — заметила Алайс, по-прежнему улыбаясь.

— Я бы хотел… на нее взглянуть, — сказал Ясон. Затем добавил: — Алайс, ты меня знаешь. Ты знаешь, кто я такой. Почему же все остальные не знают?

— Потому что они там никогда не бывали.

— Где?

Алайс помассировала виски, высунула язык, затем тупо уставилась перед собой, словно погруженная в раздумья. Словно едва его слышала.

— Черт побери, — произнесла она голосом усталым и слегка раздраженным. — Черт побери, приятель, ведь ты там сорок два года прожил. Что же я могу тебе рассказать про то место такого, чего ты уже не знаешь? — Затем Алайс подня-

ла взгляд, и ее пухлые губы искривила озорная улыбка; она явно над нам насмехалась.

— Как я сюда попал? — спросил Ясон.

— Ты… — Она замялась. — Не знаю, стоит ли говорить.

— Почему? — громогласно вопросил он.

— Всему свое время. — Алайс успокаивающе качнула ладонью. — Узнаешь, узнаешь. В свое время. Послушай, приятель, тебе уже и так прилично досталось. Тебя чуть не отправили в исправительно-трудовой лагерь — и ты сам знаешь, какого сорта. Спасибо этому засранцу Макнульти и моему любезному братцу. Моему братцу — генералу полиции. — Она скривилась от омерзения, а затем снова улыбнулась своей заразительной улыбкой. Такой златозубой, такой ленивой и призывной.

— Я хочу знать, где я, — сказал Ясон.

— Ты в моем кабинете. У меня дома. Ты в полной безопасности; всех жучков мы с тебя содрали. И никто сюда не вломится. А знаешь что? — Подобно гибкому зверьку Алайс вскочила со стула — Ясон аж отшатнулся. — Ты когда-нибудь занимался этим по видеофону? — резко спросила она, страстно сверкая глазами.

— Занимался чем?

— Сексеть, — сказала Алайс. — Знаешь про видеофонную сексеть?

— Нет, — признался Ясон. Но он про нее слышал.

— Твой сексуальный потенциал — и потенциалы всех остальных также — связываются посредством электроники и усиливаются — настолько, сколько ты сможешь выдержать. Это вызывает привыкание, поскольку усиление происходит при помощи электроники. Некоторые так глубоко туда влезают, что уже не могут выбраться. Вся их жизнь вертится вокруг еженедельной — да что там, ежедневной! — настройки на видеофонную сексеть. Для этого используются обычные видеофоны, которые приводятся в действие кредитной карточкой. Так что этим можно заняться в любое время, когда захочется. Спонсоры присылают счет раз в месяц, а если ты не платишь, твой видеофон выключают из сексети.

— И сколько народу этим занимается? — спросил Ясон.

— Тысячи.

— В одно и то же время?

Алайс кивнула.

— Большинство из них занимаются этим по два, по три года. Становятся и физически, и пси-

хически от этого зависимы. Потому что та часть мозга, где испытывается оргазм, постепенно выжигается. Но не следует осуждать этих людей, тем более что среди них есть самые лучшие и наиболее чуткие умы на планете. Для них это священно — вроде святого причастия. Хотя сексетника можно узнать с первого взгляда — все они на вид пожилые и развратные, жирные и апатичные. Такими они, разумеется, бывают в промежутках между видеофонными оргиями.

— Ты тоже этим занимаешься? — Алайс вовсе не казалась Ясону пожилой и развратной, жирной и апатичной.

— Время от времени. Но я не попадаюсь на крючок; я всегда вовремя выключаюсь из сексети. Хочешь попробовать?

— Нет, — покачал головой Ясон.

— Нет так нет, — резонно произнесла Алайс, ничуть не обескураженная отказом. — А чем бы ты хотел заняться? У нас есть хорошая коллекция Рильке и Брехта на дисках с междустрочным переводом. Вчера Феликс притащил домой квадросветовой комплект всех семи симфоний Сибелиуса — чудо как хороши. На обед Эмма готовит лягушачьи ножки… Феликс любит лягушачьи ножки. И эскаргот. Обычно он ест все эти блюда в

лучших французских и баскских ресторанах, но сегодня вечером…

— Я хочу знать, — перебил Ясон, — где я.

— А ты не можешь быть просто счастлив?

Ясон поднялся со стула и встал лицом к Алайс. Молча.

Глава 20

Мескалин уже начал бешено воздействовать на Ясона. Комната буквально зажглась красками, а перспектива изменилась так, что потолок казался в миллионе миль над головой. И, глядя на Алайс, Ясон вдруг заметил, что ее волосы оживают… как у Медузы, подумал он и затрясся от страха.

Не обращая на него внимания, Алайс продолжала:

— Феликс особенно любит баскскую кухню, но там кладут столько масла, что у него потом бывают пилорические судороги. У него также есть приличная коллекция «Волшебных сказок», и еще он любит бейсбол. А еще… так-так, прикинем. — Она стала прохаживаться по комнате, постукивая себя пальцем по губам и размышляя. — Его интересует оккультизм. А ты не…

— Я что-то чувствую, — сказал Ясон.

— Что ты чувствуешь?

— Не могу уйти.

— Это мес. Не бери в голову.

— Я… — Он задумался. Чудовищный груз лежал на его мозгу, но сквозь этот груз тут и там прорывались тонкие лучики похожего на сатори просветления.

— Мои коллекции, — сказала Алайс, — хранятся в соседней комнате, которую мы зовем библиотекой.

А здесь кабинет. В библиотеке Феликс держит все свои книги по юриспруденции… кстати, ты ведь знал, что он не только генерал полиции, но еще и юрист? И на этом поприще у него есть немалые достижения; должна это признать. Знаешь, что он однажды сделал?

Ясон не мог ответить; он мог только стоять. Стоять неподвижно, слыша звуки, но не улавливая значения.

— Около года Феликс законно отвечал за одну четверть всех исправительно-трудовых лагерей на Земле. Он выяснил, что по милости какого-то маловразумительного закона, принятого много лет назад, когда исправительно-трудовые лагеря (тогда еще полные негров) скорее походили на лагеря смерти… короче, он выяснил, что этот

законодательный акт допускает функционирование исправительно-трудовых лагерей только в течение Второй гражданской войны. И тогда у Феликса появилась власть закрывать любые лагеря в любое время — как только ему покажется, что это будет соответствовать общественным интересам. Между прочим, те негры и студенты, что обитали в лагерях, благодаря тяжелому ручному труду были чертовски крепкими и здоровыми, не чета тем бледным дохлятикам, что живут под зонами кампусов. А затем Феликс откопал еще один невнятный законодательный акт. Там говорилось, что любой лагерь, не приносящий должную прибыль, подлежит закрытию. Тогда Феликс чуть-чуть изменил сумму денег, выплачиваемую заключенным. Ему только и требовалось, что поднять им зарплату, сделать в книгах запись об убыточности — и р-раз, лагерь можно закрывать. — Алайс рассмеялась.

Ясон попытался заговорить, но не смог. Разум его крутился, как измочаленный резиновый мяч, всплывал и тонул, ускорялся и замедлялся, куда-то пропадал и тут же ярко вспыхивал; лучи света пробегали сквозь него, пронизывая каждую частичку его тела.

— Но самое главное достижение Феликса, —

продолжала Алайс, — связано со студенческими кибуцами под выжженными кампусами. Многие из них отчаянно нуждаются в пище и воде. Знаешь, как это бывает: студенты пытаются прорваться в город, рыщут в поисках продуктов, грабят и мародерствуют. А у полиции есть в этих кибуцах немало своих агентов, агитирующих за последний и решительный бой с властями — которого полы и нацы только и ждут. Понимаешь?

— Понимаю, — сказал Ясон. — Шляпа.

— Но Феликс делал все, чтобы не допустить любой стрельбы. А чтобы этого добиться, ему приходилось поставлять студентам продукты. Понимаешь?

— Шляпа красная, — сказал Ясон. — Как твои уши.

— Благодаря положению маршала в полиерархии у Феликса был доступ к рапортам информаторов, где излагалось положение дел в каждом студенческом кибуце. Он знал, которые еще держатся, а где совсем туго. Его задачей было выделить из кучи резюме факты первостепенной важности: какие кибуцы идут под откос, а какие пока еще нет. Когда Феликс составил список тех кибуцев, которые оказались в беде, другие высшие полицейские чины встретились с

ним, чтобы решить, куда и как следует надавить, чтобы ускорить конец. В ход, к примеру, могла пойти пораженческая агитация полицейских шпиков или диверсия в отношении припасов пищи и воды. Студентам же оставались отчаянные и безнадежные рейды из района кампуса в поисках помощи. Так, в кибуце под кампусом Колумбийского университета у студентов однажды созрел план пробраться в исправительно-трудовой лагерь имени Гарри С. Трумена, освободить заключенных и вооружить их. Но тут даже Феликсу пришлось вмешаться. Так или иначе, задачей Феликса оставалось определить тактику для каждого кибуца, находящегося под наблюдением. Разумеется, сторонники твердой руки его за это резко критиковали, даже требовали его отставки. — Алайс сделала паузу. — Тогда он был маршалом полиции. Понимаешь?

— Твой красный, — сказал Ясон, — совсем заколбасился.

— Сама знаю. — Уголки рта Алайс недовольно опустились. — Слушай, приятель, ты свои шуточки не придержишь? Ведь я тебе кое-что рассказать пытаюсь. В итоге Феликса понизили в звании от маршала полиции до генерала. А все потому, что он, как мог, заботился, чтобы сту-

денты в кибуцах были вымыты и накормлены, следил за их медицинскими припасами, обеспечивал койки. Короче, делал примерно то же самое, что и в исправительно-трудовых лагерях, находившихся под его юрисдикцией. Так что теперь он просто генерал. Зато его оставили в покое. Пока что с ним сделали все, что могли, и он еще сохраняет достаточно высокий пост.

— Но твой инцест, — сказал Ясон. — Что, если? — Он замялся, не в силах вспомнить конец предложения. — Если, — повторил он, и это слово показалось ему единственно верным, передающим всю суть; ему даже вдруг стало жарко от того факта, что он все-таки сумел донести до Алайс свою мысль. — Если, — опять повторил Ясон, и внутренний жар сделался совсем диким от радостной ярости. Он испустил ликующий вопль.

— Ты имеешь в виду, что будет, если маршалы узнают про то, что у нас с Феликсом есть сын? Что они тогда сделают?

— Сделают, — сказал Ясон. — Может, мы музыку послушаем? Или дай мне… — Слова пропали; ничего не попадало в мозг. — Черт, — выругался он. — Моей матери здесь не будет. Смерть.

Алайс устало вздохнула.

— Ладно, Ясон, — сказала она. — Я прекращаю

попытки с тобой поболтать. Сначала пусть твоя голова вернется на место.

— Говори, — сказал Ясон.

— Хочешь посмотреть мои мазокомиксы?

— Что, — спросил он, — это такое?

— Рисунки. Очень стилизованные. Там в основном связанные девушки, которых мужчины…

— Можно мне прилечь? — спросил Ясон. — Мои ноги совсем сдают. По-моему, моя правая нога простирается до Луны. Другими словами… — он немного поразмыслил, — короче, заколебало меня стоять.

— Иди сюда. — Алайс медленно и аккуратно провела его из кабинета обратно в гостиную. — Ложись на Диван, — сказала она. Приложив чудовищные усилия, он так и сделал. — Пойду принесу тебе немного аминазина. Он нейтрализует мес.

— Это не мес, — сказал Ясон. — Это месса.

— Так-так посмотрим… да куда же я, черт возьми, его положила? Вообще-то я редко им пользуюсь и обычно держу его в таком вот ящичке… Черт побери, неужели нельзя съесть одну капсулу мескалина и не разваливаться на куски?! Лично я сразу по пять штук принимаю.

— Но ты огромна, — сказал Ясон.

— Я скрро вернусь. Схожу наверх. — Алайс зашагала прочь, к двери, расположенной черт знает в какой дали. Ясон долго-долго наблюдал за ее все уменьшающейся фигуркой. Как это у нее получается? — подумал он. Казалось невероятным, что Алайс способна сжиматься до крошечной точки. Наконец она исчезла. И тут Ясона охватил дикий страх. Он понял, что остался один. Совершенно беспомощный. Кто мне теперь поможет? — спросил он себя. Я должен убраться подальше от всех этих марок, чашек, табакерок, мазо-комиксов, сексетей, лягушачьих лапок. Должен добраться до того шустреца и улететь прочь назад в город, к кому-то знакомому, может к Рут Рей, если ее уже отпустили, или даже к Кати Нельсон, а этой женщины мне уже хватит, и ее братца тоже, и плода их кровосмешения во Флориде, как там его зовут?

Ясон неуверенно поднялся и ощупью побрел по ковру, который при каждом его шаге выстреливал миллионами струек чистейшего пигмента. Подминая ковер огромными ботинками, Ясон наконец добрел до выхода из неустойчивой комнаты.

Солнечный свет. Выход наружу.

Шустрец.

Ясон потащился к шустрецу.

Оказавшись внутри, он сел в кресло водителя, сильно озадаченный мириадами тумблеров, рычажков, ручек, педалей, циферблатов.

— Почему он не едет? — вслух спросил Ясон. — А ну заводись! — велел он шустрецу, покачиваясь взад-вперед на сиденье. — Отпустит она меня или нет? — спросил он затем у шустреца.

Ключи.

Конечно же, он не мог лететь без ключей.

Плащ Алайс на заднем сиденье — он его там видел.

И еще ее большая почтальонская сумочка. Ключи там, в сумочке. Там. Два альбома его записей. «Тавернер и синие-синие блюзы». И самый лучший: «Славный вечерок с Тавернером». Ясон невесть как, но все же сумел поднять сразу оба альбома и переложить их на пустое переднее сиденье рядом с собой. Вот оно, доказательство, понял он. Здесь, на этих пластинках. И в этом доме. У Алайс. Мне следует искать его здесь, если я вообще намерен его найти. Найти его. Здесь. И больше нигде. Даже генерал Феликс — как-бишь-его, — даже он не найдет этого доказательства. Он не знает. Как и я.

Прихватив с собой громадные альбомы, Ясон

пустился бежать обратно к дому, а пейзаж вокруг него плавился и тек. Всюду покачивались высокие и гибкие Древоподобные организмы, что заглатывали воздух из прелестно-голубого неба, впитывали воду и свет, разжижали небесную синеву… Наконец Ясон добрался до ворот. Толкнул. Ворота не подались.

Кнопка.

Ясон не нашел кнопку.

Шаг за шагом. Пробуя пальцами каждый следующий дюйм. Как будто во мраке. Да, подумал Ясон, я и впрямь во мраке. Положив слишком большие альбомы на землю, он прислонился к воротам и принялся медленно массировать резиноподобную поверхность стены. Ничего. Ничего.

Кнопка.

Ясон нажал ее, схватил конверты с пластинками и встал лицом к воротам, пока те мучительно медленно, с недовольным скрипом раскрывались.

За воротами появился вооруженный пистолетом мужчина в коричневой униформе.

— Мне нужно было кое-что прихватить в шустрече.

— Все в порядке, сэр, — сказал коричневый. — Я видел, как вы уходили, и знал, что вы вернетесь.

— Она сумасшедшая? — спросил Ясон.

— Простите, не мне судить, — ответил коричневый, пятясь и прикладывая руку к фуражке с козырьком.

Передняя дверь дома была распахнута, как ее Ясон и оставил. Войдя в дом, он спустился по кирпичным ступенькам и снова оказался в неправильной формы гостиной с потолком вышиной в миллион миль.

— Алайс! — позвал он.

В комнате она или нет? Ясон внимательно обшарил глазами все направления. Затем так же, как он делал, когда искал кнопку, стал шаг за шагом проходить каждый видимый дюйм помещения. Стойка в дальнем конце с прелестным наркобаром орехового дерева… Диван.

Стулья. Картины на стенах. Лицо с одной из картин нагло над ним усмехалось, но Ясон не стал обращать внимания. Так, квадрофонограф…

Пластинки. Поставь их.

Он потянул за крышку фонографа, но она не открылась. Почему, спросил себя Ясон. Заперта. Нет, она просто сдвигалась по горизонтали. Ясон оттолкнул крышку с таким жутким треском, будто она сломалась. Звукосниматель. Стержень посередине. Вынув из конверта одну из пласти-

нок, Ясон аккуратно надел ее на стержень. Ага, я могу с этим справиться, сказал он себе и включил усилители, устанавливая переключатель на «фоно». Тот самый переключатель, что приводил в действие сбрасыватель. Звукосниматель поднялся, а проигрыватель закрутился, но мучительно медленно. Что могло случиться? Не та скорость? Нет, все в порядке — Ясон еще раз проверил. Тридцать три и одна треть. Механизм проигрывателя приподнялся, и пластинка легла на место.

Шумный ход иглы по направляющей бороздке. Треск от пыли, щелчки. Вполне типично для старых квадрозаписей. Легко портятся и повреждаются, хоть на них не дыши.

Фоновое шипение. Еще треск.

Никакой музыки.

Подняв звукосниматель, Ясон переставил его немного подальше. Жуткий скрежет от удара иглы о пластинку; Ясон вздрогнул и стал искать ручку громкости, чтобы сделать потише По-прежнему никакой музыки. Ни звука его собственного пения.

Сила, которую взял над ним мескалин, стала уже рассеиваться; Ясон ощутил острый холодок трезвости. Еще пластинка. Он быстро выхватил ее из конверта и пристроил на стержень поверх

первой.

Скрежет иглы по пластику. Фоновое шипение. Неизбежный треск и щелчки. По-прежнему никакой музыки.

Обе пластинки оказались пусты.

Часть третья

Never may my woes be relieved.
Since pity is fled;
And tears and sighs and groans my weary days
Of all joys have deprived.[3]

Глава 21

— Алайс! — громко позвал Ясон Тавернер. Никакого отклика. — Это мескалин? — вслух спросил он себя. Затем кое-как пробрался от фонографа до двери, в которую вышла Алайс. Длинный коридор, покрытый глубоким шерстяным ковром. В дальнем конце коридора — лестница с перилами из черной жести, ведущая на второй этаж.

Как можно быстрее Ясон зашагал по коридору

---

[3] Примечания: 3

Плачи мои не утихнут вовек,
Ведь сострадания нет и в раю!
Кубками слез из-под каменных век
Счастья золу в очаге я залью.

(Фрагмент стихотворения Джона Дауленда «Жалоба»; перев. с англ. А. Береста.)

к лестнице, а затем, ступенька за ступенькой, вверх по лестнице.

Второй этаж. Фойе со старинным геппельуайтовским столиком сбоку, сплошь заваленным журналами «Бокс». Почему-то эта россыпь журналов привлекла внимание Ясона. Интересно, подумал он, кто это здесь читает порнуху такого низкого пошиба, как «Бокс»? Затем он двинулся дальше, то и дело — очевидно, из-за мескалина — подмечая разные мелкие детали. Ванная комната. Вот где он точно ее найдет.

— Алайс, — мрачно произнес Ясон. Пот с его лба уже стекал по щекам и капал с кончика носа; подмышки сделались влажными от эмоций, каскадом проходящих по всему его телу. — Черт побери, — сказал он, обращаясь к Алайс, хотя ее и не видя. — На тех пластинках никакой музыки, никаких моих записей. Они поддельные? Так? — Или это все из-за мескалина, спросил он себя. — Я должен это выяснить! — воскликнул Ясон. — Сделай так, чтобы они играли, если с ними все в порядке. Или это фонограф сломался? Да? Наверное, сломалась игла или перо, или как там эта штука называется? — Так порой бывает, подумал он. К примеру, игла ездит не по канавкам, а по выступам.

Полуоткрытая дверь. Ясон пинком ее распахнул. Спальня, с неубранной постелью. А на полу — матрас с наброшенным на него спальным мешком. Небольшая кучка принадлежностей мужского туалета: крем для бритья, дезодорант, бритва, крем после бритья, расческа… А здесь был гость, подумал Ясон, но уже ушел.

— Есть тут кто-нибудь? — завопил он.

Тишина.

После этого Ясон снова обратил внимание на ванную комнату; через полуоткрытую дверь видна была поразительно древняя ванна на раскрашенных львиных лапах. Надо же, подумал он, древность даже до ванны добралась. Спотыкаясь, Ясон мимо других дверей прокрался к ванной комнате. А когда добрался, настежь распахнул дверь.

И увидел на полу скелет.

На скелете были блестящие черные брюки, кожаная куртка, пояс в виде цепи с пряжкой из сварочного железа. На костях ступней едва держались туфельки на высоких каблуках. Несколько пучков волос прилипло к черепу. Больше там не осталось ничего — ни клочка мяса, ни глаз. Да и сам скелет уже пожелтел.

— Боже мой, — пробормотал Ясон, покачиваясь.

В глазах у него поплыло, и держать равновесие стало совсем невмоготу. Среднее ухо подвергалось таким колебаниям давления, что вся комната неслышно крутилась вокруг него в непрерывном круговом движении, будто он оказался в центре «чертова колеса» на детских аттракционах.

Зажмурившись, Ясон прислонился к стенке. Потом посмотрел снова.

Алайс умерла, подумал он. Но когда? Сто тысяч лет назад? Или несколько минут?

Отчего она умерла, спросил он себя.

Это все мескалин? Который я принял? Или реальность?

Это реальность?

Нагнувшись, Ясон потрогал кожаную куртку с бахромой. Кожа на ощупь оказалась ровной и гладкой; она не разложилась. Стало быть, одежду Алайс время не тронуло. Это наверняка что-то значило — вот только Ясон не знал, что именно. Только сама Алайс, подумал он. Все остальное в доме осталось таким же, как прежде. Следовательно, решил Ясон, это не может объясняться воздействием мескалина. Хотя и в этом нельзя быть уверенным.

Вниз по лестнице. Подальше отсюда.

Так до конца и не распрямившись, Ясон пу-

стился бежать по коридору, напоминая при этом необычной породы обезьяну. На лестнице он сразу ухватился за перила из черной жести и, перепрыгнув через несколько ступенек, оступился и упал. Затем он собрался с силами и снова привел себя в вертикальное положение. Сердце бешено колотилось в груди, а легкие надувались и опустошались, будто кузнечные меха.

Уже проскочив было через гостиную к передней двери, Ясон затем по неясным для него самого, но тем не менее важным причинам снял с фонографа две пластинки, сунул их в конверты и прихватил с собой на воздух, под яркое и теплое полуденное солнце.

— Уже уходите, сэр? — спросил его коричневый пол, увидев, как он запыхался.

— Я болен, — сказал Ясон.

— Прискорбно слышать, сэр. Быть может, вам что-нибудь принести?

— Ключи от шустреца.

— Мисс Бакман обычно оставляет ключи в зажигании, — заметил частный пол.

— Я уже там смотрел, — с трудом вымолвил Ясон.

— Пойду узнаю у мисс Бакман насчет вас, — сказал пол.

— Нет, — выдохнул Ясон, а затем подумал: «Если дело в мескалине, то все в порядке. Так мескалин или нет?»

— Нет? — переспросил пол, и выражение его лица мигом переменилось. — Оставайтесь на месте, — приказал он. — Не смейте подходить к шустрецу. — Резко развернувшись, он бросился в дом.

Ясон тут же пустился бежать по газону — к квадратику асфальта и припаркованному там шустрецу. Ключи — в зажигании они или нет? Нет. Ее сумочка. Ясон схватил сумочку и вытряхнул все ее содержимое на пустое сиденье. Куча всякой всячины, но никаких ключей. Тут сзади послышался хриплый вопль.

У передних ворот дома появился частный пол. Лицо его было перекошено. Машинально отступив вбок, он поднял пистолет, держа его обеими руками, и выстрелил в Ясона. Однако пистолет ходил ходуном — пола слишком сильно трясло.

Выбравшись с другой стороны шустреца, Ясон нетвердой походкой направился по густому влажному газону к близлежащей дубраве.

Пол снова выстрелил. И снова промазал. До Ясона донеслось яростное ругательство. Пол пустился было бежать за Ясоном, но затем по-

чему-то передумал, — резко развернувшись, он понесся обратно в дом.

Ясон добрался до дубовой рощи и стал продираться сквозь сухой подлесок. Вокруг оглушительно трещали сучья. Так, высокая саманная стена… и что еще тогда сказала Алайс? Вцементированные поверху битые бутылки? Ясон пополз вдоль основания стены, отчаянно борясь с густым подлеском, и вдруг очутился перед сломанной деревянной дверью. Болтаясь на одной петле, дверь была полуоткрыта. За ней виднелись другие дома на улице.

Мескалин тут ни при чем, понял Ясон. Ведь пол тоже это увидел. Как она там лежит. Древний скелет. Как будто она уже много лет была мертва.

По ту сторону улицы девушка со свертками в руках отпирала дверцу своего хлоппера.

Ясон перешел через улицу, отчаянно напрягаясь, прогоняя из мозга остатки мескалина.

— Мисс, — с трудом выдохнул он.

Изумленная, девушка подняла голову. Молодая, излишне крупная, зато с красивыми золотистыми волосами.

— Что? — нервно произнесла она, разглядывая Ясона.

— Мне дали токсическую дозу какого-то нар-

котика, — сказал Ясон, изо всех сил стараясь не запинаться. — Не смогли бы вы отвезти меня в больницу?

Молчание. Девушка продолжала разглядывать его широко распахнутыми глазами; Ясон тоже молчал, восстанавливая дыхание. Да или нет — должно быть или одно, или другое.

Наконец крупная девушка с золотистыми волосами сказала:

— Я… я не очень хорошо вожу. Только на прошлой неделе лицензию получила.

— Я сам поведу, — сказал Ясон.

— Но я не полечу с вами. — Девушка попятилась, крепче прижимая к себе коричневые бумажные свертки. Наверное, она собиралась лететь на почту.

— Можно мне взять ключи? — спросил Ясон. Затем протянул руку и стал ждать.

— Но вы можете потерять сознание, и тогда мой хлоппер…

— Тогда летите со мной, — сказал Ясон.

Девушка отдала ему ключи и устроилась на заднем сиденье хлоппера. Ясон, с колотящимся от облегчения сердцем, вставил ключ в зажигание, завел мотор и сразу же на максимальной скорости в сорок узлов направил хлоппер в небо.

Машина, как он почему-то отметил, была очень недорогой модели — «форд-грейхаунд». Весьма экономичный хлоппер. И дешевый.

— Очень болит? — нервно спросила девушка. На ее лице в зеркале заднего вида также выражалась нервозность, даже паника. Ситуация была для нее слишком пиковой.

— Нет, — ответил Ясон.

— А какой был наркотик?

— Мне не сказали. — Мескалин к тому времени почти уже выветрился. Слава богу, что физиология секста давала ему силы противостоять действию наркотика. Ясону вовсе не улыбалась перспектива пилотировать медленный хлоппер в дневном движении Лос-Анджелеса, пока у него кайф от мескалина. И, зло подумал он, сильный кайф. Несмотря на то, что она сказала про одну капсулу.

Она. Алайс. Почему же пластинки оказались пустыми, спросил себя Ясон. А где они, между прочим? Охваченный тревогой, Ясон огляделся. Ага, вот они. Рядом с ним, на пустом переднем сиденье. Наверное, он машинально бросил их туда, когда влезал в хлоппер. Так что с ними все в порядке. Можно будет снова попробовать проиграть их на другом фонографе.

— Ближе всего, — заметила крупная девушка, — лететь до больницы Святого Мартина на углу Тридцать пятой и Вебстера. Правда, она небольшая. Но я летала туда, чтобы удалить с руки бородавку, и мне там показалось очень мило. И персонал очень добросовестный.

— Туда мы и отправимся, — сказал Ясон.

— Вам сейчас лучше или хуже?

— Лучше, — ответил он.

— Вы вышли из дома Бакманов?

— Да. — Ясон кивнул.

— А правда, что мистер и миссис Бакман — брат и сестра? То есть…

— Близнецы, — сказал он.

— Это я понимаю, — сказала девушка. — Но знаете, очень странно становится, когда видишь их вместе. Кажется, что они муж и жена. Они целуются и обнимаются, и он держится очень почтительно по отношению к ней. А иногда у них бывают страшные перепалки. — Девушка немного помолчала, а затем, подавшись вперед сказала: — Меня зовут Мари-Анн Доминик. А вас как зовут?

— Ясон Тавернер, — сообщил ей Ясон. В конце концов, вряд ли это хоть что-либо значило. После всего, что пролетело как одно мгновение… Но тут

голос девушки ворвался в его мысли.

— Я горшечница, — стыдливо сказала она. — В этих свертках горшки. Я отвожу их на почту, а оттуда их посылают в Северную Калифорнию. Чаще всего Гампу в Сан-Франциско и Фрезеру в Беркли.

— И как, хорошие у вас горшки? — машинально спросил Ясон.

Почти весь его разум, все его чувства остались зафиксированы на том самом моменте, когда он открыл дверь ванной и увидел Алайс — вернее, то, что от нее осталось, — на полу. Голос мисс Доминик едва до него доходил.

— Я стараюсь. Но самой мне трудно судить. По крайней мере, их покупают.

— У вас сильные руки, — сказал Ясон, не найдя ничего лучшего. Он по-прежнему говорил почти машинально, словно работала лишь какая-то часть его разума.

— Спасибо, — сказала Мари-Анн Доминик.

Молчание.

— Вы уже миновали больницу, — сказала Мари-Анн Доминик. — Она немного сзади и слева. — В ее голосе снова послышалось беспокойство. — Вы действительно туда направляетесь, или здесь какое-то…

— Не бойтесь, — сказал Ясон, на сей раз полностью отдавая себе отчет в сказанном. Он использовал все свои способности, чтобы сделать голос располагающим к себе и убедительным. — Я не беглый студент. И не беглец из исправительно-трудового лагеря. — Он повернул голову и посмотрел ей прямо в лицо. — Но я в большой беде.

— Так вы не принимали токсического наркотика? — Голос девушки дрожал. Выглядело все так, будто то, чего она всю жизнь боялась, наконец произошло.

— Сейчас я сяду, — сказал Ясон. — Чтобы вы чувствовали себя в безопасности. Я уже достаточно далеко оттуда улетел. Пожалуйста, не пугайтесь. Я не причиню вам вреда.

Однако девушка сидела скованная и встревоженная, ожидая… впрочем, никто из них не знал, чего именно.

На оживленном перекрестке Ясон приземлился на мостовую и открыл дверцу. Но затем, импульсивно, ненадолго задержался в хлоппере, повернувшись к девушке.

— Пожалуйста, выходите, — дрожащим голосом произнесла Мари-Анн Доминик. — Ужасно не хочется быть невежливой, но я правда боюсь.

Наверное, вы слышали про обезумевших от голода студентов, которые невесть как прорываются через баррикады вокруг кампусов…

— Выслушайте меня, — резко перебил ее Ясон.

— Хорошо. — Девушка села прямее, сложив руки на уложенных на колени свертках и со страхом ожидая его слов.

— Нельзя так запросто путаться, — сказал Ясон. — Иначе и жить не стоит.

— Да, конечно. — Мари-Анн Доминик скромно кивнула. Вид у нее был такой, будто она выслушивает лекцию в институтской аудитории.

— Вы всегда так боитесь незнакомцев? — спросил Ясон.

— Пожалуй, да. — Она снова кивнула и на сей раз повесила голову, словно он в чем-то ее стыдил. Впрочем, в какой-то мере так оно и было.

— Страх, — сказал Ясон, — толкает вас на ложный шаг куда чаще, чем ненависть или ревность. Если вы боитесь, вы не можете всецело отдаться жизни; страх всегда, всегда заставляет вас что-то придерживать.

— Пожалуй, я понимаю, о чем вы, — сказала Мари-Анн Доминик. — Около года назад раздался жуткий стук в дверь. Я побежала в ванную, заперлась там и притворилась что меня нет дома.

Я подумала, кто-то хочет ко мне вломиться… а впоследствии выяснилось, что у живущей выше этажом женщины рука застряла в раковине — у нее раковина типа «безотход». Туда упал нож, женщина сунула руку его достать и сама попалась. А ее сынишка у двери…

— Так вы понимаете, что я имею в виду? — перебил Ясон.

— Да. Я хочу, чтобы все было по-другому. Правда хочу. Но я все равно такая.

— Сколько вам лет? — спросил Ясон.

— Тридцать два года.

Ясон удивился — она казалась намного моложе. Очевидно, Мари-Анн Доминик так толком и не повзрослела. Он почувствовал к ней симпатию. Как тяжело ей было, наверное, впустить его в свой хлоппер. Впрочем, тут ее страхи в какой-то мере оправдывались: Ясон просил у нее помощи вовсе не по той причине, которую назвал.

— Вы очень милая, — сказал он ей.

— Спасибо, — скромно поблагодарила Мари-Анн Доминик.

— Видите тот кафетерий? — спросил Ясон, указывая на современное, со вкусом отделанное кафе. — Давайте там посидим. Я хочу с вами поговорить. — Я хочу поговорить с кем-нибудь,

подумал он. С кем угодно. Иначе, не будь я секст, я лишусь рассудка.

— Но я должна доставить посылки на почту до двух, — запротестовала она. — Чтобы они попали на вечернюю пересылку в район Залива.

— Ладно, — согласился Ясон, — тогда мы сначала займемся посылками. — Вынув из зажигания ключ, он протянул его Мари-Анн Доминик. — Вы поведете. Помедленнее, если хотите.

— Мистер… Тавернер, — выговорила она. — Я бы хотела… просто хотела бы остаться одна.

— Нет, — сказал Ясон. — Вам не следует оставаться одной. Это вас убивает; подрывает вас изнутри. Каждый день вы обязательно должны быть на людях.

Молчание. Затем Мари-Анн сказала:

— Почта находится на углу Сорок девятой и Фултона. Не могли бы вы повести хлоппер? Я что-то нервничаю.

Ясону это показалось колоссальной моральной победой, которая сильно его обрадовала. Забрав назад ключ, он вставил его в зажигание, и вскоре они уже летели к углу Сорок девятой и Фултона.

Глава 22

Через некоторое время они устроились в кабинке кафетерия — чистого и уютного местечка с молоденькими официантками и не слишком навязчивым обслуживанием. Музыкальный автомат долдонил «Вспоминаю твой нос» Луиса Панды. Ясон заказал только кофе, а мисс Доминик — фруктовый салат и чай со льдом.

— А что за пластинки вы с собой везете? — поинтересовалась она.

Ясон передал ей обе.

— Надо же, они ваши. Если вы Ясон Тавернер. Это правда?

— Правда. — В этом Ясон, по крайней мере, не сомневался.

— Вряд ли я когда-нибудь слышала, как вы поете, — сказала Мари-Анн Доминик. — Вообще-то я бы с удовольствием, но мне обычно не нравится поп-музыка. Мне нравятся великие фолк-исполнители прошлого.

Такие как Баффи Сент-Мари. Теперь никто не поет так, как Баффи.

— Согласен, — хмуро произнес Ясон. Мысленно он все время возвращался к дому Бакманов, к ван-

ной комнате, к бегству от бешеного коричневого пола. Мескалин тут ни при чем, снова сказал он себе. Потому что пол тоже увидел скелет.

Или просто что-то увидел.

— Может, он увидел совсем не то, что увидел я, — вслух сказал Ясон. — Может, он просто увидел, как она там лежит. Может, она просто упала. Может… — Тут он подумал: «Может, мне следует вернуться».

— Кто и что увидел? — спросила Мари-Анн Доминик и тут же залилась краской. — Простите, я не хотела соваться в вашу жизнь. Но вы сказали, что вы в беде, и я вижу, что у вас на душе большая тяжесть. Вас что-то преследует.

— Я должен выяснить, — сказал Ясон, — что же в действительности произошло. Там, в том доме. — И что за ерунда с этими пластинками, подумал он.

Алайс Бакман знала про мою телепрограмму. Она знала про мои пластинки. Знала, какая из них самая лучшая; она их покупала. И все же…

На пластинках не было никакой музыки. Сломанная игла… нет, черт возьми, даже при сломанной игле хоть какой-то звук, пусть искаженный, должен был выйти. Ясон слишком долго имел дело с пластинками и фонографами, чтобы

этого не понимать.

— А вы очень мрачный, — сказала Мари-Анн Доминик. Из своей тканой сумочки она достала очки. Затем прилежно принялась читать все, что было написано на обороте альбомов.

— Станешь мрачным, — кратко отозвался Ясон, когда с тобой такое случится.

— Здесь сказано, что у вас есть собственная телепрограмма.

— Верно. — Он кивнул. — В девять вечера по вторникам. На Эн-би-си.

— Тогда вы по-настоящему знамениты. Надо же, я сижу здесь и разговариваю со знаменитостью, которую мне полагается знать. А что вы из-за этого чувствуете… то есть из-за того, что я сразу вас не узнала, когда вы мне сказали, как вас зовут?

Ясон пожал плечами. И испытал ироническое удовольствие.

— А в музыкальном автомате нет ваших песен? — Она указала на разноцветное вавилонско-готическое сооружение в дальнем углу.

— Быть может, и есть, — отозвался Ясон. Вопрос ему понравился.

— Пойду посмотрю. — Выудив у себя из кармана пятак, Мари-Анн Доминик выскользнула из

кабинки и прошла к дальнему углу посмотреть список названий и исполнителей на музыкальном автомате.

Когда она вернется, я уже буду производить на нее куда меньшее впечатление, размышлял Ясон. Эффект одного пробела был ему хорошо знаком. Если только ты не заявлял о себе отовсюду — из каждого радиоприемника с каждого фонографа, из каждого музыкального автомата и магазина музыкальных товаров, из каждого телевизора в этой проклятой вселенной — магическое заклинание теряло силу.

Мари-Анн Доминик вернулась с широкой улыбкой на лице.

— «Нигде никакой кутерьмы», — сообщила она, садясь на место. Пятака у нее в руке уже не было. — Пойдет следующим номером.

Секунду спустя Ясон был уже на ногах, стремительно направляясь к музыкальному автомату.

Мари-Анн Доминик не ошиблась. Подборка Б-4. Его самый последний хит, «Нигде никакой кутерьмы», сентиментальный номер. И механизм музыкального автомата уже начал запускать диск.

Мгновением позже его голос, смягченный точками квадрозвука и эхокамерами, заполнил

кафетерий.

Ошарашенный, Ясон вернулся в кабинку.

— Звучит просто великолепно, — вежливо заметила Мари-Анн, когда диск закончился. Вероятно, ей пришлось поступиться своим вкусом, подумал Ясон.

— Спасибо. — Да, это был он. На этом диске дорожки не были пустыми.

— Нет, вы на самом деле восхитительны, — с чувством сказала Мари-Анн — сплошная улыбка и блеск очков. Похоже было, она говорила всерьез.

— Просто я давно этим занимаюсь, — ответил Ясон.

— Вам не по душе то, что я про вас не слышала?

— Нет. — Все еще потрясенный, Ясон покачал головой. Тут она была не одинока, события двух последних дней это ярко продемонстрировали. Двух дней? Неужели всего-навсего двух?

— Можно… можно мне еще что-нибудь себе заказать? — поколебавшись, спросила Мари-Анн. — Я истратила все деньги на марки; мне…

— Я оплачу счет, — сказал Ясон.

— А что, если я закажу клубничную ватрушку?

— Превосходный выбор, — отозвался Ясон.

Мари-Анн ненадолго его развеселила. Ее серьезность, ее тревоги… интересно, есть у нее приятель, задумался Ясон. Скорее всего, нет. Мари-Анн жила в мире глиняных горшков, коричневой оберточной бумаги, проблем со стареньким «форд-грейхаундом». Фоном же для этого служили даже не квадро, а всего лишь стереоголоса великих фолк-певиц прошлого — Джуди Коллинз и Джоан Баэз.

— Вы когда-нибудь слышали Хильду Харт? — спросил он. С нежностью.

Мари-Анн наморщила лоб.

— Я… так сразу не вспомнить. А она фолк-певица или… — Туг она осеклась и погрустнела. Словно почувствовала, что ей никак не удается быть такой, какой она быть вроде бы обязана. Не удается все знать то, что обязан знать всякий разумный человек. Ясон почувствовал к ней еще большую симпатию.

— Она поет баллады, — пояснил он. — Примерно как у меня.

— А можно еще раз послушать вашу пластинку?

Ясон послушно вернулся к музыкальному автомату и зарядил его на повтор.

На сей раз Мари-Анн Доминик, похоже, особого

удовольствия не испытала.

— Что случилось? — спросил Ясон.

— Понимаете, — сказала она, — я всегда твержу себе, что занимаюсь творчеством. Делаю горшки и все такое прочее. Но на самом деле я не знаю, насколько хорошо я их делаю. Даже не знаю, как сказать. Люди говорят…

— Люди говорят вам, что им в голову взбредет. Исходя из их мнения, вы и гениальны, и ничтожны. Лучше всех и хуже самого последнего. Вам всегда легко пронять кого-нибудь тут… — он постучал по солонке, — и никогда в жизни не пронять кого-нибудь там. — Он постучал по тарелке с фруктовым салатом.

— Но должен же быть какой-то способ…

— Есть эксперты. Можете их послушать, ознакомиться с их теориями. У них всегда есть теории. Они пишут длинные статьи и обсуждают все ваши вещи — вплоть до самой первой пластинки, записанной семнадцать лет назад. Сопоставляют записи, которые вы уже и не помните, как делали. А телевизионные критики…

— Но раньше надо, чтобы заметили. — Глаза ее вновь на мгновение просияли.

— Прошу прощения, — сказал Ясон, снова вставая. Больше он ждать не мог. — Мне нужно

позвонить. Я сейчас вернусь. А если я не... — он положил ей руку на плечо, на белый вязаный свитер, который она наверняка сама и связала, — что ж, рад был с вами познакомиться.

Озадаченная, Мари-Анн Доминик вяло и безропотно наблюдала, как он локтями прокладывает себе путь по людному кафетерию к телефонной будке.

Закрывшись наконец в будке, Ясон нашел в срочном списке номер телефона Полицейской академии Лос-Анджелеса и, бросив монетку, позвонил.

— Я хотел бы поговорить с генералом полиции Феликсом Бакманом, — произнес Ясон и без удивления обнаружил, что голос его дрожит. Психологически меня уже все достало, подумал он. Все, что произошло вплоть до этой пластинки в музыкальном автомате. Это для меня уже слишком. Я просто-напросто напуган. И сбит с толку. Быть может, подумал он далее, мескалин еще все-таки не до конца выветрился. Но ведь смог же я неплохо вести тот маленький хлоппер; это кое о чем говорит. Проклятый наркотик, подумал он. Всякий раз ясно чувствуешь, когда он ударил в голову, но никогда нельзя разобрать, когда он выветривается. Если он вообще выветривается.

Он вечно тебе вредит — или так только кажется; самому не разобрать. Может, он и не выветривается. И тебе говорят: «Эй, приятель, да у тебя мозги сгорели». А ты говоришь: «Может, и так». Ты не можешь быть в этом уверен и не можешь твердо это отрицать. А все из-за того, что ты перебрал капсулу или одной капсулы тебе уже чересчур, хотя кто-то говорит: «Эй, приятель, вот самое то».

— Мисс Бисон слушает, — прозвучал у него в ухе женский голос. — Я секретарша мистера Бакмана. Чем могу служить?

— Пегги Бисон, — сказал Ясон. Затем перевел дыхание и продолжил: — Это Ясон Тавернер.

— Слушаю, мистер Тавернер. Что вам нужно? Вы что-нибудь забыли?

— Мне нужно поговорить с генералом Бакманом, — сказал Ясон.

— Боюсь, что мистер Бакман…

— Это связано с Алайс.

Молчание, а потом:

Секундочку, мистер Тавернер, — сказала Пегги Бисон. — Сейчас я позвоню мистеру Бакману и узнаю, может ли он ненадолго отвлечься от дел.

Щелчки. Пауза. Опять тишина. Затем линия подключилась.

— Мистер Тавернер? — Это был не генерал

Бакман. — С вами говорит Герберт Майм, начальник штаба мистера Бакмана. Насколько я понял, вы сказали мисс Бисон, что ваш звонок имеет отношение к сестре генерала Бакмана, мисс Алайс Бакман. Откровенно говоря, я просто хотел спросить… мне первым делом хотелось бы спросить вас о том, при каких обстоятельствах вам довелось познакомиться с мисс…

Ясон повесил трубку. И слепо прошел обратно к кабинке, где Мари-Анн Доминик доедала свою клубничную ватрушку.

— Вы все-таки вернулись, — радостно сказала она.

— Как ватрушка? — спросил Ясон.

— Слишком сдобная. — Она тут же добавила: — Но вкусная.

Ясон хмуро уселся на место. Что ж, он сделал все, чтобы достучаться до Феликса Бакмана. Чтобы рассказать ему про Алайс. Хотя… что он, собственно, мог ему рассказать? Тщетность всего и вся, постоянная бессмысленность всех его действий и усилий уже подавляла Ясона… а но всему прочему добавлялась еще и капсула мескалина, которую ему дала Алайс.

Если там в самом деле был мескалин.

Так открылась новая возможность. Действи-

тельно, у Ясона не было никаких доказательств, что Алайс дала ему именно мескалин. В капсуле могло быть все что угодно. Почему, к примеру, мескалин доставляли из Швейцарии? Что ему там делать? Это могло иметь смысл только в том случае, если речь шла не о природном продукте, а о синтезированном в лаборатории. Возможно, это был новый многоингредиентный культовый наркотик. Или нечто, похищенное из полицейских лабораторий.

Запись «Нигде никакой кутерьмы». Допустим, наркотик заставил Ясона ее услышать. И увидеть перечень на музыкальном автомате. Но ведь Мари-Анн Доминик тоже ее слышала, собственно говоря, она первая ее и обнаружила.

А две пустые пластинки? Как быть с ними?

Пока Ясон сидел, размышляя, подросток в футболке и джинсах наклонился к нему и забормотал:

— Э, да ведь вы Ясон Тавернер, правда? — Он протянул Ясону шариковую ручку и листок бумаги. — Не позволите ли автограф, сэр?

Стоявшая за подростком прелестная рыжеволосая девчушка без лифчика и в белых шортах с восторженной улыбкой сообщила:

— Мы всегда смотрим вашу программу во втор-

ник вечером. Это просто фантастика. И в жизни вы совсем-совсем такой же, как на экране, только в жизни вы немножко такой, знаете, более загорелый. — Ее дружелюбные соски покачивались.

Ни слова ни говоря, Ясон машинально расписался.

— Спасибо, — сказал он подросткам, которых уже собралось четверо.

Оживленно беседуя, подростки удалились. Теперь люди в соседних кабинках тоже начали присматриваться к Ясону и заинтересованно переговариваться. Как всегда, подумал он. Да, так все обычно и бывало. Моя реальность мало-помалу возвращается. Ясон испытал неуправляемый, дикий восторг. Такое ему уже было знакомо — это составляло стиль его жизни. Он его ненадолго утратил, но теперь… Наконец-то, подумал он, я начинаю вновь его обретать.

Хильда Харт, подумал он. Теперь-то я могу ей позвонить, подумал он. И достучаться до нее. Теперь она уже не примет меня за фаната-афериста.

Быть может, я существую, только пока принимаю наркотик. Тот самый наркотик — чем бы он ни был, — который дала мне Алайс.

Но тогда вся моя карьера, подумал он, все эти

двадцать лет — не более чем галлюцинация, вызванная наркотиком.

А случилось со мной, подумал Ясон Тавернер, всего-навсего то, что наркотик выдохся. Алайс — или еще кто-то — перестала мне его давать, и я пробудился к реальности. Там, в этом захудалом отеле — в жалком номере с треснувшим зеркалом и полным вшей матрасом. И таким я оставался до тех пор, пока Алайс не дала мне еще дозу.

Ничего удивительного, подумал Ясон, что она меня знала. Знала про мое ТВ-шоу во вторник вечером. Она же сама посредством наркотика его создала. А те два альбома с записями — всего-навсего бутафория, которую она хранила для подкрепления галлюцинации.

Боже мой, подумал Ясон, неужели все так и есть?

А как же, подумал он затем, те деньги, с которыми я проснулся в номере отеля? Полный бумажник? Ясон машинально похлопал себя по нагрудному карману, убеждаясь в увесистой реальности бумажника. Итак, деньги на месте. Если я влачил жалкое существование во вшивых отелях района Уоттс, откуда у меня тогда эти деньги?

И в таком случае я должен был бы числиться

во всех полицейских списках и прочих банках данных по всему миру. Пусть не как знаменитый артист, а как оборванный бродяга, никогда ничего не добивавшийся, чьи единственные достижения проистекали из пузырька с таблетками. Один бог знает, сколько все это длилось. Я мог годами принимать наркотик.

Алайс, вспомнил Ясон, сказала, что я уже бывал у них дома.

Очевидно, подумал он, так оно и есть. Я там бывал. Приходил за очередной дозой.

Быть может, я лишь один из несметного числа людей, живущих посредством капсулы синтетические жизни, в которых они богаты, знамениты, занимают высокое положение. Реально же они влачат жалкое существование в кишащих клопами и крысами номерах дешевых отелей. Или на тротуарах. Отверженные. Ничтожества. Приравненные к нулю. Но видящие тем временем сны.

— Вы определенно погрузились в раздумья, — сказала Мари-Анн Доминик. Она уже успела покончить со своей клубничной ватрушкой и выглядела вполне сытой. И счастливой.

— Послушайте, — хрипло проговорил Ясон. — Там, в музыкальном автомате, действительно моя запись?

Глаза Мари-Анн удивленно расширились. Она явно не понимала.

— Что вы имеете в виду? Мы же ее слушали. И эта штука, где приведен перечень, — она туда записана. Музыкальные автоматы никогда не ошибаются.

Ясон выудил из кармана монетку.

— Запустите ее снова. Поставьте на три повтора.

Мари-Анн послушно выбралась из кабинки и стала проталкиваться к музыкальному автомату. Ее роскошные длинные волосы струились по пухлым плечам. Вскоре Ясон снова услышал свой очередной хит. А люди в кабинках и у стойки заулыбались и закивали, приветствуя его. Они знали, что это он поет. Это была его публика.

Когда песня кончилась, послышались аплодисменты завсегдатаев. Машинально ухмыляясь, Ясон в ответ профессионально засвидетельствовал им свое приветствие и одобрение.

— Запись на месте, — сказал он, когда песня заиграла снова.

Затем, сжав кулак Ясон свирепо треснул по пластиковому столу, отделявшему его от Мари-Анн Доминик.

— Черт меня побери, она здесь.

В каком-то странном порыве глубоко-интуитивного женского желания помочь Мари-Анн сказала:

— И я тоже здесь.

— А я вовсе не вижу сны, лежа на койке в номере захудалого отеля, — прохрипел Ясон.

— Нет, конечно же нет. — В голосе Мари-Анн звучала нежность и беспокойство. Она явно испытывала к нему участие. Из-за его тревоги.

— Я снова реален, — заключил Ясон. — Но если это могло случиться раз, и на двое суток… — Вот так приходить и уходить, подумал он, выпадать туда-сюда…

— Быть может, нам лучше уйти? — встревоженно предложила Мари-Анн Доминик.

Тут Ясон очнулся.

— Простите, — как можно убедительней произнес он.

— Я только хочу сказать, что люди слушают.

— Ничего, им не повредит, — сказал Ясон. — Пусть слушают. Пусть видят, с какими тревогами и заботами сталкивается даже знаменитая на весь мир звезда. — Затем он, впрочем, поднялся. — Куда вам теперь хочется? — спросил он у Мари-Анн. — К себе домой? — Это означало возврат по своим же следам, но Ясон был настроен

достаточно оптимистично, чтобы рискнуть.

— Ко мне домой? — с запинкой повторила она.

— Думаете, я могу причинить вам вред? — спросил он.

Некоторое время Мари-Анн нервно размышляла.

— Н-нет, — наконец выговорила она.

— У вас есть фонограф? — спросил Ясон. — У вас дома?

— Да. Правда, не очень хороший. Всего лишь стерео. Но он работает.

— Вот и хорошо, — сказал Ясон, выводя ее в проход, ведущий к кассе. — Поехали.

Глава 23

Мари-Анн Доминик сама отделала стены и потолок в своей квартире. Красивые, сильные, щедрые краски; Ясон потрясено озирался. И немногие художественные изделия в гостиной — в основном керамика — несли в себе тот же мощный заряд красоты. Он взял в руки одну покрытую голубой глазурью вазу и принялся ее разглядывать.

— Я сама ее сделала, — сказала Мари-Анн.

— Эту вазу, — отозвался Ясон, — непременно

покажут в моем шоу.

Мари-Анн удивленно на него посмотрела.

— Я скоро заберу эту вазу с собой. По сути, это будет… — Ясон даже зрительно себе все представил, — это будет солидный постановочный номер, где я, исполняя песню, появляюсь из этой вазы, подобно ее волшебному духу. — Одной рукой он поднял голубую вазу повыше, крутя ее туда-сюда. — Петь я буду «Нигде никакой кутерьмы», — сказал он. — И отсюда возьмет старт ваша карьера.

— Быть может, вам лучше держать ее обеими руками, — с неловкостью заметила Мари-Анн.

— «Нигде никакой кутерьмы» — песня, которая принесла нам большее признание… — Тут ваза выскользнула из его пальцев и упала на пол. Мари-Анн рванулась было ее поймать, но не успела. Ваза раскололась на три куска, которые валялись теперь у Ясона под ногами, грубые неглазурованные края резали глаз своей бледностью и неровностью, отсутствием художественного достоинства.

Последовало долгое молчание.

— Пожалуй, я смогу ее склеить, — сказала Мари-Анн.

Ясон не смог придумать никакого ответа.

— Знаете, — продолжила Мари-Анн, — самое поразительное, что бывало у меня в жизни, это один случай с моей матерью. Дело в том, что моя мать страдала прогрессирующим недугом почек, так называемой болезнью Брайта. Из-за этой болезни она то и дело ложилась в больницу, когда я была еще девочкой. И она вечно заводила разговоры о том, что вот она умрет, а я даже об этом не пожалею, словно я была кругом виновата. В конце концов я и правда поверила, что однажды она умрет. Но затем я выросла и уехала из дома, а она так и не умерла. Потом я вроде как про нее забыла; у меня была своя жизнь и свои заботы. И, естественно, я забыла про ее проклятые почки. А потом она как-то раз приехала меня навестить, но не сюда, а в другую квартиру, которую я тогда снимала. И она до упора меня достала, сидя и разглагольствуя про свои болячки и тому подобное, — все болтала и болтала без остановки. Наконец я сказала: «Пойду куплю продукты к обеду» — и рванула в магазин. Моя мать заковыляла следом и по дороге к магазину выложила мне свежие новости, что с обеими почками у нее уже так худо, что надо их удалять, что она этим теперь займется и так далее. Она сказала, ей вставят искусственную почку, но эта искусственная

почка наверняка не станет работать. Так она мне все это излагала, до чего теперь все дошло и что она наконец собралась умереть, как всегда мне и говорила… а потом я вдруг подняла глаза и поняла, что мы уже в супермаркете, как раз у мясного прилавка, и очень милый продавец, который мне всегда нравился, подошел поздороваться. Он спросил: «Что пожелаете сегодня, мисс?», а я возьми да и ляпни: «Хочу на обед пирог с почками». Это был такой стыд, просто ужас. «Хочу большой-большой пирог с почками, — сказала я. — Такой слоеный, нежный-нежный, дымящийся и чтобы прямо соком истекал». «На сколько персон?» — спросил продавец. А моя мать тем временем, вылупив глаза, жутко на меня таращилась. Я просто не представляла, как мне выйти из положения. В конце концов я и впрямь купила пирог с почками, хотя мне пришлось отправиться в отдел кулинарии. Пирог этот был в специальной запечатанной банке, из Англии. Я заплатила за него, кажется, четыре доллара. Очень был вкусный.

— Я заплачу за вазу, — сказал Ясон. — Сколько вы за нее хотите?

Поколебавшись, Мари-Анн сказала:

— Вообще-то есть оптовая цена, которую я назначаю, когда продаю товар в магазины. Но вам я

должна назначить розничную цену, потому что вы не покупаете оптом, так что…

Ясон достал деньги.

— Итак, розничная цена? — спросил он.

— Двадцать долларов.

— Я могу и по-другому вас задействовать, — сказал Ясон. — Здесь важен подход. Как насчет вот такого. Мы покажем публике бесценную старинную вазу, скажем китайскую пятнадцатого века. Дальше выйдет музейный эксперт, как положено, в униформе, и подтвердит ее подлинность. А потом вы закрутите свой гончарный круг — сделаете вазу прямо там, на глазах у публики, и мы покажем всем, что ваша ваза лучше.

— Ничего не выйдет. Древнекитайское гончарное искусство…

— Мы им продемонстрируем — заставим их поверить. Я знаю свою публику. Эти тридцать миллионов людей строят свои суждения по моей реакции. Я просто сделаю определенное выражение лица.

— Я не могу пойти на вашу сцену, — низким голосом выговорила Мари-Анн. — С этими устремленными на меня телекамерами. Я такая… такая грузная. Люди будут смеяться.

— А известность, которую вы получите? Новые

клиенты? Музеи и магазины будут знать ваше имя, ваш товар. Покупатели прямо из шкафов будут выпрыгивать.

— Пожалуйста, оставьте меня в покое, — тихо вымолвила Мари-Анн. — Я очень счастлива. Я знаю, что я хорошая горшечница. Я знаю, что магазинам, хорошим магазинам, нравится то, что я делаю. Неужели все и всегда должно идти в полный рост с большими нулями? Неужели мне нельзя жить своей маленькой жизнью так, как я этого хочу? — Глаза ее сверкнули, хотя голос был едва слышен. — Не вижу, что хорошего принесли вам слава и известность... Помните, в кафетерии вы у меня спросили: «Правда ли, что в музыкальном автомате есть моя запись?» Вы боялись, что ее там нет; ваше положение гораздо ненадежнее моего.

— Кстати о записях, — сказал Ясон. — Мне бы хотелось прослушать те две пластинки на вашем фонографе. Прежде чем я уйду.

— Давайте я сама их поставлю, — сказала Мари-Анн. — Мой аппарат довольно капризный. — Она взяла два альбома и двадцать долларов; Ясон остался стоять там же, где и стоял, рядом с кусками разбитой вазы.

После недолгого ожидания он услышал знако-

мую музыку. Его самый ходовой альбом. Итак, дорожки этой пластинки уже не были пусты.

— Можете оставить пластинки себе, — сказал Ясон. — Я пойду. — Теперь, подумал он, эти пластинки мне уже не нужны. Наверное, я смогу купить их в любом музыкальном магазине.

— Вообще-то мне нравится другая музыка… не думаю, что буду очень часто их слушать.

— Все равно — пусть останутся, — сказал Ясон.

— За ваши двадцать долларов я дам вам другую вазу, — сказала Мари-Анн. — Минутку. — Она торопливо вышла в соседнюю комнату; Ясон услышал шелест бумаги. Вскоре девушка снова появилась, держа в руках еще одну вазу голубой глазури. Эта была еще интересней; интуиция подсказала Ясону, что Мари-Анн считает ее одним из лучших своих достижений.

— Спасибо, — поблагодарил он.

— Я заверну ее и уложу в коробку, чтобы она не разбилась, как та, другая. — Она так и сделала, действуя в лихорадочной спешке, однако и с предельной аккуратностью. — По-моему, очень занятно, — сказала Мари-Анн, вручая Ясону коробку, — что я позавтракала с таким знаменитым человеком. Я ужасно рада была с вами познакомиться и надолго это запомню. Надеюсь, ваши

беды улягутся; то есть я надеюсь, с тем, что вас тревожит, все будет в порядке.

Сунув руку во внутренний карман плаща, Ясон вытащил оттуда небольшой кожаный бумажник для визиток. Оттуда он извлек красочную визитку с тиснением и вручил ее Мари-Анн.

— Звоните мне в студию в любое время. Если все-таки передумаете и захотите появиться в моей программе. Уверен, мы сумеем достойно вас представить. Между прочим, на визитке есть и мой личный номер.

— До свидания, — сказала Мари-Анн, открывая переднюю дверь.

— До свидания. — Ясон помедлил, желая еще что-то добавить. Но ничего вроде бы не оставалось. — Все ни к черту, — сказал он тогда. — Мы провалились. С треском. Мы оба.

Мари-Анн заморгала.

— Вы о чем?

— Берегите себя, — пробормотал Ясон и вышел из дома на полуденный тротуар, под яркое солнце. День был в самом разгаре.

Глава 24

Опустившись на колени над телом Алайс Бакман, полицейский коронер сказал:

— Пока могу засвидетельствовать лишь то, что она умерла от передозировки некоего токсического или полутоксического наркотика. Только через двадцать четыре часа мы сможем выяснить, какой именно это был наркотик.

— Это должно было случиться, — сказал Феликс Бакман. — Рано или поздно. — Он на удивление мало переживал. По сути, где-то глубоко внутри себя он даже испытал облегчение, когда узнал от Тима Чансера, их охранника, что Алайс найдена мертвой в ванной комнате на втором этаже.

— Я подумал, этот самый Тавернер что-то с ней сделал, — снова и снова бубнил Чансер, пытаясь привлечь внимание Бакмана. — Он как-то странно себя вел; я быстро смекнул, что что-то тут не так. Я пару раз в него выстрелил, но ему удалось смыться. Пожалуй, даже хорошо, что я в него не попал, раз он тут ни при чем. А может, он чувствовал вину за то, что заставил ее принять наркотик? Могло быть такое?

— Никому не требовалось заставлять Алайс

принимать наркотики, — огрызнулся Бакман, выходя из ванной в коридор. Два затянутых в серое пола стояли там по стойке смирно, ожидая указаний. — Чтобы принимать всякую дурь, ей не нужен был ни Тавернер, ни кто-либо еще. — Теперь ему стало дурно. Боже, подумал он, как же теперь с Барни? Это было самое скверное. По непонятным для Бакмана причинам их ребенок обожал свою мать. Что ж, подумал он, чужие пристрастия — всегда загадка.

Ведь он и сам ее любил. Алайс, размышлял он, обладала сильнейшей притягательностью. Я буду страшно по ней тосковать. Она занимала колоссальную часть моей жизни.

Причем лучшую часть. Неважно, к добру или нет.

Бледный Герб Майм поднимался по лестнице через ступеньку, приглядываясь к Бакману.

— Я торопился, как мог, — сказал он, протягивая Бакману руку. Тот ее пожал. — Что там? — спросил затем Герб, понизив голос. — Передозировка? Или что-то другое?

— Очевидно, передозировка, — ответил Бакман.

— Сегодня звонил Тавернер, — сообщил Герб. — Он хотел поговорить с вами. Сказал, это имеет

отношение к Алайс.

— Он хотел сообщить о ее смерти, — сказал Бакман. — Он был здесь в то время.

— Как? Откуда он ее знал?

— Понятия не имею, — отозвался Бакман. В тот момент это не имело для него большого значения. Он не видел причины обвинять Тавернера… Зная характер и привычки Алайс, можно было предположить, что она спровоцировала его приезд. Скорее всего, когда Тавернер вышел из здания академии, она его подманила и увезла в своем навороченном шустреце. Домой. В конце концов, Тавернер был секстом. А Алайс всегда нравились сексты. Как мужского, так и женского пола.

Особенно женского.

— Наверное, они устроили оргию, — сказал Бакман.

— Вдвоем? Или вы хотите сказать, здесь побывали и другие?

— Больше здесь никого не было. Чансер бы знал. Они могли устроить видеофонную оргию — вот что я имел в виду. Алайс столько раз была близка к тому, чтобы выжечь себе мозги этими проклятыми видеофонными оргиями… Хорошо бы, кстати говоря, выследить новых спонсоров, тех, что взяли дело в свои руки, когда мы расстреляли

Билла, Кэрол, Фреда и Джилл. Этих дегенератов. — Руки Бакмана тряслись, пока он закуривал сигарету и в пулеметном темпе затягивался. — Я тут вспомнил, что мне как-то раз сказала Алайс. Забавно — вот ведь некстати. Она говорила о том, чтобы устроить оргию, и раздумывала, не послать ли формальные приглашения. «Лучше послать, — сказала она тогда, — иначе все в одно и то же время не явятся». — Он рассмеялся.

— Вы мне уже рассказывали, — заметил Герб.

— Она и правда мертва. Холодная, окоченелая. Мертвая. — Бакман смял сигарету в ближайшей пепельнице. — Моя жена, — сказал он Гербу Майму. — Она была моей женой.

Герб мотнул головой в сторону двух затянутых в серое полов, стоявших по стойке смирно.

— Ну и что? — сказал Бакман. — Разве они не читали либретто «Die Walkure»? — Дрожащими руками он закурил еще одну сигарету. — Зигмунд и Зиглинда. «Schwester und Braut». Сестра и невеста. И к черту Hunding. — Он бросил сигарету на ковер. И некоторое время смотрел, как она там дымится, поджигая шерсть. А затем каблуком затоптал окурок.

— Вам лучше сесть, — сказал Герб. — Или прилечь.

ужасно выглядите.

Это ужасно, — сказал Бакман. — Это на самом Деле ужасно. Я многое в ней не любил, но, боже мой, сколько в ней было жизни! Она всегда пробовала что-то новое. Именно это, скорее всего, ее и убило. Какой, то новый наркотик, который она и ее подруги-ведьмы сварганили в своих жалких подпольных лабораториях. Какая-нибудь дрянь из проявителя для пленки, стирального порошка и тому подобного.

— Думаю, нам следует поговорить с Тавернером, — предложил Герб.

— Ладно. Привлеките его. На нем ведь есть микропередатчик, разве не так?

— Очевидно, нет. Все жучки, которых мы на нем разместили, когда он покидал здание Полицейской академии, отказали. Если не считать, быть может, зерна-боеголовки. Пока у нас нет причин приводить ее в действие.

— Этот Тавернер хитрая бестия, — сказал Бакман. — Или ему кто-то помог. Кто-то, кто с ним работает. Даже не трудитесь приводить в действие зернобоеголовку; ее наверняка вырезал из-под его шкуры один из его любезных коллег. — Или Алайс, подумал он. Моя услужливая сестричка. Помогающая полиции на каждом

шагу. Как мило.

— Вам лучше на некоторое время покинуть этот дом, — сказал Герб. — Пока коронер и его помощники проводят свои следственные действия.

— Отвезите меня обратно в академию, — попросил Бакман. — Вряд ли я смогу вести; меня слишком трясет. — Тут он почувствовал что-то неладное со своим лицом; коснувшись его рукой, он обнаружил, что весь подбородок мокрый. — Что это? — изумленно спросил он.

— Вы плачете, — ответил Герб.

— Отвезите меня обратно в академию, и я закончу там свои дела, прежде чем можно будет передать их вам, — сказал Бакман. — А потом я хочу вернуться сюда. — Быть может, Тавернер и впрямь ей что-то такое дал, подумал он. Хотя Тавернер ничтожество. Она сама это сделала. И все-таки…

— Пойдемте, — сказал Герб, беря его под руку и направляя к лестнице.

Пока они спускались, Бакман спросил:

— Думали вы когда-нибудь увидеть меня плачущим?

— Нет, — ответил Герб. — Но это вполне объяснимо. Вы были с ней очень близки.

— Вам легко говорить, — сказал Бакман. Вне-

запно его охватила дикая злоба. — Будь она проклята, — прорычал он. — Я же говорил ей, что тем дело и кончится. Кое-какие ее дружки варили всякую дрянь, а ее делали подопытной морской свинкой.

— Не старайтесь слишком много работать в канцелярии, — сказал Герб, когда они миновали гостиную и выйти наружу, где были припаркованы два шустреца. — Просто сверните дела так, чтобы я смог их принять.

— Именно это я и сказал! — рявкнул Бакман. — Черт побери! Никто меня даже не слушает!

Герб молча похлопал его по спине. Двое мужчин пошли по газону к шустрецам.

Когда шустрец уже летел назад к зданию академии, сидевший за его рулем Герб сказал:

— У меня там в плаще сигареты. — Это была его первая фраза с тех пор, как они сели в шустрец.

— Спасибо, — поблагодарил Бакман. Он уже выкурил свой недельный рацион.

— Мне нужно обсудить с вами одно дело, — сказал Герб. — Хотелось бы отложить, но, к сожалению, нельзя.

— Даже до того времени, когда мы окажемся в канцелярии?

— Когда мы туда доберемся, — сказал Герб, —

там могут оказаться другие высокие чины. Или просто другие люди — к примеру, из моего персонала.

— Мне нечего сказать такого, что бы…

— Послушайте, — перебил Герб. — Речь идет об Алайс. О вашем браке с ней. С вашей сестрой.

— О моем инцесте, — грубо уточнил Бакман.

— Кое-кто из маршалов может об этом знать. Алайс слишком многим рассказывала. Вы же знаете, как она к этому относилась.

— Она этим гордилась, — сказал Бакман, с трудом закуривая сигарету. Он никак не мог отделаться от того факта, что вдруг расплакался. Должно быть, я и правда ее любил, сказал он себе. А ведь порой казалось — ничего кроме страха и неприязни я к ней не испытывал. И сексуального влечения. Сколько раз, подумал Бакман мы это обсуждали, прежде чем лечь в постель. Все эти годы. — Лично я никому, кроме вас, об этом не рассказывал, — сказал он Гербу.

— Но Алайс…

— Ладно. Тогда кто-то из маршалов наверняка знает. И, если ему есть дело, министр.

— Маршалы, настроенные против вас, — сказал Герб, — которым известно про… — он замялся, — про инцест, заявят, что Алайс совершила

самоубийство.

Из чувства стыда. Вы вполне можете этого ожидать. И они передадут неофициальные сведения прессе.

— Вы думаете? — спросил Бакман. Да, подумал он, вышла бы интересная история. Брак генерала полиции с его родной сестрой, осчастливленный тайным ребенком, скрытым от любопытных глаз во Флориде. Пока генерал и его сестра во Флориде, они выдают себя за мужа и жену. И мальчик, очевидно, субъект ненормального генетического наследия.

— Я хочу, чтобы вы кое-что для себя уяснили, — продолжил Герб. — Причем сделать это придется прямо сейчас, в не самое лучшее время, так как только что умерла Алайс, и…

— Коронер — наш человек, — перебил Бакман. — Мы полностью им располагаем — там, в академии. — Он по-прежнему не понимал, куда клонит Герб. — Он подтвердит, что это была передозировка полутоксического наркотика, как уже нам и сказал.

— Но принятая умышленно, — уточнил Герб. — Смертельная доза.

— Чего вы от меня хотите?

— Прикажите коронеру вынести следственный

вердикт об убийстве, — сказал Герб.

Тут Бакман понял. Чуть позже, когда бы он превозмог хоть часть обрушившегося на него горя, он бы и сам об этом подумал. Но Герб Майм был прав, об этом следовало подумать немедленно. Даже раньше, чем они доберутся до здания академии и окажутся среди своих сотрудников.

— С тем, чтобы мы могли заявить, что… — начал Герб.

— Что отдельные элементы внутри полицейской иерархии, враждебные моей политике в отношении кампусов и исправительно-трудовых лагерей, движимые местью, убили мою сестру, — резко продолжил Бакман. Кровь застыла у него в жилах, когда он понял, что уже теперь — так скоро! — подумывает о таких делишках. И тем не менее…

— Что-то вроде того, — сказал Герб, — Но никого конкретно не называть. То есть никого из маршалов. Просто предположить, что они наняли кого-то это сделать. Или приказали кому-то из младших сотрудников, жаждущих повысить свой ранг. Вижу, вы со мной согласны. И действовать следует стремительно; следует немедленно об этом объявить. Как только мы вернемся в академию, вам следует послать докладную за-

писку всем маршалам и министру, где бы об этом заявлялось.

Итак, я должен использовать личную трагедию в служебных интересах, понял Бакман. Нажить капитал на случайной смерти собственной сестры. Если она и впрямь была случайной.

— А ведь возможно, это правда, — сказал он. Разве не могло так случиться, что, к примеру, маршал Гольбейн, который люто его ненавидел, все это организовал?

— Нет, — покачал головой Герб. — Это неправда. Тем не менее начните расследование. И вы обязательно должны найти обвиняемого; должен состояться судебный процесс.

— Да, — тупо согласился Бакман. Со всем отсюда вытекающим. Кончая казнью. Со многими мрачными намеками в пресс-релизах о причастности к делу «высших должностных лиц», которых, впрочем, нельзя привлек к ответственности в силу их положения. А министр, надо полагать, официально выразит соболезнования в связи с моей личной трагедией, а также надежду, что все виновные будут найдены и понесут должное наказание.

— Сожалею, что пришлось уже сейчас вытаскивать это на свет, — сказал Герб. — Но ведь им

уже удалось понизить вас в должности с маршала до генерала. Если общественность поверит в историю с инцестом, вас, вероятно, удастся принудить к отставке. Конечно, даже если мы перехватим инициативу, они все равно смогут огласить историю с инцестом. Будем надеяться, что вы под надежным прикрытием.

— Я сделал все возможное, — сказал Бакман.

— Кого же нам обвинить? — спросил Герб.

— Маршала Гольбейна и маршала Экерса. — Ненависть Бакмана к этим людям равнялась их ненависти к нему. Пять лет назад они истребили более десяти тысяч студентов в кампусе Станфорда — кровавый и бессмысленный беспредел той жестокости из жестокостей. Второй Гражданской войны.

— Я не имел в виду заказчиков, — пояснил Герб. — Это и так очевидно — Гольбейн, Экере и прочие. Я имел в виду того, кто непосредственно ввел ей наркотик.

— Любая мелкая рыбешка, — ответил Бакман. — Какой-нибудь политзаключенный из исправительно-трудовых лагерей. — На самом деле это значения не имело. Сгодился бы любой из миллионов обитателей исправительно-трудовых лагерей, любой студент из вымирающего

кибуца.

— А я бы предложил пришить это дело кому-то повыше, — заявил Герб.

— Зачем? — Бакман не улавливал хода его мысли. Ведь так всегда делается. Аппарат всегда выбирает неизвестного, незначительного…

— Пусть это будет кто-то из ее друзей. Кто-то более-менее равный. Даже пусть это будет кто-то известный. Или даже пусть это будет какая-нибудь знаменитость; известно ведь, что Алайс любила трахаться со знаменитостями.

— Зачем нужен кто-то известный?

— Чтобы связать Гольбейна и Экерса с этими грязными дегенератами от телефонных оргий, с которыми валандалась Алайс. — В голосе Герба вдруг зазвучала неподдельная злоба; Бакман даже удивился и поднял голову. — Теми, кто на самом деле ее убил. Ее дружками по культу. Выберите кого-нибудь как можно выше. Тогда вам действительно будет что повесить на маршалов. Подумайте, какой разразится скандал. Гольбейн как часть сексети.

Бакман отложил сигарету и закурил другую. Размышляя при этом. От меня требуется, подумал он, это перескандалить их. Моя история должна выйти еще более сенсационной.

Придется ее сварганить.

Глава 25

У себя в канцелярии в здании Полицейской академии Лос-Анджелеса Феликс Бакман сортировал разложенные на его столе письма, записки и прочую документацию. Почти механически он отбирал те, что нуждались во внимании Герба Майма, и откладывал в сторону те, которые могли подождать. Бакман работал стремительно, без какого-либо интереса. Тем временем, пока он разбирался с бумагами, Герб в своем кабинете уже начал печатать первое неофициальное заявление, которое Бакману предстояло предать огласке в связи со смертью его сестры.

Оба вскоре закончили и встретились в главном кабинете Бакмана, где он вел свои первоочередные дела. За его массивным дубовым столом.

Усевшись за стол, Бакман прочел первый набросок Герба.

— Неужели мы должны это сделать? — спросил он, когда закончил читать.

— Да, — кивнул Герб. — Не будь вы так подавлены горем, вы бы первый это поняли. Именно ваша способность вникать в дела подобного рода

и удерживала вас на высочайшем полицейском уровне. Не будь у вас этой способности, вас бы еще пять лет назад разжаловали в майоры и послали преподавать в какое-нибудь училище.

— Тогда обнародуйте это, — сказал Бакман. — Нет, погодите. — Он жестом попросил Герба задержаться. — Вы тут ссылаетесь на коронера. Разве газетчики не выяснят, что расследование не могло завершиться так скоро?

— Я задним числом датирую время смерти. Я специально оговариваю, что она имела место вчера. Именно по этой причине.

— Это необходимо?

— Наше заявление должно выйти раньше, — объяснил Герб. — Раньше, чем их заявление. А они не станут ждать, пока коронер завершит расследование.

— Порядок, — сказал Бакман. — Пускайте в печать.

Пегги Бисон вошла в кабинет Бакмана, неся с собой несколько секретных докладных записок и желтую папку.

— Простите, мистер Бакман, — сказала она. — Не хотелось бы в такое время вас беспокоить, но…

— Хорошо, я просмотрю, — перебил Бакман.

Но это все, сказал он себе. Потом я отправляюсь домой.

— Я знаю, что вы искали именно это досье, — сказала Пегги. — Как и инспектор Макнульти. Оно только что, десять минут назад, прибыло из Центральной базы данных. — Она положила папку перед ним на стол. — Это досье на Ясона Тавернера.

— Но ведь никакого Ясона Тавернера нет, — ошарашенно пробормотал Бакман.

— Очевидно, кто-то его забирал, — сказала Пегги. — Так или иначе, его только сейчас передали по линии. Наверное, они сами только что получили его назад. Никакой пояснительной записки здесь нет. Центральная база данных просто…

— Ладно, — перебил Бакман. — Идите. Я его просмотрю.

Пегги тихонько вышла из кабинета и прикрыла за собой дверь.

— Не следовало мне так с ней разговаривать, — сказал Бакман Гербу Майму.

— Ваша резкость вполне понятна.

Открыв досье Ясона Тавернера, Бакман сразу наткнулся на глянцевое рекламное фото размера восемь на пять. Прикрепленная к фото записка гласила: «С любезного разрешения „Шоу Ясона

Тавернера“, в девять вечера каждый вторник по Эн-би-си».

— Боже милостивый, — вымолвил Бакман. Вот именно, подумал он затем, не иначе как боги играют с нами. Отрывая нам крылья.

Герб подался вперед и тоже взглянул. Лишившись дара речи, они вдвоем таращились на рекламное фото. Наконец Герб сказал:

— Давайте посмотрим, что там еще.

Откинув в сторону фото восемь на пять вместе с запиской, Бакман прочел первую страницу досье.

— Сколько зрителей? — спросил Герб.

— Тридцать миллионов, — ответил Бакман. Протянув руку, он взял трубку видеофона. — Пегги, — сказал он, — обеспечьте мне, пожалуйста, связь с местной телестудией Эн-би-си. Кей-эн-би-си, или как ее там. Свяжите меня с кем-нибудь из сотрудников. Чем выше по рангу, тем лучше. Растолкуйте им, кто звонит.

— Слушаюсь, мистер Бакман.

Считанные мгновения спустя на экране видеофона появилось ответственное на вид лицо, и голос в ухе у Бакмана произнес:

— Алло? Чем могу служить, генерал?

— У вас идет «Шоу Ясона Тавернера»? — спро-

сил Бакман.

Уже три года по вторникам. В девять вечера.

— Вы уже три года даете его в эфир?

— Да, генерал.

Бакман повесил трубку.

— Что же в таком случае Тавернер делал в Уоттсе? — спросил Герб Майм. — Когда покупал поддельные УДы?

— Ведь мы даже свидетельство о его рождении найти не смогли, — пробормотал Бакман. — Мы обшарили все банки данных, какие только существуют, все газетные подшивки. Слышали вы когда-нибудь про «Шоу Ясона Тавернера» на Эн-би-си по вторникам в девять вечера?

— Нет, — осторожно ответил Герб, явно колеблясь.

— Вы не уверены?

— Мы тут уже столько говорили про Тавернера…

— Я никогда о нем не слышал, — заявил Бакман. — Хотя каждый вечер по два часа смотрю телевизор. С восьми до десяти. — Он обратился к следующей странице досье, небрежно откидывая первую; она упала на пол, и Гербу пришлось ее подобрать.

Итак, на второй странице: список записей,

сделанных за эти годы Тавернером, с указанием названия, инвентарного номера и даты. Бакман невидящим взглядом уставился на список — он охватывал аж девятнадцать лет.

— А ведь Тавернер действительно говорил нам, что он певец, — заметил Герб. — И в одном из УДов он причислялся к профсоюзу музыкантов. Так что здесь все подтверждается.

— Здесь вообще все подтверждается, — резко выговорил Бакман.

И перелистнул страницу. На третьей странице описывалось финансовое положение Ясона Тавернера, источники и размеры его доходов.

— Его доходы куда выше, чем у генерала полиции, — заметил Бакман. — Куда выше, чем у нас с вами, вместе взятых.

— Когда мы здесь его допрашивали, у него с собой была куча денег. И он дал Кати Нельсон чертовски приличную сумму. Помните?

— Да. Кати сообщила об этом Макнульти; я помню из его отчета. — Бакман задумался, в то же время механически теребя край ксерокопии. И вдруг пальцы его замерли.

— В чем дело? — спросил Герб.

— Это же ксерокопия. Само досье из Центральной базы данных никогда не изымается.

Рассылают только ксерокопии.

— Но чтобы отксерить, его изымают, — возразил Герб.

— Ага, — согласился Бакман. — Изымают. Секунд на пять.

— Не знаю, — сказал Герб. — Не просите меня это объяснить. И я не знаю, сколько у них там уходит на ксерокопирование.

— Прекрасно знаете. Мы все это знаем. Тысячу раз видели, как это делается. Стандартная процедура.

— Стало быть, ошибка компьютера.

— Хорошо, — сказал Бакман. — Никаких политических связей у Тавернера не было, тут он абсолютно чист. К счастью для него. — Он принялся листать досье Дальше. — Имел недолгие контакты с Синдикатом. Носил пистолет, но имел на то разрешение. Преследовался в судебном порядке одним из зрителей, заявившим, что реприза с провалом памяти была карикатурой на него. Неким Артемусом Франком, проживающим в Мойне. Адвокаты Тавернера выиграли дело. — Бакман читал вразброс, не ища ничего конкретного, просто изумляясь. — Сорок пятая запись Тавернера, «Нигде никакой кутерьмы», которая также у него и последняя, была распро-

дана в двух миллионах экземпляров. Слышали такую?

— Не знаю, — отозвался Герб.

Бакман какое-то время пристально на него смотрел.

— А вот я никогда ее не слышал. Вот в чем разница между мной и вами, Майм. Вы не уверены. А я уверен.

— Вы правы, — сказал Герб. — Но сейчас я правда не знаю. По-моему, тут страшная путаница, а ведь у нас есть и другие дела. Нам нужно подумать про Алайс и про доклад коронера. Нужно как можно скорее с ним переговорить. Наверное, он все еще в вашем доме; я позвоню ему, и вы сможете…

— А ведь Тавернер, — произнес Бакман, — был там, когда она умерла.

— Да, нам это известно. Чансер так сказал. Вы тогда решили, что это неважно. Но я на самом деле считаю, что хотя бы ради галочки нам следует привлечь его и допросить. Посмотрим, что он расскажет.

— А могла Алайс знать его раньше? — спросил Бакман. И подумал: «Да, ей всегда нравились сексты, особенно те, что заняты в шоу-бизнесе. Такие как Хильда Харт. С этой Харт у нее в позапрошлом

году был трехмесячный роман — связь, о которой даже я почти ничего не услышал. Они на славу постарались чтобы ее скрыть.

Пожалуй, это был один из немногих случаев, когда Алайс держала рот на замке».

Тут он заметил, что в досье Ясона Тавернера есть упоминание о Хильде Харт; его глаза как раз замерли на ее имени, стоило ему о ней подумать. Хильда Харт уже около года была любовницей Тавернера.

— В конце концов, — пробормотал Бакман, — они оба сексты.

— Тавернер и кто?

— Хильда Харт. Певица. Досье доведено до сего дня; здесь сказано, что Хильда Харт появлялась в шоу Ясона Тавернера на этой неделе. Была там специальной гостьей. — Он бросил досье на стол и принялся рыться в карманах плаща в поисках сигарет.

— Вот, возьмите. — Герб протянул ему свою пачку.

Бакман потер подбородок, затем сказал:

— Давайте-ка привлечем сюда и эту самую Харт. Вместе с Тавернером.

— Хорошо. — Кивнув, Герб сделал об этом заметку в своем неизменном карманном блокнотике.

— А ведь как раз Ясон Тавернер, — тихо проговорил Бакман, словно бы для себя, — Алайс-то и убил. Из ревности. Он узнал про ее связь с Хильдой Харт.

Герб Майм вздрогнул.

— Что, разве не так? — Некоторое время Бакман пристально смотрел на Герба Майма.

— Да, хорошо, — произнес затем Герб Майм.

— Итак, мотив. Благоприятная возможность. Свидетель: Чансер, который подтвердит, что Тавернер с подозрительной поспешностью покинул дом и попытался завладеть ключами от шустреца Алайс. А потом, когда Чансер зашел в дом выяснить, как и что, Тавернер побежал и скрылся. Чансер же тем времени стрелял ему поверх головы, предлагая остановиться.

Герб кивнул. Молча.

— Вот так-то, — сказал Бакман.

— Хотите, чтобы его прямо сейчас взяли?

— Как можно скорее.

— Мы оповестим все блок-посты. Передадим его словесный портрет. Если Тавернер все еще в Лос-Анджелесе, мы, возможно, сумеем поймать его путем проекции ЭЭГ с вертолета. Путем сличения образцов, как это уже начинают делать в Нью-Йорке. Собственно говоря, мы даже можем

специально для этого затребовать нью-йоркский полицейский вертолет.

— Отлично, — сказал Бакман.

— Станем мы говорить, что Тавернер участвовал в ее оргиях?

— Не было никаких оргий, — отрезал Бакман.

— Гольбейн и его сподвижники заявят…

— Пусть сперва докажут, — перебил Бакман. — Здесь, в суде штата Калифорния. Над которым у нас есть юрисдикция.

— А почему именно Тавернер?

— Должен же это быть кто-то, — ответил Бакман, отчасти убеждая самого себя. Положив руки на крышку своего громадного дубового стола, он переплел пальцы и судорожно их сжимал, напрягаясь изо всех сил, плотно прижимая ладони друг к другу. — Всегда, — продолжил он, — всегда это должен быть кто-то. Кроме того, Тавернер — важная персона. Как раз из таких, которые ей нравились. По сути, именно потому он там и оказался — Алайс предпочитала такой тип знаменитостей. И потом… — Бакман поднял взгляд, — почему нет? Тавернер отлично подойдет. — И в самом деле, почему нет? — мрачно подумал он, продолжая все крепче и крепче сжимать побелевшие от напряжения пальцы над

своим дубовым столом.

Глава 26

Бредя по тротуару прочь от домика Мари-Анн, Ясон Тавернер сказал себе: «Удача вновь повернулась ко мне лицом. Все возвращается — все, что я на время утратил. И слава богу!»

Я самый счастливый человек в этом паскудном мире, сказал он себе. Сегодня величайший день в моей жизни. И еще подумал: «Никогда по-настоящему не оценишь, пока не потеряешь, пока внезапно не лишишься. Что ж, я на двое суток что-то потерял, а теперь оно вернулось, и я могу это оценить».

Сжимая в руках коробку, где лежала сработанная Мари-Анн ваза, он поспешил помахать рукой проезжавшему мимо такси.

— Куда, мистер? — спросило такси, едва дверца отъехала в сторону.

Задыхаясь от усталости, Ясон забрался в кабину и вручную закрыл дверцу.

— Норден-Лейн, 803, — сказал он, — В Беверли-Хиллз. — Адрес Хильды Харт. В конце концов Ясон к ней возвращался. Причем самим собой, а не тем, кем она его вообразила в те жуткие двое суток.

Такси взвилось в небо, а Ясон благодарно отвалился на спинку сиденья, чувствуя еще большую усталость, чем в квартире у Мари-Анн. А как же с Алайс Бакман, задумался он. Не следует ли снова попытаться связаться с генералом Бакманом. Теперь он уже наверняка все знает. И мне надо бы держаться подальше. Звезде телевидения и грамзаписи не следует влипать во всякие скандальные делишки, сообразил Ясон. Желтая пресса, подумал он, всегда готова в полный рост это раскрутить.

Но я кое-чем обязан Алайс, подумал затем Ясон. Она срезала с меня все электронные устройства, которые развесили на мне полы, прежде чем выпустить из здания Полицейской академии.

Но теперь меня уже не будут искать. Я получил назад свой УД; меня знает вся планета. Тридцать миллионов телезрителей могут подтвердить мое законное физическое существование.

Никогда мне уже не придется бояться выборочной проверки на блок-посту, заверил себя Ясон и закрыл глаза в легкой дремоте.

— Приехали, сэр, — вдруг сказало такси. Ясон распахнул глаза и сел прямо. Уже? Выглянув наружу, он увидел квартирный комплекс, где у Хильды Харт было свое гнездышко на Западном

побережье.

— Да-да, — пробормотал он, роясь в карманах плаща в поисках пачки банкнот. Наконец Ясон расплатился с такси, и оно открыло дверцу, чтобы его выпустить. Снова обретая хорошее настроение, он спросил:

— А если б я не заплатил за проезд, вы бы открыли мне дверцу?

Такси не ответило. Оно не было запрограммировано на такой вопрос. Но ему-то, черт побери, что за дело? у него-то деньги были.

Ясон вылез на тротуар, затем по дорожке из круглых плиток красного дерева прошел к главному вестибюлю роскошного десятиэтажного строения, посредством подачи сжатого воздуха плававшего в нескольких футах над землей. Это парение давало его обитателям непрекращающееся ощущение нежного покачивания, будто на гигантской материнской груди. Ясону всегда это нравилось. На Востоке это еще не привилось, но здесь, на Западном побережье, уже составляло модную роскошь.

Нажав номер квартиры Хильды, Ясон стал ждать, держа картонную коробку на поднятых кверху пальцах правой руки. Лучше бы мне этого не делать, подумал он; я могу уронить ее, как уже

уронил ту, другую. Впрочем, теперь я не собираюсь ее ронять — теперь мои руки в порядке.

Я подарю эту чертову вазу Хильде, решил Ясон. Пусть это будет подарок, который я, отдавая должное ее превосходному вкусу, для нее выбрал.

Видовой экран квартирного блока Хильды засветился, и там возникло женское лицо. Сюзи, служанка Хильды.

— А, мистер Тавернер, — сказала Сюзи и немедленно отпустила запор, управлять которым можно было только из пределов зоны повышенной безопасности. — Входите. Хильда вышла, но она…

Я подожду, — сказал Ясон. Проскользнув через вестибюль к лифту, он нажал кнопку подъема и стал ждать.

Считанные мгновения спустя у приоткрытой двери квартиры Хильды Ясона уже встречала Сюзи. Прелестная темнокожая малышка приветствовала его как обычно — с теплотой и некоторой фамильярностью.

— Привет, — сказал Ясон и вошел.

— Как я вам говорила, — сказала Сюзи, — Хильда ушла за покупками, но она вернется к восьми. Сегодня у нее масса свободного времени, и она сказала, что хочет как можно лучше его исполь-

зовать, потому что на оставшуюся часть недели у нее запланирован большой сеанс звукозаписи на Ар-си-эй.

— Я не тороплюсь, — откровенно признался Ясон. Затем, войдя в гостиную, положил картонную коробку на кофейный столик, в самый центр, где Хильда точно бы ее увидела. — Я послушаю квадро и трах, — сказал он. — Если можно.

— Разве вам когда-то нельзя? — спросила в ответ Сюзи. — Мне тоже надо выйти. У меня номерок к дантисту на четыре пятнадцать, а это аж по ту сторону Голливуда.

Ясон одной рукой приобнял девушку, а другой сжал ее тугую правую грудь.

— А вы сегодня на взводе, — польщенно заметила Сюзи.

— Давай разогреемся, — предложил Ясон.

— Вы для меня высоковаты, — отозвалась Сюзи и пошла продолжить хлопоты по дому, прерванные его звонком.

У фонографа Ясон просмотрел пачку недавно прослушанных альбомов. Ни один ему не приглянулся. Тогда он наклонился к полке и пробежал глазами корешки всей коллекции. Оттуда Ясон выбрал несколько альбомов Хильды и пару своих. Затем он сложил их в стопку на сбрасывателе

и включил машину. Звукосниматель опустился, и звуки «Хартии Харт», его любимого диска, эхом разнеслись по большой гостиной со всеми ее искусно размещенными драпировками, прекрасно подчеркивавшими натуральные квадроакустические тона.

Ясон лег на диван, сбросил ботинки, устроился поудобнее. Хильда чертовски славно постаралась, когда это записывала, пробормотал он себе под нос. Ну и вымотался же я — как никогда. А все из-за мескалина. Проспал бы сейчас целую неделю. Может, и правда просплю. Под звуки голоса Хильды и моего собственного. Почему мы никогда не записывали совместного альбома, спросил он себя. А что? Неплохая идея. Можно продать. Ладно. Ясон закрыл глаза. Цены вдвое — и Эл организовал бы для нас промоушн на Арси-эй. Хотя у меня контракт с «Реприз». Ничего, это можно уладить. Без труда нигде не обойтись. Но дело того стоит.

С закрытыми глазами он произнес: «А теперь — Ясон Тавернер». Сбрасыватель шлепнул следующий диск. Уже? — спросил себя Ясон. Затем сел и посмотрел на часы. Оказалось — он продремал всю «Хартию Харт», почти ее и не послушал. Тогда Ясон снова лег на спину и закрыл глаза. Сон,

подумал он, под звук собственного голоса. И действительно, голос Ясона Тавернера, усиленный двухдорожечным наложением гитар и духовых, резонировал вокруг.

Тьма. С открытыми глазами Ясон сел и сразу понял, что прошло уже очень много времени.

Тишина. Сбрасыватель проиграл всю стопку — запас на многие часы. Сколько же теперь времени?

Пошарив вокруг, Ясон нашел знакомую лампу, нащупал выключатель и зажег свет.

На часах было десять тридцать. Холод и голод. Тде же Хильда, недоумевал Ясон, нашаривая ботинки. Ступни сырые и холодные, а в желудке пусто. Может быть, я…

Входная дверь распахнулась. Там стояла Хильда — в своем херувимском плаще, держа в руке номер «Эл-Эй тайме». Лицо ее — серое, застывшее — показалось Ясону посмертной маской.

— Что случилось? — с ужасом спросил он.

Подойдя к нему, Хильда протянула газету. Молча. Так же молча Ясон ее взял. Прочел шапку.

ПОПУЛЯРНЫЙ
ТЕЛЕВЕДУЩИЙ РАЗЫСКИВАЕТСЯ В
СВЯЗИ СО СМЕРТЬЮ СЕСТРЫ ГЕНЕРАЛА
ПОЛИЦИИ

— Ты убил Алайс Бакман? — просипела Хильда.

— Нет, — отозвался Ясон, читая статью.

> «Популярный телеведущий Ясон Тавернер, звезда собственного часового вечернего шоу, по мнению Департамента полиции Лос-Анджелеса, замешан в том, что полицейские эксперты квалифицируют как тщательно спланированное убийство на почве ревности, объявила сегодня Полицейская академия. Тавернер, 42 лет от роду, разыскивается как…»

Ясон прекратил читать и свирепо скомкал газету.

— Дерьмо, — сказал он затем. И, отчаянно дрожа, сделал глубокий вдох.

— Там указан ее возраст, — сказала Хильда. — Тридцать два года. Я точно знаю, что ей было тридцать четыре.

— Я был при этом, — сказал Ясон. — Был в доме.

— Не знала, что ты ее знал, — сказала Хильда.

— Я только-только с ней познакомился. Сегодня.

— Сегодня? Только сегодня? Сомневаюсь.

— Это правда. Генерал Бакман допрашивал меня в здании академии, а она остановила меня когда я оттуда выходил. Полы разместили на мне кучу всяких жучков, да еще и…

— Такое проделывают только со студентами, — заметила Хильда.

— Алайс всю эту ерунду срезала, — закончил Ясон. — А потом пригласила меня к себе домой.

— И умерла, — подытожила Хильда.

— Да. — Ясон кивнул. — Я увидел ее труп. Причем в виде желтого, высохшего скелета. Это меня напугало. Да, верно, это чертовски меня напугало. И я как можно скорее оттуда убрался. А ты бы как поступила?

— Почему ты увидел ее в виде скелета? Вы что, на пару приняли какой-то наркотик? Она вечно что-то принимала, так что нетрудно предположить…

— Мескалин, — уточнил Ясон. — Вернее, так она мне сказала. Но я сомневаюсь, что это был мескалин. — Хотел бы я знать, что там на самом деле было, сказал себе Ясон. Страх по-прежнему леденил его душу. Быть может, все это плод галлюцинации, как с тем скелетом? Нахожусь я здесь или валяюсь на вшивой койке в номере того захудалого отеля? Боже милостивый, подумал он,

что же мне теперь делать?

— Тебе лучше сдаться, — сказала Хильда.

— Этого им на меня не повесить, — сказал Ясон. Но в душе он знал обратное. За последние двое суток он выяснил многое о полиции, что заправляла их обществом. Наследие Второй Гражданской войны, подумал Ясон. От консерваторов к полам. Одним легким прыжком.

— Если ты этого не делал, тебя не обвинят. Полы справедливы. А нацы за тобой, судя по всему, не охотятся.

Разгладив газету, Ясон прочел еще выдержку.

> «…считается передозировка токсического вещества, введенного Тавернером, пока мисс Бакман либо спала, либо пребывала в состоянии…»

— Временем убийства здесь назван вчерашний день, — сказала Хильда. — Где ты вчера был? Я звонила тебе домой, но там никто не подошел. А ты только что сказал…

— Это случилось не вчера. Это случилась сегодня утром. — Все вокруг вдруг сделалось странно-жутковатым; Ясон почувствовал невесомость — словно он плыл по квартире в бездонном море забвения. — Они датировали это задним числом.

Как-то раз у меня на шоу был в гостях эксперт из пол-лаборатории, и после эфира он рассказал мне, как они там…

— Заткнись, — резко оборвала его Хильда.

Ясон умолк. И стоял в беспомощном ожидании.

— В статье есть кое-что про меня, — сквозь зубы процедила Хильда. — Посмотри на обороте.

Ясон послушно перевернул страницу и прочел там продолжение статьи.

> «…в качестве гипотезы пол-эксперты предложили теорию о том, что связь Хильды Харт, также весьма популярной фигуры на телевидении и в студиях грамзаписи, с мисс Бакман подтолкнула Тавернера к мстительному кутежу, во время которого…»

— А что за связь была у тебя с Алайс? — спросил Ясон. — Зная ее…

— Ты же ее не знал. Ты же сказал, что только сегодня с ней познакомился.

— Она была какая-то странная. Честно говоря, я подумал, что она лесбиянка. А что, у вас с ней была сексуальная связь? — Он понял, что повышает голос, но ничего не смог с этим поделать. — Ведь

на это намекают в статье. Это правда?

От удара его голова мотнулась вбок; Ясон отшатнулся, машинально вскидывая руки для защиты. Такой оплеухи ему получать еще не доводилось. Было чертовски больно. В ухе звенело.

— Ладно, — выдохнула Хильда. — Ударь меня в ответ.

Ясон замахнулся было, покрепче сжимая кулак но затем заставил руку упасть, а пальцы расслабиться.

— Не могу, — процедил он. — А хотел бы. Везет тебе.

— Да, пожалуй. Если ты убил Алайс, ты наверняка мог бы убить и меня. Что тебе терять? Тебя все равно в газовую камеру отправят.

— Ты мне не веришь, — сказал Ясон. — Что я ее не убивал.

— Это неважно. Они думают, что ты ее убил. Даже если ты выпутаешься, это будет означать конец твоей карьеры, будь она проклята. И моей тоже, раз уж на то пошло. С нами покончено — хоть это ты понимаешь? Понимаешь ты, что ты наделал? — Хильда уже почти визжала. Напуганный, Ясон двинулся было к ней, но затем, когда она окончательно перешла на крик, в смятении шатнулся назад.

— Если б я мог переговорить с генералом Бакманом, — сказал он, — возможно, мне удалось бы…

— С ее братом? Так ты к нему собираешься апеллировать? — Хильда наступала на него, скрюченные ее пальцы походили на когти хищной птицы. — Он же глава комиссии по расследованию убийства. Как только коронер доложил, что это было убийство, генерал Бакман объявил, что берет весь инцидент под личную ответственность. Ты что, не можешь хотя бы статью дочитать? Я раз десять ее прочла, пока сюда добиралась; купила ее в Бель-Эйр, после того как получила там новый парик — тот, что мне выписали из Бельгии. Он наконец-то прибыл. А тут такое. Ну, что теперь делать?

Ясон попытался ее обнять. Хильда жестко отстранилась.

— Я не намерен сдаваться, — сказал он.

— Делай что хочешь. — Голос ее упал до почти невнятного шепота. — Я больше не желаю иметь с тобой ничего общего. Лучше б вы оба подохли — ты и она. Эта костлявая сука ничего, кроме неприятностей, никогда мне не доставляла. В конце концов пришлось в буквальном смысле вышвырнуть ее из дома. А то прилипла как пиявка.

— Ну и как она была в постели? — спросил Ясон — и резко отшатнулся, увидев, что Хильда вот-вот вцепится ему в физиономию.

Какое-то время оба молчали, стоя вплотную друг к другу. Ясон слышал и дыхание Хильды, и свое собственное. Стремительные, шумные перемещения воздуха. Туда-сюда, туда-сюда. Ясон захлопнул глаза.

— Делай что хочешь, — некоторое время спустя сказала Хильда. — А я пойду сдаваться в академию.

— Разве ты им тоже потребовалась? — спросил Ясон.

— Да прочитаешь ты всю статью или нет? Полам нужно мое признание. На предмет того, как ты относился к моей связи с Алайс. Черт подери! Да ведь каждая собака знает, что мы с ней спали.

— Я ничего об этом не знал.

— Я им об этом скажу. А когда… — Хильда поколебалась, затем все же продолжила: — Когда ты узнал?

— Из газеты, — сказал Ясон. — Только что.

— Так ты не знал об этом вчера, когда она была убита?

Тут Ясон сдался. Безнадежно, сказал он себе. Это как жить в мире из резины. Все отскакивает. Все

меняет форму, стоит тебе прикоснуться или даже просто взглянуть.

— Хорошо, сегодня, — сказала Хильда. — Если ты так считаешь. Уж кому это знать, как не тебе.

— Прощай, — сказал Ясон. Усевшись на диван, от вытащил из-под него ботинки, обулся и завязал шнурки. Затем протянул руку за лежавшей на кофейном столике коробкой.

— Это тебе, — сказал он и швырнул Хильде коробку. Коробка ударилась Хильде в грудь, а затем упала на пол.

— Что там? — спросила Хильда.

— Уже не помню, — отозвался Ясон.

Присев на корточки, Хильда открыла коробку и вытащила оттуда завернутую в газету вазу голубой глазури. От падения ваза не разбилась.

— Ах, — только и выдохнула Хильда, вставая и внимательно разглядывая вазу. Затем она поднесла ее к свету. — Невероятно красивая, — сказала она. — Спасибо.

— Я не убивал ту женщину, — сказал Ясон.

Отойдя к дальней стене, Хильда поставила вазу на высокую полку среди разного антиквариата. И ничего не сказала.

— Что мне теперь остается, — спросил Ясон, — кроме как уйти? — Он выждал, но Хильда

по-прежнему молчала. — Скажи же хоть что-нибудь.

— Позвони туда, — ответила Хильда. — И скажи, что ты здесь.

Ясон взял трубку и набрал номер оператора.

— Соедините меня с Полицейской академией Лос-Анджелеса, — сказал он оператору. — С генералом Феликсом Бакманом. Скажите ему, что звонит Тавернер. — Оператор молчал. — Вы слышите? — спросил Ясон.

— Но, сэр, вы можете позвонить напрямую.

— Мне нужно, чтобы это сделали вы, — объяснил Ясон.

— Но, сэр…

— Пожалуйста, — попросил Ясон.

Глава 27

Фил Вестербург, старший помощник коронера Полицейской академии Лос-Анджелеса, сказал Феликсу Бакману, своему начальнику:

— Загвоздку с наркотиком лучше всего объяснить следующим образом. Вы никогда про него не слышали, потому что он еще не применяется; Алайс, наверное, взяла его из лаборатории специального назначения в академии. — Он что-то

набросал на листке бумаги. — Привязка ко времени — это функция мозга. Это структурализация восприятия и ориентации.

— Но почему наркотик ее убил? — сказал Бакман. Было уже поздно, и у него разболелась голова. Ему хотелось, чтобы день поскорее кончился и все от него отстали. — Передозировка? — спросил он.

— До сих пор у нас не было возможности установить, что происходит при передозировке КР-3. В настоящее время данный препарат испытывается на нескольких добровольцах в исправительно-трудовом лагере Сан-Бернардино, однако пока что… — Вестербург снова принялся что-то рисовать на листке бумаги, — пока что нам известно лишь следующее. Привязка ко времени есть функция мозга, и она продолжает существовать до тех пор, пока мозг получает входную информацию. Нам также известно, что мозг не может функционировать, пока он, в свою очередь, не связан с пространством, а вот почему, мы так до сих пор не выяснили. Возможно, это связано с инстинктивной стабилизацией реальности таким образом, чтобы цепочки событий могли располагаться в форме «раньше-позже» (так, между прочим, получается время) и, что еще

важнее, занимали много места, как, например, в том случае, когда трехмерный объект сопоставляется с этим рисунком.

Вестербург показал Бакману свой набросок. Бакман ничего там не разобрал, лишь тупо таращился и прикидывал, где бы ему в такой поздний час раздобыть дарвон от головной боли. Может, у Алайс найдется? У нее всегда была куча всяких таблеток.

— Далее, — продолжил Вестербург, — одно из свойств пространства таково, что любой отдельно взятый объем пространства исключает все прочие отдельно взятые объемы. То есть, если некий предмет находится там, его не может быть здесь. То же самое и со временем: если некое событие случается раньше, оно не может также случиться позже.

— А не может все это подождать до завтра? Вы же сперва сказали, что у вас уйдет двадцать четыре часа на то, чтобы установить, какой именно использовался токсин. Двадцать четыре часа меня вполне бы устроили.

— Но вы же сами потребовали, чтобы мы ускорили анализ, — стал оправдываться Вестербург. — Вы решили, чтобы вскрытие было проведено незамедлительно. Сегодня, в два де-

сять, как только меня официально вызвали на место происшествия.

— Я так сказал? — переспросил Бакман. Да, я это сделал, подумал он. Прежде чем маршалы успели бы сварганить свою версию. — Ладно, валяйте дальше, — сказал он. — Только прекратите рисовать всякую ерунду у меня и так уже в глазах темно. Просто рассказывайте.

— Исключительность пространства, как мы выяснили, есть только лишь функция мозга, пока он обрабатывает чувственное восприятие. Он оперирует данными с точки зрения запретных друг для друга участков пространства. Многих миллионов таких участков. Теоретически, впрочем, и триллионов. Но само по себе пространство не исключительно. Собственно говоря, пространства вообще не существует.

— То есть?

Вестербург, с трудом удерживаясь от желания порисовать, продолжил:

— Такой наркотик, как КР-3, лишает мозг способности отличать один участок пространства от другого. Так что пока мозг пытается обработать данные чувственного восприятия, противостояние «здесь» и «там» теряется. Мозг неспособен решить находится ли некий объект на месте

или его уже там нет. Когда такое случается, мозг уже не может различать альтернативные пространственные вектора. Таким образом для него открывается Целый ряд пространственных вариантов. Мозг уже не может решить, какие объекты существуют, а какие представляют собой лишь скрытые, непространственные возможности. И в результате всего этого открываются конкурирующие пространственные коридоры, куда входит искаженная система восприятия — и мозгу является целая новая вселенная, находящаяся в процессе сотворения.

— Понимаю, — кивнул Бакман. На самом деле он не только ровным счетом ничего не понимал, но даже и не пытался. Хочу только поехать домой, подумал он. И забыть обо всем.

— Это крайне важно, — продолжил Вестербург. — На самом деле это серьезнейший научный прорыв. Любой человек, подвергшийся воздействию КР-3, волей-неволей наблюдает нереальные вселенные. Как я уже сказал, триллионы возможностей теоретически становятся реальными, и система восприятия испытуемого выбирает одну возможность из всех представленных. Она обязана выбрать, ибо, если она не выберет, конкурирующие вселенные нало́жатся

друг на друга и представление о самом пространстве исчезнет. Вы следите за ходом моей мысли?

Расположившийся неподалеку за собственным столом Герб Майм сказал:

— Это значит, что мозг хватается за ту пространственную вселенную, которая у него под рукой.

— Да, — подтвердил Вестербург. — Ведь вы читали секретный отчет по КР-3, не так ли, мистер Майм?

— Я прочел его чуть более часа тому назад, — сказал Герб Майм. — Там слишком много технических подробностей, чтобы я мог во всем разобраться. Но я все-таки усвоил, что подобные эффекты преходящи. В конечном счете мозг восстанавливает контакт с действительными пространственно-временными объектами, которые он до этого воспринимал.

— Верно, — кивнул Вестербург. — Тем не менее, пока наркотик действует, субъект существует (или думает, что существует) в…

— Неважно, существует он или думает, что существует, — заметил Герб. — Здесь нет никакой разницы. Именно так и действует наркотик — он устраняет эту разницу.

— Технически — да, — согласился Вестербург. — Но с точки зрения субъекта, его окутывает

актуализированная среда, чуждая бывшей, той, где он прежде существовал. И тогда субъект действует так, словно он попал в новый мир. В новый мир с измененными перспективами, причем степень изменения устанавливается согласно тому, насколько далеко пространственно-временной мир, который субъект прежде воспринимал, отстоит от нового, где он вынужден действовать.

— Все, я пошел домой, — сказал Бакман. — Я больше не в силах это терпеть. — Он встал на ноги. — Благодарю вас, Вестербург, — произнес он, машинально протягивая руку старшему помощнику коронера. Тот ее пожал. — Составьте для меня резюме, — сказал Бакман Гербу Майму. — Утром я его просмотрю. — И он направился к двери, перекинув через руку свое серое пальто. Как он всегда его носил.

— Так теперь вы понимаете, что случилось с Тавернером? — спросил Герб.

Бакман помедлил.

— Нет, — ответил он.

— Он перешел во вселенную, где его не существует. И мы перешли вместе с ним, ибо мы — объекты системы его восприятия. А затем, когда наркотик выдохся, Тавернер вернулся назад. Здесь же его снова заблокировало не что-то, что

он принял или не принял, а смерть Алайс. Так что потом его досье, естественно, пришло к нам с Центральной базы.

— Спокойной ночи, — сказал Бакман. Выйдя из кабинета, он прошел через громадный безмолвный зал с рядами безупречных металлических столов, убранных в конце рабочего дня и неотличимых один от другого — включая и стол Макнульти.

От ночного воздуха, чистого и холодного, у Бакмана жутко разболелась голова. Он закрыл глаза и заскрипел зубами. А потом подумал: «Я мог бы взять анальгетик у Фила Вестербурга. В аптеке академии есть, наверное, штук пятьдесят разных, а у Вестербурга есть ключи».

Войдя в спускную трубу, Бакман снова прибыл на четырнадцатый этаж и вернулся в свой комплекс кабинетов, где все еще сидели и совещались Вестербург и Герб Майм.

Обращаясь к Бакману, Герб сказал:

— Я хочу пояснить еще один момент, о котором вскользь упомянул. Насчет того, что мы — объекты системы восприятия Тавернера.

— Это неправда, — отозвался Бакман.

— Это и правда, и неправда, — возразил Майм. — Дело в том, что КР-3 принял не Тавер-

нер. Его. приняла Алайс. Тавернер, как и мы, остальные, сделался данной величиной в системе восприятия вашей сестры и волей-неволей потащился вслед за ней, когда она перешла в альтернативную систему координат. Очевидно, Алайс была сильно увлечена Тавернером как артистом, служившим средством исполнения ее тайных желаний, поэтому она на какое-то время и вообразила, что знает его как реальную персону. Однако, даже несмотря на то что ей удалось превратить желаемое в действительное, приняв наркотик, Тавернер и мы в одно и то же время оставались в наших собственных вселенных. В одно и то же время мы занимали два пространственных коридора — реальный и нереальный. Один коридор является действительным; другой же представляет собой всего-навсего скрытую возможность среди многих, временно наделенную пространством при помощи КР-3. Но лишь временно. Примерно надвое суток.

— Этого времени вполне достаточно, — вмешался Вестербург, — чтобы нанести колоссальный ущерб вовлеченному в этот процесс мозгу. Мозг вашей сестры, мистер Бакман, пострадал не столько от интоксикации, сколько от чрезмерно высокой и непрерывной перегрузки. Мы

вполне можем установить, что истинной причиной смерти явились необратимые повреждения кортикальной ткани, ускорение нормального неврологического распада. Можно сказать, ее мозг умер от старости, которая наступила за эти двое суток.

— У вас не найдется немного дарвона? — спросил Бакман у Вестербурга.

— Аптека заперта, — сказал Вестербург.

— Но у вас есть ключ.

— Вообще-то, — сказал Вестербург, — я не должен им пользоваться, пока фармацевта нет на месте.

— Сделайте исключение, — резко произнес Герб. — На этот раз.

Вороша связку ключей, Вестербург направился к двери.

— Будь фармацевт на месте, — некоторое время спустя заметил Бакман, — ключ бы ему не понадобился.

— Вся наша планета, — отозвался Герб, — управляется бюрократами. — Он пристально разглядывал Бакмана. — Вы слишком нездоровы, чтобы и дальше вести дела. Когда он даст вам дарвон, отправляйтесь домой.

— Я не болен, — возразил Бакман. — Просто

неважно себя чувствую.

— Тем не менее вам не стоит здесь находиться. Я тут со всем справлюсь. А то вы то уходите, то снова возвращаетесь.

— Я сейчас как животное, — сказал Бакман. — Как подопытная крыса.

Телефон на большом дубовом столе зазвонил.

— Может это быть кто-то из маршалов? — спросил Бакман. — Сегодня я с ними разговаривать не могу. Это надо отложить на потом.

Герб взял трубку. Послушал. Затем, прикрывая ладонью микрофон, сообщил Бакману:

— Это Тавернер. Ясон Тавернер.

— Я поговорю с ним. — Забрав у Герба Майма трубку, Бакман сказал: — Привет, Тавернер. Уже поздновато.

В ухе у него тут же прозвучал гулкий голос Тавернера:

— Я хочу сдаться. Сейчас я в квартире у Хильды Харт. Мы здесь вместе ждем.

Обращаясь к Гербу Майму, Бакман сказал:

— Он хочет сдаться.

— Велите ему явиться сюда, — сказал Герб.

— Явитесь сюда, — сказал Бакман в трубку. — А зачем вы хотите сдаться? Ведь мы в конечном счете все равно вас убьем, сукин вы сын. Грязный

убийца, вы же сами это знаете. Почему же вы не бежите?

— Куда? — прохрипел Тавернер.

— В один из кампусов. Лучше всего в кампус Колумбийского университета. Там все более-менее нормализовалось; есть еще кое-какие запасы пищи и воды.

— Не хочу, чтобы за мной охотились, — сказал Тавернер. — Надоело.

— Жить — это значит, чтобы за тобой охотились, — проскрежетал зубами Бакман. — Короче, являйся сюда, и мы тебя оформим. Да, и эту дамочку Харт тоже с собой прихвати. Чтобы мы смогли записать ее признание. — Дурак ты набитый, подумал он. Сам сдаешься. — Отрежь себе яйца, пока они у тебя еще есть. Гнида вонючая. — Голос генерала полиции задрожал.

— Я хочу оправдаться, — тонко прозвенел в ухе у Бакмана голос Тавернера.

— Как только ты сюда явишься, — сказал Бакман, — я сразу же тебя пристрелю. Из моего личного пистолета. За сопротивление при аресте, дегенерат ты чертов. Или еще за что-нибудь. Уж как нам заблагорассудится это назвать. Как больше понравится. — Он повесил трубку. — Он едет сюда, чтобы его тут убили, — сказал он Гербу

Майму.

— Вы подцепили его на крючок. Если хотите, можете отцепить. Снимите с него обвинение. Отошлите его обратно к записям на студии и пошлому телешоу.

— Нет, — покачал головой Бакман.

Тут в дверях с двумя розовыми капсулами и стаканчиком воды появился Вестербург.

— Производное дарвона, — сказал он, протягивая все это Бакману.

— Спасибо. — Бакман проглотил пилюли, запил их водой, затем скомкал бумажный стаканчик и бросил его в бумагорезку. Зубчики бумагорезки негромко покрутились, затем встали. Повисла тишина.

— Поезжайте домой, — предложил ему Герб. — Или, еще лучше, отправляйтесь в мотель. В хороший мотель где-нибудь в центре города на всю ночь. Хорошенько выспитесь. Я тут разберусь с маршалами, когда они позвонят.

— Я должен встретить Тавернера.

— Нет, не надо. Я сам его оформлю. Или его может оформить дежурный сержант. Как любого другого преступника.

— Поймите, Герб, — сказал Бакман. — Я действительно собираюсь убить этого парня, как

и сказал по телефону. — Подойдя к своему столу, он открыл самый нижний ящичек, вынул оттуда кедровую шкатулку и поставил ее на стол. Открыв шкатулку, Бакман достал оттуда однозарядный пистолет «дерринджер-22». Затем зарядил его тупоносым патроном и поставил на предохранитель, держа его при этом дулом к потолку. Безопасности ради. Привычка.

— Дайте посмотреть, — попросил Герб.

Бакман отдал ему пистолет.

— Работы Кольта, — пояснил он. — Кольт приобрел чертежи и патенты.

— Превосходное оружие, — сказал Герб, взвешивая пистолет на ладони. — Затем он вернул его Бакману. — Только двадцать второй калибр маловат. Ведь вы должны будете влепить ему прямиком между глаз. А ему нужно будет стоять как раз перед вами. — Он положил Бакману руку на плечо. — Воспользуйтесь лучше тридцать восьмым особым или сорок пятым. Ага? Согласны?

— Знаете, кому принадлежит этот пистолет? — спросил Бакман. — Алайс. Она хранила его здесь. Говорила, что, хранись он у нас дома, она наверняка бы употребила его во время очередного нашего с ней спора. Или как-нибудь поздно ночью, когда ее охватывала депрессия. Но это не

дамское оружие. Дерринджер делал дамские пистолеты, но этот не из тех.

— Вы раздобыли для нее этот пистолет?

— Нет, — ответил Бакман. — Алайс сама откопала его в одной жалкой лавчонке в районе Уоттса. Заплатила за него двадцать пять баксов. Если учесть его состояние, совсем неплохая цена. — Мы правда должны его убить. Маршалы распнут меня, если мы не повесим все дело на Тавернера. А я непременно должен остаться на нынешнем уровне.

— Я об этом позабочусь, — заверил его Герб.

— Ладно, — кивнул Бакман. — Я поеду домой. — Он положил пистолет обратно в шкатулку, на подушечку красного бархата, закрыл крышку, затем опять открыл и вынул из пистолета патрон двадцать второго калибра. Герб Майм и Фил Вестербург наблюдали. — В этой модели ствол разрывает вбок, — заметил Бакман. — Это необычно.

— Вы бы лучше взяли с собой черно-серого, чтобы отвезти вас домой, — посоветовал Герб. — После всего, что случилось, в таком состоянии вам не следует садиться за руль.

— Я могу вести, — возразил Бакман. — Я всегда могу вести. Вот чего должным образом я не могу,

это всадить пулю двадцать второго калибра в человека, который стоит прямо передо мной. Кому-то придется сделать это за меня.

— Доброй ночи, — тихо произнес Герб.

— Доброй ночи. — Бакман вышел из кабинета и через другие кабинеты, безлюдные комплексы и залы академии снова добрался до подъемной трубы. Благодаря действию дарвона головная боль постепенно утихала; Бакман испытывал за это благодарность. Теперь я вволю могу дышать ночным воздухом, подумал он. Без всяких мучений.

Дверца подъемной трубы скользнула в сторону. За ней стоял Ясон Тавернер. А с ним — привлекательная женщина. Оба были бледны и явно напуганы. Оба — статные, обаятельные, нервозные. Сразу понятно, что сексты. Побежденные сексты.

— Вы находитесь под полицейским арестом, — сказал Бакман. — Вот вам ваши права. Все, что вы скажете, может быть использовано против вас. У вас есть право на юридическую консультацию, и, если вы не можете нанять адвоката, таковой будет для вас назначен. У вас есть право подвергнуться суду присяжных, однако вы можете отказаться от этого права и быть судимыми судьей, назначенным Полицейской академией

города и округа Лос-Анджелес. Понимаете вы, что я только что сказал?

— Я пришел сюда оправдаться, — произнес Ясон Тавернер.

— Мой сотрудник запишет ваши показания, — сказал Бакман. — Идите в те голубые кабинеты, куда вас раньше приводили. — Бакман указал пальцем. — Видите его? Вон там? Мужчину в однобортном пиджаке с желтым галстуком?

— Могу я сделать признание? — спросил Ясон Тавернер. — Я признаю, что находился в доме, когда она умерла, однако не имею к этому ни малейшего отношения. Я поднялся наверх и нашел ее в ванной. Алайс пошла туда за аминазином. Чтобы нейтрализовать мескалин, который она мне дала.

— Ясон увидел только скелет, — подхватила женщина — очевидно, Хильда Харт. — Из-за мескалина. Можно оправдать его на том основании, что он находился под воздействием мощного галлюциногенного препарата? Разве это его по закону не оправдывает? Он же не контролировал свои действия. А я тут вообще ни при чем. Я даже не знала, что Алайс умерла, пока не прочла сегодняшнюю газету.

— В некоторых штатах, может, и оправдыва-

ет, — сказал Бакман.

— Но не здесь, — вяло произнесла женщина. С пониманием.

Появившись из своего кабинета, Герб Майм быстро оценил ситуацию и сказал:

— Я оформлю его и запишу их показания, мистер Бакман. А вы отправляйтесь домой, как мы и договаривались.

— Спасибо, — поблагодарил Бакман. — Где мое пальто? — Он огляделся, но не нашел. — Боже, как холодно, — сказал он. — Ночью здесь отключают отопление, — объяснил он Тавернеру и Хильде Харт. — Мне очень жаль.

— Доброй ночи, — сказал ему Герб.

Войдя в подъемную трубу, Бакман нажал кнопку, запиравшую дверцу. Пальто при нем по-прежнему не было. Возможно, мне следовало прихватить черно-серого, сказал он себе. Велеть какому-нибудь ревностному курсанту низкого звания отвезти меня домой или, как предложил Герб, в один из хороших мотелей в центре города. Или в один из новых звуконепроницаемых отелей возле аэропорта. Но тогда мой шустрец остался бы здесь, и я не смог бы завтра утром полететь на нем на работу.

Холодный воздух и тьма на крыше заставили

Бакмана вздрогнуть. Даже дарвон не очень-то помогает, подумал он. Голова по-прежнему болит.

Открыв дверцу шустреца, Бакман забрался туда и захлопнул дверцу за собой. Внутри еще холодней, чем снаружи, подумал он. Господи боже. Он завел мотор и включил обогрев. Из напольных вентиляторов подул ледяной воздух. Бакман затрясся. Мне полегчает, когда я доберусь домой, подумал он. Затем он взглянул на свои наручные часы и обнаружил, что уже два тридцать. Неудивительно, что такой колотун, подумал он.

Почему я выбрал именно Тавернера? — спросил себя Бакман. Почему из всех шести миллиардов людей, что живут на планете, я выбрал этого конкретного человека, который никому не причинил вреда, ничего такого не сказал и не сделал — только позволил, чтобы его досье попало в поле зрения властей? Вот в чем тут соль, подумал Бакман. Ясон Тавернер позволил себе попасться нам на глаза. А ведь хорошо известно — стоит тебе хоть раз попасться на глаза властям, тебя уже никогда не забудут.

Но ведь я могу, как заметил Герб, отцепить его с крючка, подумал Бакман.

Нет. Опять приходится говорить нет. Кости легли еще в самом начале. Даже раньше, чем

кто-то из нас успел приложить к ним руку. Вот так-то, Тавернер, подумал Бакман, ты с самого начала был обречен. С самого твоего первого шага наверх.

Все мы играем роли, подумал Бакман. Занимаем определенное положение — кто-то высокое, кто-то низкое. Кто-то обычное, кто-то неопределенное. А некоторые — причудливое и словно нездешнее. Кто-то зримое, кто-то смутное и вообще незаметное. Роль Тавернера сделалась в конце концов слишком крупной и заметной — и именно тогда, в конце, ему надо было принимать решение. Если бы он смог остаться там, откуда начал: остаться маленьким человеком без необходимых УДов, в кишащем вшами и крысами трущобном отеле… если бы он смог там остаться, ему удалось бы вырваться… или в худшем случае загреметь в исправительно-трудовой лагерь. Но Тавернер сделал другой выбор.

Некая иррациональная воля внутри него заставила Тавернера выдвинуться, стать известным и знаменитым. Все в порядке, Ясон Тавернер, подумал Бакман, ты снова известен и знаменит, как и раньше, но еще лучше и в несколько другом ключе. В каком-то смысле все это служит высшим целям — целям, о которых ты ничего не

знаешь, но которые должен просто принять на веру. Когда тебя будут опускать в могилу, твой рот будет все еще раскрыт, задавая немой вопрос: «Что я такого сделал?» Так, с раскрытым ртом, тебя и похоронят.

И я никогда не смогу тебе этого объяснить, подумал Бакман. Смогу только посоветовать: не попадайся в поле зрения. Не вызывай у нас интерес. Не вынуждай нас узнать о тебе больше.

Однажды твоя история — ритуал и форма твоего падения — может быть предана огласке, в отдаленном будущем, когда она уже не будет ничего значить. Когда уже не будет исправительно-трудовых лагерей, полицейских колец вокруг кампусов. Когда не будет и самой полиции в современном ее виде — снабженных скорострельными автоматами громил, похожих в своих противогазах на тупорылых, большеглазых корнеедов, каких-то низших вредителей. В один прекрасный день может завершиться посмертное расследование, и выяснится, что по сути ты ни в чем не виноват — кроме того, что сделался слишком заметен.

Подлинная, окончательная истина заключается в том, что, несмотря на всю твою славу, несмотря на обожающую тебя громадную пуб-

лику, ты — бросовый товар, подумал Бакман. А я — нет. Вот в чем разница между нами. А значит, ты должен уйти, а я должен остаться.

Шустрец плыл все дальше и дальше — вверх, в скопление ночных звезд. И Бакман тихонько напевал себе под нос, стараясь заглянуть вперед, в будущее, в мир своего дома — в мир музыки, мыслей и любви, в мир книг, причудливых табакерок и редких марок. Крапинка, затерянная в ночи, он напевал, позабыв на время о ветре, что свистел мимо, словно того и не было.

Есть красота, которая никогда не будет утрачена, заявил себе Бакман. Я ее сохраню, ибо я один из немногих, кто ее лелеет. И я пребуду. А ведь именно это в конечном счете имеет значение.

Правя шустрецом, Бакман гудел себе под нос. И вскоре почувствовал скудное поначалу тепло, когда обогреватель шустреца стандартной полицейской модели, смонтированный у него под ногами, наконец-то заработал.

Что-то капнуло с кончика его носа на ткань пальто. Боже мой, в ужасе подумал Бакман. Опять я плачу. Он поднял руку и вытер глаза. Кого же я оплакиваю, спросил он себя. Алайс? Тавернера? Хильду Харт? Или всех скопом?

Нет, подумал он затем. Это просто рефлекс. От

усталости и тревоги. Эти слезы ничего не значат. А почему вообще мужчины плачут, задумался Бакман. Ведь они плачут совсем не как женщины — не из сентиментальных чувств. Мужчина оплакивает потерю чего-то — чего-то живого. Мужчина может оплакивать больное животное, зная, что оно не выживет. Или смерть ребенка. Мужчина может плакать по умершему ребенку. Но всегда по какому-то поводу, а не просто оттого, что ему грустно.

Мужчина, подумал Бакман, плачет не о прошлом или будущем, а о настоящем. Что же теперь в настоящем? Там, в здании Полицейской академии, мои сотрудники записывают показания Ясона Тавернера, а он рассказывает им свою историю. Как и всем прочим, Тавернеру необходимо отчитаться, сделать заявление, которое прояснило бы его невиновность. И вот прямо сейчас, пока я лечу в этом шустреце, Ясон Тавернер этим занимается.

Вывернув рулевое колесо, Бакман послал шустрец по длинной траектории и в конце концов выполнил иммельман. Теперь машина без всякой потери направлялась назад тем же путем. Бакман просто летел в противоположном направлении. Назад, к академии.

И по-прежнему плакал. С каждым мгновением слезы текли все быстрее и обильнее. Я на неверном пути, подумал Бакман. Герб был прав, мне не следует туда возвращаться. Все, что я там смогу сделать, это стать свидетелем тому, над чем я уже не властен. Я сейчас нарисован, подобно фреске. Пребываю в двух измерениях. Мы с Ясоном Тавернером — всего лишь фигурки из палочек на старом детском рисунке. Затерянном в пыли.

Выжав акселератор, Бакман вывернул рулевое колесо шустреца в обратную сторону; машина затарахтела, мотор глох и не запускался. Автоматический дроссель все еще закрыт, сказал себе Бакман. Мне следовало еще немного погазовать. По-прежнему было холодно. Он снова сменил направление.

Мучаясь от головной боли и усталости, Бакман в конце концов бросил в контрольную турель направляющей секции шустреца карточку с домашним маршрутом и шлепнул ладонью по кнопке автопилота. Я должен отдохнуть, сказал он себе. Протянув руку вверх, он привел в действие снотворную схему у себя над головой. Механизм загудел, и он закрыл глаза.

Искусственно индуцированный сон пришел, как всегда, немедленно. Почувствовав, как про-

валивается в него, Бакман обрадовался. Но затем, почти сразу, вне контроля снотворной системы, пришло сновидение. Бакман определенно не желал этого сновидения. Но и остановить его не мог.

Сельская местность, летом бурая и высохшая, где он некогда жил ребенком. Он ехал на лошади, а слева к нему медленно приближался целый табун. На конях скакали мужчины в сияющих мантиях, все разного цвета; на голове у каждого красовался остроконечный шлем, искрящийся под солнечным светом. Медленно и торжественно рыцари миновали его, и, пока они ехали невдалеке, он различил лицо одного из них: древнее, словно высеченное из мрамора, лицо глубокого старика с волнистыми каскадами белой бороды. Какой же выразительный у него был нос. И какие благородные черты лица. Такой усталый, такой серьезный — явно не простой человек. Очевидно, король.

Феликс Бакман пропустил всадников; он не обратился к ним, и они ничего ему не сказали. Всадники направлялись к дому, откуда он выехал. Какой-то человек заперся в этом доме — одинокий человек во тьме и безмолвии. Ясон Тавернер сидел в том доме без окон, отныне и

вовек предоставленный сам себе. Сидел там, просто существуя, в полной неподвижности. Феликс Бакман ехал дальше, в открытое поле. А потом сзади донесся один-единственный жуткий вопль. Всадники убили Тавернера, и, при виде того как они входят, чуя их в окружающем сумраке теней, зная, что они намереваются с ним сделать, Тавернер дико закричал.

В душе Феликса Бакмана воцарились абсолютное отчаяние и беспредельное горе. Но там, во сне, он не вернулся к дому и даже не оглянулся. Он просто ничего не мог сделать. Никто не смог бы остановить процессию всадников в разноцветных мантиях: им нельзя было запретить то, ради чего они явились. Так или иначе, все кончилось. Тавернер был мертв.

Мятущийся, помраченный рассудок Бакмана сумел подать релейный сигнал на чувствительные электроды снотворной схемы. Прерыватель напряжения со щелчком включился — и резкое, раздражающее пиканье вытащило Бакмана из его сновидения.

Боже мой, подумал он и задрожал. Как же похолодало. Как пусто и одиноко ему теперь было.

Страшное горе, оставшееся от сна, металось в его груди, по-прежнему причиняя страдания. Я

должен немедленно приземлиться, сказал себе Бакман. С кем-нибудь увидеться. С кем-нибудь поговорить. Я больше не могу оставаться один. Если бы я хоть на минутку мог…

Отключив автопилот, он повел шустрец к площадке, озаренной светом люминисцентных ламп внизу, — круглосуточной автозаправке.

Считанные мгновения спустя Бакман жестко приземлился перед топливными колонками на заправке. Шустрец его встал вплотную к другому — пустому, словно брошенному. Никого вокруг того шустреца Бакман поначалу не заметил.

Затем сияние фар высветило черную фигуру мужчины средних лет в пальто, аккуратном цветном галстуке, с правильными чертами аристократического лица. Сложив руки на груди, черный человек расхаживал по заляпанному маслом бетону с отсутствующим выражением на лице. Очевидно, он дожидался, пока робот-служитель закончит заправку его шустреца. Черный человек не проявлял ни особого нетерпения, ни полного равнодушия; он просто существовал во всей полноте своего одиночества и отчуждения, высоко держа голову и грациозно покачивая мощными плечами. Казалось, он ничего вокруг себя не видел — просто потому, что здесь его

ничего не интересовало.

Припарковав свой шустрец, Феликс Бакман заглушил мотор, открыл дверцу и неуклюже выбрался в холод ночи. Затем он направился к черному человеку.

Черный человек даже на него не посмотрел. Но держал дистанцию. Двигался спокойно, отчужденно. И молчал.

Трясущимися от холода пальцами Феликс Бакман полез в карман пальто; найдя шариковую ручку, он принялся рыться в поисках клочка бумаги — любой бумаги, листка из отрывного блокнота. Найдя этот листок, он положил его на капот шустреца черного человека. В белом ослепительном свете автозаправки Феликс Бакман нарисовал на листке сердце, пронзенное стрелой. Затем, дрожа от холода, повернулся к расхаживающему по белой площадке черному человеку и протянул ему рисунок.

Глаза черного человека на мгновение удивленно вспыхнули. Затем он взял листок и, обратив к свету, стал разглядывать. Бакман ждал. Черный человек перевернул бумажку, ничего не увидел на обороте, снова внимательно изучил сердце, пронзенное стрелой. Нахмурился, пожал плечами, затем вернул бумажку Бакману и опять

стал расхаживать со сложенными на груди руками, обратившись к генералу полиции мощной спиной. Листок бумаги запорхал прочь и вскоре потерялся в ночной тьме.

Феликс Бакман молча вернулся к своему шустрецу, распахнул дверцу и протиснулся к рулю. Заведя мотор, он захлопнул дверцу и взлетел в ночное небо; взлетные предупредительные подфарники шустреца мигали красным спереди и сзади. Затем они автоматически отключились, и Бакман поволокся к линии горизонта, ни о чем конкретно не думая.

Снова потекли слезы.

Внезапно Бакман вывернул рулевое колесо; шустрец резко подскочил, нырнул, пошел вниз чуть ли не по вертикальной траектории и выровнялся почти у самой автозаправки. Считанные мгновения спустя он уже тормозил под бьющим в глаза светом рядом с топливными колонками, пустым шустрецом и расхаживающим около него черным человеком. До упора выжав тормоза, Бакман отключил мотор и с трудом выбрался наружу.

Черный человек смотрел на него.

Бакман пошел к черному человеку. Черный человек не отдалился; он просто стоял, где сто-

ял. Бакман простер к нему руки, обнял черного человека и притянул к себе. Черный человек хмыкнул от удивления. И тревоги. Оба молчали. Так они стояли несколько мгновений, а затем Бакман отпустил черного человека, повернулся и нетвердой походкой направился обратно к своему шустрецу.

— Подождите, — сказал черный человек.

Бакман резко развернулся к нему лицом.

Некоторое время черный человек, дрожа, колебался, а затем сказал:

— Вы не знаете, как мне добраться до Вентуры? До тридцатой воздушной трассы? — Он помолчал. Бакман не ответил. — Это милях в пятидесяти к северу отсюда, — продолжил черный человек. — Бакман опять ничего не сказал. — У вас есть карта этого района? — спросил черный человек.

— Нет, — ответил Бакман. — Мне очень жаль.

— Я спрошу на заправке, — сказал черный человек и еле заметно улыбнулся. Застенчиво. — Знаете… рад был бы с вами познакомиться. Как вас зовут? — Черный человек ждал долго, но безуспешно. — Вы не хотите мне сказать?

— У меня нет имени, — ответил Бакман. — По крайней мере, сейчас. — Сейчас ему даже думать об этом было невыносимо.

— Вы какой-нибудь служащий? Вроде встречающего? Или вы из Торговой палаты Лос-Анджелеса? Я там разговаривал с несколькими чиновниками. Очень мило.

— Нет, — сказал Бакман. — Я сам по себе. Как и вы.

— Ну, у меня все-таки есть имя, — сказал черный человек. Ловким движением он выхватил из внутреннего кармана пальто твердую карточку, которую затем передал Бакману. — Монтгомери Л. Хопкинс, если угодно. Взгляните на карточку. Не правда ли, славно отпечатала. Мне нравится такой шрифт. Эти карточки мне обошлись в пятьдесят долларов за тысячу. Из-за предварительного соглашения не допечатывать цена вышла специальная. — На карточке бросались в глаза крупные заглавные буквы — черные и рельефные, очень красивые. — Я занимаюсь производством недорогих наушников аналогового типа с обратной биосвязью. В розницу они идут дешевле чем за сто долларов.

— Заезжайте ко мне в гости, — предложил Бакман.

— Позвоните мне, — сказал черный человек. Затем, медленно и твердо, чуть громче, добавил: — А знаете, такие вот места, такие вот автоза-

правки, где все управляется монеткой, поздними ночами наводят уныние. Как-нибудь потом мы непременно побеседуем. В каком-нибудь уютном местечке. Я очень вам симпатизирую и понимаю, как вы себя чувствуете — когда такие вот места нагоняют на вас тоску. Я почти всегда заправляюсь по пути домой с фабрики — так, чтобы мне не приходилось останавливаться здесь ночью. А ночные вызовы бывают у меня по нескольким причинам. Да, я очень хорошо понимаю, вы сейчас пали духом — так сказать, угнетены. Поэтому вы и передали мне ту записку, смысл которой, боюсь, тогда до меня не дошел, но теперь-то я хорошо понимаю. А потом вы захотели ненадолго меня обнять — знаете, немного по-детски, как сделал бы ребенок. В моей жизни бывали время от времени такие побуждения — или стоит сказать «импульсы»? Мне сейчас сорок семь. Да-да, я понимаю. Вам не хочется так поздно ночью оставаться одному, особенно когда так не по сезону холодно, как сейчас. Да-да, я полностью согласен — вы теперь просто не знаете, что сказать, потому что внезапно повиновались иррациональному импульсу, не задумываясь о конечных последствиях. Но не волнуйтесь, все в порядке, я прекрасно все понимаю. Прошу вас, не

волнуйтесь ни капли. Вы непременно должны ко мне заглянуть. Вам понравится мой дом. Он очень славный. Познакомитесь с моей женой и детишками. У нас трое детишек.

— Обязательно, — кивнул Бакман. — Я сохраню вашу визитку. — Достав бумажник, он положил туда карточку. — Спасибо.

— Пойду посмотрю, готов ли мой шустрец, — сказал черный человек. — У меня ведь и масло кончалось. — Он поколебался, направился было прочь, но затем вернулся и протянул Бакману руку. Двое мужчин обменялись кратким рукопожатием. — До свидания, — сказал черный человек.

Бакман смотрел, как он уходит. Расплатившись на заправке, черный человек забрался в свой слегка потрепанный шустрец, завел его и стал подниматься во мрак. Пролетая над Бакманом, черный человек отнял правую руку от руля и помахал на прощанье.

Доброй ночи, думал Бакман, молча маша в ответ застывшими от мороза пальцами. Затем он снова забрался в свой шустрец поколебался, чувствуя немоту в теле, выждал и, наконец, не глядя захлопнул дверцу и запустил мотор. Считанные секунды спустя он уже взвился в небо.

Лейтесь, слезы мои, подумал он. Первый в мире фрагмент абстрактной музыки. Джон Дауленд. «Вторая лютневая книга». Год 1600-й. Непременно проиграю этот диск на новом мощном квадрофонографе, когда доберусь домой, решил Бакман. Дома, где музыка сможет напомнить мне про Алайс и про всех остальных. Дома, где будет играть симфония, где будет гореть камин, где будет тепло-тепло.

Еще я поеду и заберу моего мальчугана. Завтра же рано утром полечу во Флориду и заберу Барни. Отныне он будет жить со мной. Мы будем вместе. И наплевать, какие там окажутся последствия. Хотя теперь никаких последствий не будет, все кончено. Опасности больше нет. И так будет всегда.

Шустрец Бакмана словно крался в ночном небе. Будто какое-то раненое, полуживое насекомое. Неся своего хозяина домой.

Часть четвертая

Hark! you shadows that in darkness dwell,
Learn to contemn light.
Happy, happy they that in hell
Feel not the world's despite.[4]

Эпилог

Судебный процесс по обвинению Ясона Тавернера в предумышленном убийстве Алайс Бакман был загадочным образом спущен на тормозах и закончился вердиктом о невиновности, что отчасти объяснялось блестящей адвокатской поддержкой, обеспеченной Эн-би-си и лично Биллом Вольфером, а также тем простым фактом, что Тавернер этого преступления не совершал. Ника-

---

[4] Примечания: 4

Слушайте! Тени в кромешной мгле
Истинно знают ответ на свет:
Что кроме злобы нас ждет на земле —
Злобы, которой за смертью нет?

(Фрагмент стихотворения Джона Дауленда «Жалоба»; перев. с англ. А. Береста.)

кого преступления, собственно говоря, и не было. Первоначальное заключение коронера подверглось пересмотру, который завершился отставкой коронера и заменой его более молодым коллегой. Телевизионные рейтинги Ясона Тавернера, упавшие до низкой отметки во время процесса, подскочили одновременно с вердиктом, да так, что в итоге аудитория Тавернера составила уже не тридцать, а тридцать пять миллионов.

Дом, которым совместно владели и где жили Феликс Бакман и его сестра Алайс, несколько лет находился под туманным правовым статусом. Дело было в том, что Алайс завещала свою долю собственности одной лесбиянской организации под названием «Сыны Кариброна» со штаб-квартирой в Лис-Саммит, штат Миссури, а сие почтенное общество пожелало превратить дом в пристанище для нескольких своих святых. В марте 2003 года Феликс Бакман продал «Сынам Кариброна» свою долю собственности и на полученные деньги вместе со своими многочисленными коллекциями перебрался на Борнео, где жизнь дешевле, а полиция любезней.

Эксперименты с наркотиком мультипространственного включения КР-3 были официально прекращены в конце 1992 года из-за его токси-

ческих свойств. Однако полиция еще несколько лет втайне опробовала его на обитателях исправительно-трудовых лагерей. Но в конце концов из-за возникновения широкомасштабных угроз общего порядка министр обороны приказал полностью ликвидировать проект.

Годом позже Кати Нельсон достоверно узнала (а главное — согласилась с известием) о давней смерти своего мужа Джека, как и твердил ей Макнульти. Осознание этого события ускорило ее очевидный психотический срыв, и Кати снова поместили в больницу — на сей раз, к счастью, куда менее стильную, чем Морнингсайд.

В пятьдесят первый и последний раз в своей жизни Рут Рей вышла замуж за престарелого, толстобрюхого и, несмотря на постоянные нелады с законом, преуспевающего торговца оружием, проживавшего в нижнем Нью-Джерси. Весной 1994 года Рут умерла от передозировки алкоголя, принятого вместе с новым транквилизатором под названием френазин. Судя по всему, она не учла угнетающего влияния френазина на центральную нервную систему, а также на блуждающий нерв. К моменту своей смерти Рут весила девяносто два фунта — результат тяжелых и хронических проблем с психикой. Так и не удалось

выяснить, была эта смерть результатом несчастного случая или умышленного самоубийства; в конце концов, препарат был сравнительно нов. Супруг Рут Рей, Джек Монго, к тому времени уже сильно погрязший в долгах, пережил ее едва ли на год. Ясон Тавернер пришел на похороны своей бывшей любовницы и чуть позднее, на торжественной церемонии поминок, познакомился с подружкой Рут по имени Фэй Кранкхейт, союз с которой продлился у него аж два года. От нее Ясон узнал, что Рут Рей периодически подключалась к сексети; это помогло ему понять, почему она стала такой, какой он встретил ее в Вегасе.

Хильда Харт, все более циничная и стареющая, постепенно забросила свою певческую карьеру и скрылась из виду. После нескольких попыток ее отыскать Ясон Тавернер сдался и, несмотря на зловещую концовку, отнес этот роман к одному из лучших достижений в своей жизни.

Ясон также услышал, что Мари-Анн Доминик получила крупный международный приз за свою керамическую кухонную утварь, но так и не потрудился ее разыскать. А вот Моника Буфф еще раз возникла в его жизни в конце 1998 года, все такая же неухоженная и все такая же привлекательная в своей неопрятности. Ясон

несколько раз с ней встретился, а потом бросил. Многие месяцы она писала ему странные и длинные письма, где над словами были начертаны какие-то тайные знаки, но и это в конце концов прекратилось, чему Ясон был очень рад.

В логовищах под руинами громадных университетов студенческое население постепенно бросало свои тщетные попытки наладить жизнь, как оно ее понимало, и добровольно — по большей части — переправлялось в исправительно-трудовые лагеря. Таким образом, осадок Второй гражданской войны постепенно улегся, и в 2004 году, в качестве пробной модели, был заново отстроен Колумбийский университет, а управляемому, разумному студенческому коллективу было позволено посещать санкционированные полицией курсы.

К концу своей жизни генерал полиции в отставке Феликс Бакман, проживая на свою пенсию на Борнео, написал автобиографические откровения о работе полицейского аппарата в масштабах всей планеты — книгу, которая вскоре поступила в нелегальное обращение во всех крупнейших городах мира. За это летом 2017 года генерал Бакман был застрелен наемным убийцей, найти которого, разумеется, так и не удалось. Никаких

арестов в связи с этим делом также произведено не было. Книга генерала Бакмана, «Ментальность правопорядка», продолжала тайно циркулировать многие годы после его смерти, но даже она была в конце концов позабыта. Исправительно-трудовые лагеря все сокращались и в итоге прекратили свое существование. Полицейский аппарат постепенно, в течение десятилетий, сделался слишком громоздким и неуклюжим, чтобы всерьез кому-то угрожать, и в 2136 году ранг маршалов полиции был упразднен.

Некоторые коллекционные комиксы, которые за свою недолгую жизнь собрала Алайс Бакман, впоследствии оказались в музеях, где хранились артефакты утраченных поп-культур, и в итоге ежеквартальным журналом «Библиотекарь» Алайс даже была признана ведущим авторитетом конца двадцатого века по части искусства С-М. Черно-белая почтовая марка Транс-Миссисипи номиналом в один доллар, подаренная сестре Феликсом Бакманом, была в 1999 году приобретена на аукционе одним коллекционером из Варшавы. После этого она исчезла в мутном море филателии, чтобы никогда уже не всплыть на поверхность.

Барни Бакман, сын Феликса и Алайс Бакман,

рос трудным подростком, а повзрослев, вступил в ряды нью-йоркской полиции. На втором году своей службы оперативником Барни выпал из некондиционного пожарного выхода, когда составлял рапорт об ограблении квартиры, где некогда проживали богатые негры. Оказавшись в двадцать три года парализованным ниже пояса, Барни стал проявлять интерес к телевизионной рекламе и вскоре уже владел впечатляющей видеотекой самых старинных и престижных образцов этого жанра, которые он весьма дальновидно и проницательно выменивал, покупал и продавал. Барни прожил долгую жизнь, мало что помня о своем отце и совсем ничего — об Алайс. Вообще говоря, Барни Бакман редко на что жаловался, а кроме того, с некоторых пор с головой ушел в собирание старинных пробок от «алказельцер», составивших его особое пристрастие из всех прочих прекрасных мелочей.

Кто-то в Полицейской академии Лос-Анджелеса украл «дерринджер» двадцать второго калибра, который хранил у себя в столе Феликс Бакман, и таким образом этот пистолет исчез навеки. Оружие со свинцовыми пулями было уже к тому времени анахронизмом, если не считать коллекционных экземпляров, и клерк-учетчик в

академии, чьей задачей было обнаружить след пропавшего пистолета, мудро рассудил, что «дерринджер» нашел свое пристанище в холостяцкой квартире одного из мелких чиновников, и на том закончил свое расследование.

В 2047 году Ясон Тавернер, давно оставивший поприще шоу-бизнеса, умер в частном пансионе от аколического фиброза — недуга, подхваченного землянами в некоторых марсианских колониях, первоначально предназначавшихся для сомнительного увеселения скучающих богачей. Его наследство включало в себя дом с пятью спальнями в Де-Мойне, полный в основном памятных для Ясона вещей, а также крупную долю акций корпорации, пытавшейся — и не сумевшей — профинансировать коммерческое челночное сообщение с Проксимой Центавра. Уход Ясона Тавернера в мир иной был не очень заметен, хотя в большинстве газет крупных городов появились краткие некрологи. Похороны были проигнорированы в теленовостях, зато не проигнорированы Мари-Анн Доминик, которая, уже на своем девятом десятке, по-прежнему считала Ясона Тавернера знаменитостью, а свою встречу с ним — важной вехой в ее долгой и успешной жизни.

Голубая ваза работы Мари-Анн Доминик, купленная Ясоном Тавернером как подарок для Хильды Харт, в конце концов оказалась в частной коллекции современного гончарного искусства. Там она остается и по сей день, представляя собой большую ценность. По совести говоря, все те, кто понимает толк в керамике, открыто и искренне ею восхищаются. И любят.